

02(06)
Л45

Министерство культуры РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БИБЛИОТЕЧНЫЙ ИНСТИТУТ
имени Н. К. КРУПСКОЙ

Т Р У Д Ы

Том I

ЛЕНИНГРАД
1956

м.к. 2001

556344

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Министерство культуры РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Б И Б Л И О Т Е Ч Н Ы Й И Н С Т И Т У Т
имени Н. К. КРУПСКОЙ

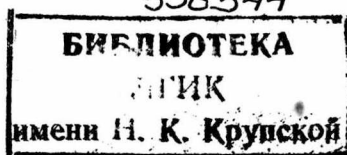
Т Р У Д Ы

Том

I

ЛЕНИНГРАД 1956

556344

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Н. ЖИТОМИРОВА, А. Г. КОВАЛЕВ, И. Г. КОРШУНОВ, Э. С. ЛИТВИН,
И. А. МОХОВ, П. И. ПИПУНЫРОВ, С. А. РЕЙСЕР, В. Ф. САХАРОВ,
Н. П. СКРЫПНЕВ, Г. Г. ФИРСОВ

Ответств. редактор Н. П. СКРЫПНЕВ
Секретарь Э. С. ЛИТВИН

Сборник подготовлен к печати М. П. БРОНШТЕЙН

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Стр.

А. И. Новиков. Кафедра марксизма-ленинизма. Вопросы культуры в большевистской периодической печати 1905—1907 гг. А. А. Громова. Кафедра библиотековедения. Правовое положение народных библиотек в России и его изменение в 1905—1907 гг. Б. В. Банк. Кафедра библиотековедения. Изучение читателей в Смоленских вечерних классах. (О педагогической и библиотечной работе Н. К. Крупской в 1891—1896 гг.). З. И. Ривлин. Кафедра библиотековедения. Планирование и размещение сети общедоступных библиотек Ленинграда С. И. Копылов. Кафедра библиографии. О едином читательском каталоге книг и статей. (В порядке обсуждения) Н. А. Таманцев. Кафедра литературы. О типовой схеме систематического каталога художественной литературы в массовых библиотеках. (В порядке обсуждения) М. А. Брискман. Кафедра библиографии. В. Г. Анастасевич и вопросы теории библиографии Э. С. Литвин. Кафедра литературы. Книга в жизни и творчестве В. Я. Брюсова	9 23 39 67 103 125 135 159
--	--

СООБЩЕНИЯ

Е. П. Щербакова. Кафедра библиографии. К истории издания и распространения произведений В. И. Ленина в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. (Март—апрель 1917 г.). Г. В. Пирусская. Кафедра детской литературы и библиотечной работы с детьми. Пропаганда литературы о сельском хозяйстве среди учащихся среднего возраста. (Из опыта работы детских библиотек в помощь политехническому обучению)	187 197
---	-----------------------

Е. В. Иениш.	Кафедра библиографии.	
О классификации технической литературы в органах государственной регистрации		209
Г. Г. Фирсов.	Кафедра библиотековедения.	
Централизованная каталогизация в Китайской Народной Республике.		217
Н. А. Таманцев.	Кафедра литературы.	
«Список запрещенных книг» Ватикана		221

РАЗЫСКАНИЯ

Б. Я. Бухштаб.	Кафедра литературы.	
Разыскания по истории русской литературы XIX века. (1. Адресат эпиграммы Е. А. Баратынского. 2. Три стихотворных послания Ф. И. Тютчева. 3. Биографии П. П. Ершова)		233
С. А. Рейсер.	Кафедра литературы.	
1. Неизвестная эпиграмма Ф. И. Тютчева. 2. Из разысканий по истории русской политической лексики («Декабрист»)		243

РЕЦЕНЗИИ

В. Н. Акимов.	Кафедра библиографии.	
Библиографические пособия областных библиотек по сельскому хозяйству		257
А. С. Мильников.	Кафедра библиографии.	
Чешско-славянские связи в библиографии		267
И. В. Гудовщикова.	Кафедра библиографии.	
Новое руководство по библиографическим справочникам. (Totok W. und Weitzel R. Handbuch der bibliographischen Nachschlagewerken. Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1954. 258 стр.)		273
Хроника		283

Большие и ответственные задачи, поставленные XX съездом Коммунистической партии Советского Союза перед народом, требуют дальнейшего серьезного улучшения качества библиотечной работы.

Первый том «Трудов» Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской подводит некоторые итоги научной работы преподавательского коллектива.

Большая часть статей отражает ряд проблем, разрешение которых направлено на лучшее обслуживание читателя.

Одним из важнейших вопросов, разработка которого необходима для максимального приближения библиотечной книги к населению, является планирование и размещение библиотечной сети. В одной из статей, опубликованных на страницах сборника, сделана попытка наметить размещение общедоступных библиотек на основе изучения радиуса действия существующих библиотек Ленинграда.

В сборнике нашел отражение другой, не менее важный для дальнейшего улучшения качества обслуживания читателей, вопрос об организации и наполнении читательских каталогов. В связи с этим подняты актуальные, хотя во многом дискуссионные вопросы и критически анализируется современное состояние каталогов.

Необходимостью пропаганды трудов основоположников марксизма-ленинизма в тесной связи с практикой социалистического строительства определяется интерес сообщения об опыте и масштабе распространения в 1917 году работ В. И. Ленина, мобилизовавших трудящихся на борьбу за осуществление ленинского плана перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Актуальная проблема — работа библиотек в помощь политехническому обучению нашла отражение в сообщении, подводящем предварительные итоги работы детских библиотек по подготовке школьников к будущей практической деятельности.

Ускорение технического прогресса, намеченное XX съездом партии, предъявляет серьезные требования к постановке библиографической информации в области технической литера-

туры. В связи с этим представляет интерес рассмотрение практики классификации технической литературы в органах государственной регистрации, как в наиболее полных и оперативных источниках информации.

Рост культурных связей Советского Союза с другими странами мира повышает интерес к некоторым фактам из опыта работы библиотек Китайской Народной Республики, а также к библиографическим трудам, вышедшим в Германской Демократической Республике и в Чехословакии.

В сборник вошли работы, выполненные как на специальных, так и на общенаучных кафедрах; однако тематика и направленность их одинаково определяется профилем Института и задачами, поставленными перед библиотечной общественностью решениями XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

СТАТЬИ

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1905—1907 гг.

Первая русская революция, явившаяся великим событием в политической и экономической жизни России — да и не только России — была вместе с тем знаменательным этапом развития русской культуры. Революция 1905 г. явилась, по характеристике Горького, «актом великого культурного значения».¹

В ходе революционных боев народные массы во главе с пролетариатом, как гегемоном революции, проявили свои неисчислимые творческие силы, готовность покончить с тяжелым политическим, экономическим и духовным гнетом царизма.

Коммунистическая партия, руководя этой борьбой трудящихся, уделяла в период революции большое внимание разоблачению реакционной буржуазно-помещичьей идеологии и распространению среди широких народных масс лучших достижений передовой культуры. Внимание партии к этим вопросам определялось не абстрактно-просветительскими, «культурническими» соображениями, а коренными интересами революции. Борьбу за передовую, демократическую культуру большевики рассматривали как необходимое условие для подъема творческой активности и сознательности народных масс. «Чтобы стать великой, — писал В. И. Ленин, — русская революция «... должна поднять к активной жизни, ... к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости...»²

Могучим средством борьбы за передовую культуру и оружием воспитания трудящихся явилась в период революции 1905—1907 гг. большевистская печать.

Выполняя решения III съезда партии о массовом выпуске популярных брошюр и издании популярного печатного органа в России,³ большевистские организации осуществили выпуск десятков легальных и нелегальных газет, а также целого ряда журналов в Петербурге и в других городах.

Издательская деятельность большевиков в 1905 г. явилась

¹ Горький А. М. Статьи 1905—1916 гг. Пг., 1918, стр. 92.

² Ленин В. И. Соч., т. 8, стр. 263.

³ См. КПСС в резолюциях. Изд. 7, ч. I, 1953, стр. 83.

крупнейшим событием в истории русской и мировой печати. «Впервые в русской истории, — отмечал Ленин, — свободно появились в Петербурге и других городах революционные газеты».¹

Большевистская печать неустанно разъясняла массам программу партии, ее организационные и тактические принципы, делала достоянием трудящихся лозунги партии, разоблачала царизм и его явных и скрытых пособников.

Ленин писал в октябре 1905 г., что «руководить партией при теперешнем гигантском, невероятном росте движения можно только печатью».²

Вождь партии — В. И. Ленин явился организатором и руководителем всей многообразной работы большевистской печати. В период революции 1905—1907 гг. Ленин редактирует или принимает непосредственное участие в таких изданиях, как газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Волна», «Эхо», журнал «Вестник жизни» и др.

Вместе с Лениным в центральной и местной большевистской печати работают выдающиеся деятели большевистской партии В. Воровский, С. Спандарян, С. Шаумян и др.

Громадный размах и сильнейшее влияние большевистской печати на массы в 1905 г. были вынуждены признать и царские сатрапы. Министр внутренних дел Булыгин докладывал царю, что «враждебные правительству органы печати... приобретают в среде политически-незрелого русского общества все большее и большее распространение, а вместе с тем силу и авторитет».³

Большевистская печать систематически освещала вопросы культуры, рассматривая их в неразрывной связи с политическими задачами пролетариата и ходом революции. Ленин подчеркивал необходимость «связать и литературную критику теснее с партийной работой».⁴

Показательно, что первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» в № 1 писала, что она «ставит своей целью быть выразителем политических и экономических интересов рабочего класса, что «большое внимание будет уделено научным, эстетическим, философским вопросам».⁵

Эта программа последовательно проводилась не только «Новой жизнью», но и другими большевистскими газетами.

* * *

¹ Ленин В. И. Соч., т. 23, стр. 240.

² Там же, т. 34, стр. 312.

³ «Красный архив», 1941, 2 (105), стр. 144.

⁴ Ленин В. И. Соч., т. 34, стр. 332.

⁵ «Новая жизнь», 1905, № 1, 27 октября.

В большевистской печати периода первой русской революции значительное место занимает разработка и освещение теоретических основ марксистского учения о культуре, всесторонне развитого Лениным.

Еще в 1902 г. в труде «Что делать?» В. И. Ленин показал, что идеология, как составная часть культуры, ее духовная сторона, порождается соответствующими условиями и потребностями материальной жизни общества и является их отражением. В классовом обществе идеология и, следовательно, духовная культура в целом носит по своему содержанию классовый характер. Возникая на базе определенных материальных условий, идеи становятся активной силой, оказывают обратное воздействие на общественное бытие. Внесение партией идей научного социализма в рабочее движение является, как доказал Ленин, необходимым условием мобилизации и организации масс для победы в революции.

Эти важнейшие ленинские положения широко освещаются большевистской печатью 1905 года.

Глубокую характеристику материалистического понимания общественных явлений, в частности культуры, дал выдающийся пропагандист марксизма С. Шаумян в работе «Эволюционизм и революционизм в общественной науке», напечатанной в газете «Кавказский рабочий листок». В этой статье (содержание которой, к сожалению, почти не нашло отражения в нашей литературе) С. Шаумян писал, что все идеологические явления, вся духовная культура являются вторичными, производными факторами по отношению к «экономической структуре общества», которая «является тем «базисом», над которым возвышается идеологическая «надстройка».¹

С. Шаумян показывает прогрессивную роль революций в обществе как могучего орудия уничтожения отжившего политического и экономического строя и ликвидации господства устаревших идеологических форм — философии, права, морали.

Большевистская печать вскрывает несостоятельность буржуазных обвинений по адресу марксистов в том, что последние якобы все сводят к «низменным интересам», к «желудку» и отрицают духовную культуру. «Исторический материализм, — писал «Кавказский рабочий листок», — не игнорирует роли идейных факторов, а только считает их факторами производными».²

Освещение на страницах большевистской печати этих теоретических вопросов имело громадное воспитательное значение.

¹ «Кавказский рабочий листок», 1905, № 6, 30 ноября.

² «Кавказский рабочий листок», 1905, № 11, 7 декабря.

Партия разъясняла народным массам важнейшие принципы научного понимания общественных явлений, в том числе культуры, и подводила трудящихся к выводу, что для подлинного расцвета культуры и духовного роста народных масс необходимо коренное изменение социально-политических условий жизни страны.

Одним из важнейших событий в идейной жизни большевистской партии, в развитии передовой демократической и социалистической культуры явилась напечатанная в 1905 г. в газете «Новая жизнь» статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Обоснование в этой статье принципа партийности идеологии являлось дальнейшим развитием марксистского учения о классовой борьбе в обществе. В. И. Ленин дал глубокий диалектический анализ взаимосвязи свободы и необходимости в творчестве художника. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»,¹—писал Ленин. Абсолютная свобода художника есть буржуазная фраза. Подлинно свободным в своем творчестве является художник, осознавший необходимость революционного преобразования общества, сознательно стоящий на позициях научного социализма. Ленин разоблачил буржуазную идею «беспартийности» искусства, прикрывающую классовый эгоизм эксплуататоров, и обосновал программу борьбы за печать и литературу, свободную от капитала, от карьеризма, от буржуазно-анархического индивидуализма, служащую «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».²

Ленинская идея партийности идеологии пронизывает все выступления большевистской печати 1905—1907 гг. по вопросам культуры. «Новая жизнь», выступая против лживого буржуазного тезиса о «несовместимости» политики с наукой, писала, что «наука не может быть свободна от самой прозаичной политики... В буржуазном строе «академическая наука»... была всегда грубо тенденциозной, грубо буржуазной и защищавшей интересы господствующих классов».³ «Кавказский рабочий листок» перепечатывает важнейшие положения ленинской статьи, отмечая, что «обстоятельная статья т. Н. Ленина указывает на новые задачи, выдвинутые жизнью перед партией».⁴

С. Спандарян в большевистском журнале «Нор Хоск» («Новое слово»), разоблачая буржуазных идеологов, писал: «напрасно бахвалятся своей «свободой» наши ученые, писатели и

¹ Ленин В. И. Соч., т. 10, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

³ «Новая жизнь», 1905, № 12, 13 ноября.

⁴ «Кавказский рабочий листок», 1905, № 1, 20 ноября.

художники, напрасно ставят себя выше рынка. Они являются слугами буржуазии».¹

Большевистский журнал «Вестник жизни» публикует ряд статей А. Луначарского по вопросам искусства, в которых раскрываются и применяются многие положения ленинской статьи о партийности литературы. Характеризуя упадок буржуазного модернистского искусства, зашедшего в тупик формализма, Луначарский показывает пагубную роль теории «чистого искусства»; «...безыдейность, — писал он, — полонила большинство как западных, так и наших отечественных художников».²

Ленинский принцип партийности требовал непримиримой борьбы с позиций марксизма против врагов демократической культуры из буржуазно-помещичьего лагеря. Большевистская печать систематически вела эту борьбу.

Ленин в «Пролетарии» клеймил царизм как злейшего врага культуры. «Самодержавие, — писал он, — держалось веками угнетения трудового народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры».³

Большевики решительно срывали с царского самодержавия фальшивую маску «защитника культуры».

ЦК РСДРП в одной из листовок вскрывал лживость царского манифеста от 17 октября 1905 г., враждебного народу и культуре. «Нам царь «даровал» свободу слова и собраний и в то же время печать продолжает стонать под игом цензуры, ... учебные заведения занимаются войсками, и всякое свободное, смелое слово вызывает кровавую расправу».⁴ Разоблачая антинародный характер господствующей религиозно-монархической идеологии, большевистская печать большое внимание уделяла в период революции 1905 г. борьбе против религии — орудия духовного порабощения народа. «Религия, — писал Ленин в «Новой жизни», — есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством».⁵ Задача идейной борьбы против религии могла быть выполнена лишь партией пролетариата, как гегемона революции. «Современный пролетариат, — указывал Ленин, — становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом»...⁶ Раскрывая непримиримость науки и религии, Ленин подчеркивал, что партия, как союз передовых борцов за осво-

¹ «Нор Хоск», 1905, № 3, 4, 5, 6, 5—13 сентября. Цит. по С. Спандарян «Статьи, письма, документы», Ереван, 1940, стр. 66.

² «Вестник жизни», 1907, № 2, стр. 103.

³ «Пролетарий», 1905, № 14, 26 августа.

⁴ «Исторический архив», АН СССР, 1955, № 1, стр. 57.

⁵ Ленин В. И. Соч., т. 10, стр. 65.

⁶ Там же, стр. 66.

бождение рабочего класса, не может безразлично относиться к духовному гнету, ко всякому мракобесию, в том числе и к религии. Следует подчеркнуть, что Ленин решительно осуждал всякое оскорбление чувств верующих. Большевики отстаивают свободу совести, полное отделение церкви от государства для того, — писал он, — «чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом».¹

Ленин особо отмечает роль печати в атеистической пропаганде, говоря, что «... издание соответственной научной литературы... должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы».²

Газета «Вперед» подчеркивала, что, отстаивая свободу совести, большевики требуют прежде всего свободы пропаганды материалистической философии — могучего средства борьбы против религиозно-идеалистического мировоззрения.³

Следуя этим ленинским указаниям, большевики в 1905—1907 гг. развернули широкую издательскую деятельность. Большими тиражами были изданы труды Маркса и Энгельса по материалистической философии. Выдающимся событием явилось появление в легальной газете большевиков «Новая жизнь» статьи В. И. Ленина «Социализм и религия», которая была первым в истории русской печати открытым выступлением против реакционной роли религии и церкви. В этом факте проявилось и культурное значение борьбы русского пролетариата, заставившего царское самодержавие в октябрьские дни 1905 года пойти на некоторое отступление. В результате этой борьбы впервые в России в годы революции была опубликована полностью книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», собрание сочинений Н. Г. Чернышевского и, наконец, знаменитое письмо Белинского к Гоголю — это замечательное произведение революционно-демократической мысли, которое В. И. Ленин оценил как выдающееся событие в истории русской культуры, подчеркивая, что лишь в 1905 году это произведение стало открыто распространяться среди народных масс.⁴

Выступая против царизма как оплота мракобесия, большевистская печать последовательно разоблачала и прислужников царизма из числа кадетской либеральной буржуазии — главного врага освободительного движения.

В своих изданиях («Речь», «Полярная звезда», «Свобода и культура») идеологи кадетов Струве, Бердяев, Булгаков, Франк и др. клеветнически обвиняли революционный пролета-

¹ Ленин В. И. Соч., т. 10, стр. 68.

² Там же.

³ См. «Вперед», 1905, № 16, 30 апреля.

⁴ См. Ленин В. И. Соч., т. 13, стр. 286.

риат в «варварстве», в стремлении «разрушить цивилизацию»; тем самым кадеты демагогически пытались представить себя «защитниками» культуры и продолжателями культурных традиций.

В. И. Ленин в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии», вышедшей в марте 1906 г., назвал кадетскую характеристику революции «профессорски педантской, чиновнически-мертвенной», а самих кадетов определил как «могильных червей революции».¹

Ленин в «Пролетарии» беспощадно разоблачает представителя буржуазно-либеральной науки — историка Виноградова, этого «мужа алтынной науки», который, прикрываясь псевдонаучными ссылками и примерами, пытался доказать, что революции по своему существу враждебны культуре. В противовес буржуазным либералам Ленин показал, что социальные революции пробуждают народные массы к сознательному историческому творчеству и, тем самым, способствуют идейному и культурному росту масс, создают для него необходимые социально-политические предпосылки. Это тем более было верно по отношению к России, ибо во главе русской революции 1905 г. выступил пролетариат, руководимый боевой марксистской партией.

Следуя ленинским идеям, глубокую критику буржуазных либералов, как врагов передовой культуры, дал В. Воровский в целом ряде статей периода революции. Воровский убедительно доказал, что кадеты порвали со всеми демократическими традициями русской культуры. Он писал в «Пролетарии», что кадеты «отказались от родства с последовательно-демократическими течениями русской общественной мысли и предпочли утвердить свою духовную преемственность со щедринским Балалайкиным».²

Острой критике подверг Воровский идеалиста Бердяева, который в статье «Революция и культура» объявил кадетов наследниками Белинского и Добролюбова. Выступая в журнале «Образование» (в котором в 1905—06 гг. сотрудничали большевики), Воровский убедительно показал, что лишь марксисты продолжают и развивают передовые традиции русской культуры; что же касается буржуазных либералов, то эти «идеалистические идеологи мещанского строя» лишь «приписываются к родству», превращают слова великих русских мыслителей и писателей в пустые фразы.³

Большевистская печать не только разоблачала врагов культуры, но и четко формулировала и неустанно разъясняла отно-

¹ Ленин В. И. Соч., т. 10, стр. 194, 227.

² «Пролетарий», 1905, № 2, 3 июня.

³ Воровский В. Соч., т. II, 1931, стр. 29.

шение пролетариата к различным областям культуры: искусству, образованию, библиотечному делу и т. д.

В этом отношении характерна статья «Искусство и пролетариат», опубликованная в газете московских большевиков «Борьба» за несколько дней до декабрьского вооруженного восстания 1905 года.

Раскрывая классовый характер искусства, газета подчеркивала великую роль пролетариата не только в области политических и экономических преобразований, но и в области культуры. Именно этому классу, — писала «Борьба», — «суждено родить новое искусство».¹

Газета отмечала, что вместе с ростом идейно-политической зрелости пролетариата «растет у него и сознание ценности искусства, растет этико-эстетическая культура рабочего класса».²

Широко освещая на своих страницах стремление рабочих овладеть культурой, их тягу к лекциям, книгам, театрам, «Борьба» делает вывод: «ясно, как велики и сильны эстетические потребности рабочего люда даже теперь, в острый момент политической борьбы, накануне боевого выступления пролетариата».³

Ряд статей по вопросам искусства публикует в большевистской печати А. Луначарский. «Пролетариат, — писал он, — вступает во владение своим культурным наследием, но он серьезно почистит его, он отделит пшеницу от плевел».⁴

Луначарский, как и другие большевистские публицисты, особо подчеркивал великую роль русской классической литературы и реалистической, идейной русской живописи. «Эклектизму, беспредметности, преобладанию формы над содержанием» в буржуазном искусстве он противопоставлял творения Крамского, Репина, Васнецова.⁵

Большое значение для культурного роста народных масс имела деятельность руководимого А. М. Горьким издательства «Знание», которое в период революции издавало массовыми тиражами произведения художественной литературы и популярную марксистскую литературу. Эта издательская деятельность высоко оценивалась Лениным как факт большого общественного и культурного значения.⁶

Издательская работа Горького была лишь частью той многогранной деятельности, которую осуществлял великий писатель в 1905—07 гг.

¹ «Борьба», 1905, № 8, 6 декабря.

² Там же.

³ «Борьба», 1905, № 8, 6 декабря.

⁴ «Вестник жизни», 1907, № 2, стр. 98.

⁵ Там же, стр. 111.

⁶ См. Ленин В. И. Соч., т. 18, стр. 286.

Горький активно участвует в борьбе большевистской печати за передовую демократическую и социалистическую культуру. В газете «Новая жизнь» он печатает знаменитые «Заметки о мещанстве»¹, в которых беспощадно разоблачает реакционную буржуазную культуру и ее апологетов. Великий пролетарский писатель клеймит состоящую на службе у капитала науку, которая стремится «доказать необходимость для большинства людей подчиняться меньшинству»², буржуазную философию, стремящуюся «подвести.. основу под процесс насилия над миллионами людей».³

С гордостью писал Горький о талантливости великого русского народа, который даже в условиях гнета и насилия, выдвинул Ломоносова, Кольцова, художника Сурикова. Русская литература, указывал Горький, должна создать героический образ борца против угнетения и самодержавия. Эта поистине великая задача была выполнена прежде всего самим Горьким, написавшим в период революции 1905 г. «Мать». В большевистской газете «Борьба» Горький публикует острый памфлет «И еще о чорте»⁴, где бичует мещан и собственников из рядов кадетской партии, рядившихся в тогу «защитников культуры».

Деятельность Горького в большевистской печати 1905 г. была высоко оценена Лениным, который, обращаясь к Горькому, писал в 1908 г.: «Почему бы не продолжить, не ввести в обиход тот жанр, который Вы начали «Заметками о мещанстве» в «Новой жизни» и начали по-моему хорошо».⁵

Большевистская печать пропагандировала лучшие произведения Горького. Так, «Вестник жизни» публикует обстоятельную статью о пьесе «Варвары», где отмечает ее громадную познавательную и художественную ценность.⁶

Участие Горького в революционных событиях 1905 г., работа его в рядах большевистской партии, на страницах большевистской печати, заботливое и направляющее внимание Ленина— все это оказало могучее воздействие на мировоззрение и творчество основоположника социалистического реализма — Горького, навсегда связавшего свое творчество с интересами рабочего класса.

Последовательно воспитывая у народных масс любовь к великой русской культуре, большевистская печать вместе с тем широко освещала выдающиеся достижения зарубежной культуры. В одной из своих статей Ленин ставил вопрос о необхо-

¹ См. «Новая жизнь», 1905, № 1, 4, 12, 18.

² Горький А. М., Соч., т. 23, стр. 343.

³ Горький А. М., Соч., т. 23, стр. 365.

⁴ «Борьба», 1905, № 1.

⁵ Ленин В. И., Соч., т. 34, стр. 33.

⁶ «Вестник жизни», 1906, № 2.

димости перевода и массового распространения французской просветительской и атеистической литературы 18 века, этого острого оружия в борьбе против деспотизма и мракобесия.¹

Газета «Вперед» рассказывала о благородной инициативе «лучших литераторов» Франции — А. Франса, О. Мирбо, организовавших в 1905 г. «Общество друзей русского народа и присоединенных к России народов».²

«Пролетарий», публикуя программу занятий с рабочими в пропагандистских кружках, рекомендовал использовать наряду с другими художественными произведениями, книги прогрессивных западно-европейских писателей: Гауптмана — «Ткачи», Золя «Жерминаль», Мирбо «Дурные пастыри».³

Большую статью Ф. Меринга о немецком революционном поэте Фрейлиграте, друге Маркса, напечатал журнал «Вестник жизни».⁴

Все эти факты свидетельствуют о том, что большевистская печать, систематически, в духе подлинного интернационализма, воспитывала у трудящихся России уважение к культуре других народов.

* * *

Важной задачей в борьбе большевиков за передовую демократическую культуру являлось привлечение на сторону партии лучшей части интеллигенции, использование ее опыта и знаний в интересах трудящихся, для подъема культуры народных масс.

Рассматривая интеллигенцию, как важный резерв пролетариата в буржуазно-демократической революции, большевики привлекали на свою сторону демократическую интеллигенцию, отвоевывали ее из под влияния кадетов и эсеров, разоблачали те слои буржуазной интеллигенции, которые поддерживали помещичье-буржуазный строй.

Эта деятельность большевиков находила свое отражение на страницах большевистской печати.

Журнал «Вестник жизни» дал решительный отпор попыткам возродить «махаевщину» — антимарксистскую реакционную вражду к интеллигенции и противопоставить интеллигенцию рабочим.⁵ Систематически критикуя «беспартийные» программы буржуазно-либеральных союзов адвокатов, врачей и т. д., центральный орган большевиков «Пролетарий» призывал прежде всего вести работу «среди тех слоев интеллигенции, поло-

¹ См. Ленин В. И. Соч., т. 10, стр. 68.

² «Вперед», 1905, № 10, 15 марта.

³ «Пролетарий», 1905, № 16, 14 сентября.

⁴ «Вестник жизни», 1906, № 2.

⁵ «Вестник жизни», 1907, № 4, стр. 155—157.

жение которых приближается к положению промышленного пролетариата».¹

Особое внимание большевистская печать обратила на работу среди народных учителей, которые, как писал Васильев-Южин, «сами близко знают и великие нужды народа, и всех его больших и малых мучителей и грабителей».²

Большевистская «Новая жизнь» регулярно освещала процесс сближения передовой интеллигенции с революционным пролетариатом и его партией. Газета опубликовала устав «Социал-демократического союза деятелей по школьному и внешкольному образованию», в котором прямо подчеркивалось, что для подлинного расцвета культуры народа «необходимо коренное переустройство существующего строя на основах социализма».³

Так же широко освещала большевистская печать подъем студенческого движения. Центральный орган большевиков «Пролетарий» настойчиво боролся за совместные действия студентов с рабочим классом. В газете печатался призыв к студентам Московского университета, использовать «аудитории и все те удобства, которые доставляет учебное заведение, чтобы совместно с пролетариатом немедленно же начать подготовку к вооруженному восстанию».⁴

Активное участие студентов, учителей и т. д. вместе с героическим московским пролетариатом в декабрьском вооруженном восстании, как и в революции в целом, явилось результатом упорной борьбы, которую вели за интеллигенцию большевики на страницах печати, собраниях, в организациях. Эта деятельность большевиков сыграла значительную роль в сплочении вокруг рабочего класса всех демократических сил страны, что явилось одним из важнейших условий победы народа в грядущих революционных битвах.

В борьбе за распространение среди широких народных масс передовой демократической культуры, большевистская печать в 1905—1907 гг. уделяет значительное внимание использованию таких учреждений как библиотеки, школы, подчеркивая важность усиления партийного влияния на эти очаги культуры.

Деятельность библиотек В. И. Ленин рассматривает, как важную часть литературного дела, которое должно развиваться под контролем партии. В. И. Ленин писал в «Новой жизни», что

¹ «Пролетарий», 1905, № 18, 26 сентября.

² «Пролетарий», 1905, № 4, 17 июня.

³ «Новая жизнь», 1905, № 1, 27 октября.

⁴ «Пролетарий», 1905, № 20, 10 октября.

«Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным».¹

В этой же газете, через несколько дней после ленинской статьи, указывалось, что «следует немедленно приступить к устройству повсеместно рабочих политических клубов с библиотеками и читальнями».²

В декабре 1905 г. в Москве был создан общестуденческий социал-демократический клуб для «идейного и политического воспитания учащихся... в духе РСДРП...». С этой целью, указывалось в газете «Вперед», клуб организовал библиотеку и читальню, устраивает лекции и т. д.³

Внимание большевиков к организации библиотечного дела отвечало потребностям народных масс, пробудившихся к активной политической деятельности и культурному росту.

Московская большевистская газета «Борьба» сообщала, что в ноябре 1905 г. рабочие водокачки и вагоностроительного завода в Мытищах, а также крестьяне близлежащих деревень, с большим интересом посещают недавно организованные библиотеку и читальню.

Чрезвычайно характерны культурные требования солдат, о которых сообщала большевистская московская газета «Вперед» в декабре 1905 г. 427 «нижних чинов» одного из подмосковных гарнизонов предъявили требования командованию, где, наряду с протестами против жестокого обращения с солдатами, плохого питания и т. д., говорилось: «Нижние чины должны иметь доступ в общественные библиотеки и читальни».⁴

Большевистская печать систематически освещала участие библиотечных работников, наряду с другими группами интеллигенции, в борьбе за демократизацию всей общественной жизни под воздействием могучего движения пролетариата, гегемона революции.

В ноябре 1905 г. большевистская «Новая жизнь» сообщает о требованиях «Союза защиты свободы библиотек»: отмены существующих законов о библиотеках, этого «уродливого наследия отживающего строя», и проведения явочным порядком полной свободы библиотечного дела в России.⁵

В газете петербургских большевиков «Волна» был помещен призыв Библиотеки Академии наук с просьбой прислать листовки, воззвания, прокламации, газеты, письма, всю печатную

¹ Ленин В. И., Соч., т. 10, стр. 28.

² «Новая жизнь», 1905, № 14, 16 ноября.

³ «Вперед», 1905, № 4, 6 декабря.

⁴ Там же.

⁵ «Новая жизнь», 1905, № 15, 17 ноября.

продукцию «касающуюся освободительного движения в России».¹

Значительное место, которое занимали вопросы библиотечного дела на страницах большевистской печати 1905—07 гг. свидетельствовало о том, что коммунистическая партия уже тогда рассматривала библиотеки, как сильное орудие идейно-политического и культурного воспитания народных масс.

Еще большее внимание уделяла большевистская печать школьному делу.

На страницах большевистских газет и журналов давалась острая критика антинародной политики правящих кругов в вопросах образования трудящихся.

«Все современное народное образование, — говорилось в «Пролетарии», — очень мало имеет отношения к действительным культурным потребностям... Господствующие классы... совершенно не заинтересованы в том, чтобы народные массы получали действительные знания».²

Газета решительно разоблачает русских и зарубежных буржуазных либералов, пытавшихся громкими фразами о всеобщем обучении прикрыть язвы эксплуататорского общества.

Центральный орган большевиков давал отповедь этим рассуждениям, указывая, что «там, где нет запрещения труда детей и подростков, где молодежи в школьном возрасте не гарантирована экономическая возможность учиться, там всеобщее обучение является пустыми словами».³ Разъясняя программные требования большевиков по вопросам народного образования, С. Спандарян опубликовал в газете «Нор Хоск» обстоятельную статью «Школьный вопрос и социал-демократия». Спандарян показал, что большевики, как подлинные выразители интересов пролетариата и всех трудящихся, больше всех партий заинтересованы в организации народного образования, ибо от этого во многом зависит все экономическое и культурное развитие страны. В статье Спандаряна подчеркивалось, что решающим условием для подлинно всеобщего образования, является ликвидация эксплуататорского строя, переход власти в руки пролетариата.

Подробно охарактеризованы Спандаряном требования, которые социал-демократия предъявляет к школе: единый тип школы, совместное обучение, обязательное введение физического труда, материальная помощь детям трудящихся, преподавание в народной школе на родном языке.⁴

¹ «Волна», 1906, № 22, 20 мая.

² «Пролетарий», 1905, № 10, 2 августа.

³ Там же.

⁴ Спандарян С. Статьи, письма, документы. Ереван. 1940, стр. 65—73.

Большевистская печать в ходе первой русской революции неустанно разъясняла, что борьба за демократизацию образования, за широкое распространение передовой культуры в массах, является важной составной частью борьбы народа под руководством ленинской партии большевиков против самодержавного строя, за демократическую республику, за диктатуру пролетариата и крестьянства.

Эта многосторонняя деятельность большевистских газет и журналов 1905—1907 гг. в борьбе за передовую демократическую и социалистическую культуру является славной и поучительной страницей в истории нашей печати — этого сильного и острого оружия пролетариата, и служит образцом для зарубежных коммунистических партий в их борьбе за демократию и социализм.

А. А. ГРОМОВА
Кафедра библиотековедения

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ БИБЛИОТЕК В РОССИИ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ В 1905—1907 гг.

Реакционная сущность политики царского правительства в области народного образования с исключительной четкостью раскрыта В. И. Лениным в проекте речи, составленной им для оглашения в Государственной думе.¹ В ней он пишет, что основная масса населения России, благодаря крепостническому государственному устройству, осуждена на безграмотность, чудовищно ограблена в смысле образования, знания.

Указывая на то, что правительство мешает народному просвещению, что оно является величайшим врагом последнего, В. И. Ленин заклеил деятельность царизма, как «полицейский сыск, полицейский произвол, полицейские *помехи* просвещению народа вообще и рабочих в особенности, полицейское разрушение того, что делает сам народ для своего просвещения....»²

Это определение политики царизма в области народного просвещения, данное В. И. Лениным, в равной степени относится и к народной школе, и к народной библиотеке, и вообще к любому мероприятию, направленному на поднятие образовательного уровня народных масс. Цель настоящей статьи — выяснить вопрос о положении народных бесплатных библиотек в России, которые являлись наиболее доступными библиотеками среди всех других библиотек открытого типа.

Известно, что царское правительство, с момента возникновения первых общедоступных библиотек в России стремилось подчинить их деятельность своим интересам.

Основным способом воздействия на направление деятельности общедоступных библиотек являлся надзор за комплектованием их фондов, при чем наибольший гнет испытывали библиотеки, предназначенные для рабочих и крестьян. В этих целях создавались десятки чиновничьих комиссий, изобретавших

¹ Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения — Соч., т. 19, стр. 113—122. Эту речь произнес в Государственной думе большевистский депутат А. Е. Бадаев. Большая часть ленинского проекта была оглашена им почти дословно.

² Ленин В. И., Соч., т. 19, стр. 118.

«сотни формальностей и ограничений для пользования книгами».¹ Подобное отношение царского правительства к общедоступным библиотекам вызывало протест со стороны населения, нуждавшегося в библиотечном обслуживании и открывавшего эти библиотеки на свои средства. Читатели и организаторы общедоступных библиотек требовали отмены многочисленных реакционных правил как в области печати, так и в области библиотечного дела. В годы первой русской революции эти требования приобретают массовый характер. В это время со всех концов России в адрес правительства стали поступать многочисленные петиции, резолюции и т. п. по поводу библиотек. Сила этого движения показывала не только глубину возмущения существующим порядком, но и громадную потребность населения в использовании библиотек. В дальнейшем мы попытаемся выяснить на какие уступки в области библиотечного дела вынуждено было пойти в 1905—1907 гг. царское правительство и насколько они были прочны.

Для этого, прежде всего, необходимо иметь представление как об общем состоянии сети общедоступных библиотек, так и о правовых нормах, которыми определялось их существование.

По приблизительным данным, помещенным в первом издании библиографического указателя «Среди книг», вышедшем в 1906 году, Н. А. Рубакин пишет: «В настоящее время в России ежегодно печатается около 15.000 названий книг в количестве превышающем шестьдесят миллионов экземпляров. Над распространением этих книг трудятся не менее 5000 книжных магазинов и лавок (не считая книжных ларей, книгонош и т. п.) и не менее 20.000 тысяч [!] разного рода общественных, клубных и народных библиотек и читален...»²

В число этих двадцати тысяч входили как городские, так и сельские библиотеки.

Вся эта, довольно значительная, по тому времени, сеть библиотек содержалась земствами, городскими думами, различными культурно-просветительными и благотворительными обществами, крестьянскими общинами и отдельными частными лицами. В создании этих библиотек правительство не участвовало и никакой материальной поддержки им не оказывало. Лишь библиотеки правительственных учреждений, библиотеки научных учреждений, а также библиотеки высших и средних учебных заведений содержались на средства правительства. Из библиотек открытого типа правительство содержало только две библиотеки: Публичную библиотеку в Петербур-

¹ Ленин В. И., Соч., т. 19, стр. 247.

² Рубакин Н. А., Среди книг. СПб, 1906, стр. 1.

ге и библиотеку Румянцевского музея в Москве. Наряду с этим правительство выдавало небольшие субсидии публичным библиотекам в Тифлисе, Вильно, Ташкенте, Киеве, Житомире, Каменец-Подольске, Риге, Ашхабаде. Эти библиотеки поддерживались царским правительством исключительно в целях руссификации населения национальных районов России.

Общедоступные библиотеки — библиотеки буржуазного, а не феодального общества, поэтому все попытки создания этого типа библиотек в России, как в XVIII веке, так и в первой половине XIX века, практического значения не имели. Общедоступные библиотеки в России получили устойчивое существование лишь в 60-х годах XIX века, когда, после отмены крепостного права, Россия вступила на путь капиталистического развития.

Большая часть общедоступных библиотек, предназначавшихся для обслуживания рабочих, крестьян и городской бедноты, возникла в 90-е гг. XIX в. и первые годы XX в. В основном это были, так называемые, народные бесплатные библиотеки и читальни, существовавшие, преимущественно, на средства городских дум и земств.

Читатели из среды интеллигенции, средняя и мелкая городская буржуазия, пользовались, главным образом, платными общедоступными библиотеками. В основном это были общественные публичные библиотеки, субсидируемые городскими думами и земствами, а также коммерческого типа библиотеки и кабинеты для чтения.¹

Царское правительство, рассматривая общедоступные библиотеки с классовых позиций, всячески препятствовало их развитию путем регламентации, которая постепенно опутала библиотеки такой густой сетью различных правил, постановлений, указаний, разъяснений, дополнений и тому подобных крепостническо-бюрократических формальностей, что лишь революция 1905 года смогла частично освободить общедоступные библиотеки от этой правительственной «опеки».

Началом правительственной регламентации в отношении платных общедоступных библиотек являлась статья 175-я «Устава о цензуре и печати» 1865 года, согласно которой был введен разрешительный порядок открытия этих библиотек. При этом в секретном циркуляре министра внутренних дел П. А.

¹ Потребности читателей-интеллигентов удовлетворялись также библиотеками, которые открывались по инициативе и на средства служащих в частных и правительственных учреждениях, офицеров армии и флота и т. п. Но этими библиотеками могли пользоваться только они сами и члены их семейств.

Валуева, сопровождавшем этот устав, было указано, что губернатор при выдаче разрешения на открытие типографий, литографий, книжных лавок и библиотек должен прежде всего учитывать возможности полицейского надзора.¹ Поэтому категорически запрещалось выдавать разрешение на открытие подобного рода учреждений в сельских местностях и небольших городах. В дальнейшем рост культурных потребностей населения, ускоренный развитием капитализма в России, вынудил царское правительство пойти на некоторые уступки и изменить свое решение в отношении деревни и небольших городов, сохраняя при этом разрешительный порядок открытия общедоступных библиотек, как незыблемую основу политики царизма в области библиотечного дела.

Но ни в уставе, ни в секретном циркуляре мы еще не находим покушений на ограничения в отношении комплектования фондов библиотек. В 60—70-х годах эти библиотеки могли приобретать все издания, не изъятые цензурой. Систематические ограничения в области комплектования начинаются с 80-х годов. Политическая реакция 80-х годов XIX века, узаконившая административный произвол во всех областях жизни страны,² нашла свое отражение и в библиотечном деле. Прямым следствием этого явилось издание «Временных правил 1884 года», которые не только расширяли права губернаторов в отношении платных общедоступных библиотек вплоть до их закрытия, но и давали министру внутренних дел право на издание списков книг, изымавшихся из обращения в этих библиотеках. Таким образом было узаконено сверхцензурное изъятие книг из фондов публичных библиотек, несмотря на то, что они не были лишены права на самостоятельное комплектование.³

В эти же годы учащиеся казенных учебных заведений (гимназий, реальных и т. п. школ) были лишены права пользования общедоступными библиотеками, посещение которых приравнилось училищной администрацией к посещению трактиров

¹ В 1867 году общедоступные библиотеки были переданы из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. Эта передача была обусловлена переходом в это министерство Главного управления по делам печати.

² Мы имеем в виду «Положение о мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

³ Раскрытие правового положения платных библиотек необходимо для того, чтобы уяснить изменения в правовом положении народных бесплатных библиотек, так как в 1905—1907 гг. они были уравнены в правах на комплектование фондов. Более подробные сведения о введении «Временных правил 1884 г.» даны в статье А. А. Громовой «К истории издания Одесского Каталога систематического чтения» (1882 и 1883). — «Советская библиография», 1947, вып. III, стр. 82—86.

и т. п. заведений. Несоблюдение этих правил грозило увольнением из учебного заведения. Эти гонения на учащихся собственно начались еще в 60-х годах XIX века, но полного своего развития они достигли в 90-х годах, лишив платную общедоступную библиотеку значительного количества читателей.

Но расправившись таким образом с гимназистами, правительство вскоре обнаружило новую «опасность» — появление читателя-рабочего. Недаром Глеб Успенский поздравлял в конце восьмидесятых годов писателей с появлением в России нового настоящего «свежего» читателя. В дальнейшем этот читатель, в связи с количественным ростом пролетариата и огромным духовным подъемом в 90—900-х годах в среде рабочего класса, вступившего на путь организованной борьбы под руководством РСДРП, превращался в ведущую читательскую группу.

Демократизация читательской массы, пользовавшейся библиотеками, еще более увеличивается в эти годы благодаря открытию общедоступных библиотек в сельских местностях, в связи с чем намечалась грандиозная перспектива организации библиотечного обслуживания основной массы населения России.

По достоинству оценил эти новые явления А. М. Горький, который в начале 900-х годов указывал на то, что «самый лучший, самый ценный, самый внимательный и строгий читатель наших дней грамотный рабочий, грамотный мужик-демократ. Этот читатель ищет в книге прежде всего ответов на свои социальные и моральные недоумения, его основное стремление — к свободе в самом широком смысле этого слова; сознавая смутно многое, чувствуя, что его давит ложь нашей жизни, он хочет ясно понять всю эту ложь и сбросить ее с себя».¹

Царское правительство, учитывая появление этих читательских групп, сразу же постаралось ввести в определенные рамки деятельность общедоступных библиотек и поставило в особое положение бесплатные народные библиотеки и читальни, открытие которых в городах началось с середины восьмидесятых годов, а в деревне — с середины девяностых годов XIX века.

Эти библиотеки еще не успели по настоящему развернуть свою деятельность, как в 1890 году правительство издает специальные «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними». В них было указано, что они применяются ко всем библиотекам, которые «привлекают читателей преимущественно из лиц низших сословий и из воспитанников средних и низших учебных заведений». Таким образом, правительство выделило эти библиотеки из общей массы общедоступных библиотек, исходя из состава их читателей.

¹ Телешов Н. Записки писателя, М. 1952, стр. 107—108.

Эти правила, сохраняя в силе разрешительный порядок открытия народных бесплатных библиотек, лишали их права на самостоятельное комплектование фондов. Отныне они могли приобретать лишь книги и периодические издания, одобренные Ученым Комитетом Министерства народного просвещения. Для этой цели Министерство, по соглашению с духовным ведомством, должно было издавать каталоги книг и повременных изданий, допускаемых к употреблению в бесплатных читальнях. Таким образом, бесплатная народная библиотека сразу попала в тиски трех ведомств — министерства внутренних дел, министерства народного просвещения и духовного ведомства. Подобное положение для общедоступных библиотек было не ново, так как платная общественная публичная библиотека также несла бремя этой правительственной «опеки», но там, учитывая состав читателей, она выражалась в менее грубой форме. Мы имеем в виду двух представителей: одного из министерства народного просвещения, другого — духовного ведомства, которые вводились в состав правления общественной публичной библиотеки. Это были члены по назначению, в то время как остальные члены правления избирались на общих собраниях читателей совместно с организациями, оказывавшими материальную поддержку библиотеке.

В середине 90-х годов XIX века, когда началось массовое движение за открытие библиотек в деревне, были изданы особые правила о народных библиотеках при школах, так как основная масса сельских библиотек существовала в качестве пришкольных. Изданием этих правил правительство постаралось еще более урезать право этих библиотек на комплектование их фондов, разрешая им приобретать лишь те книги, которые были рекомендованы для школьных библиотек. На это справедливо жаловались крестьяне, говоря, что как в школьных, так и в пришкольных библиотеках они находят одни и те же книги, хотя пришкольные библиотеки и предназначены для обслуживания взрослого населения.

Что же представляли собой эти каталоги разрешенных книг, издаваемые Ученым комитетом Министерства народного просвещения «по согласованию с духовным ведомством»? Внешне дело обстояло как будто и не так уж плохо; так например, в каталоге и дополнении к нему, вышедших в 1900—1903 годах, общее число названий достигало семи с лишним тысяч. При этом количестве, особенно принимая во внимание небольшие размеры книжного фонда народной бесплатной библиотеки, их организаторам, казалось, был предоставлен неплохой выбор книг. Но это благополучие было обманчивым; по большей части выбирать было нечего, ибо хотя этот каталог переиздавался несколько раз, но последующие издания каталога частью повто-

ряли книги, фигурировавшие в предыдущих изданиях. Таким образом, если библиотека существовала в течение ряда лет, а не открывалась вновь, то ей в сущности нечем было обновлять свои фонды. Кроме того большая часть этих книг по своему содержанию не могла удовлетворить читателя, ищущего знания, она не могла служить целям самообразовательного чтения. А в нем то как раз больше всего нуждались читатели этих библиотек. Так например, отдел педагогики, психологии, логики был представлен всего тринадцатью книгами; по социологии, юриспруденции, философии не было ни одной. В то же время число книг религиозного и духовно-нравственного содержания превышало тысячу названий. Даже если некоторые отделы, как например, история, были представлены достаточным числом названий, то их содержание почти не могло удовлетворить читателя. В этом отделе, из 570 названий, по всеобщей истории было 100 книг, но среди них не было ни одной по новой и даже средней истории; по русской истории были книги, повествующие, главным образом, о войнах, отдельных битвах, коронациях, посвященные описанию монастырей, святых мест и т. п.

В отделе художественной литературы мы не находим таких авторов, как Некрасов, Горький, Глеб Успенский, Короленко, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Гаршин, Чехов, Вересаев и множества других, ибо нельзя считать, что они имелись в библиотеке, если в ее фонде находился какой-нибудь один рассказ или копеечный сборник стихотворений из числа всех сочинений этих авторов.

Подобное состояние отдела художественной литературы ставило иногда библиотеку буквально в анекдотическое положение. Так, например, в Петербурге существовало две библиотеки имени А. С. Пушкина, но ни в одной из них не было полного собрания его сочинений. В Ярославле существовала народная библиотека имени Н. А. Некрасова, при чем помещение библиотеки было украшено бюстом писателя, но его произведений в библиотеке не имелось. Многие заведующие этими библиотеками предпочитали совсем не выписывать газет, так как газеты, рекомендованные Ученым комитетом, способствовали распространению суеверий, усилению национальной розни, шовинизма. Разрешались к выписке такие специальные журналы как «Библиограф», «Записки имп. Русского Технического общества», «Известия имп. Русского Географического общества», «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских» или «Коннозаводство и коневодство» (журнал узко-спортивного и тотализаторского характера), а в то же время отсутствовали литературно-художественные и научно-популярные журналы. В каталоги было включено не мало таких книг, которые по своей стоимости были недоступны библиотеке, а по содер-

жанию — бесполезны для ее читателей. Составители каталогов включали также большое количество книг явно устарелых, изданных лет двадцать тому назад, а то и больше. Так, например, книг такой давности в отделе географии было 40%. Отдел сельского хозяйства включал по всем специальностям всего лишь 189 книг, причем среди них было немало книг, изданных между 1859—1868 гг. Кроме того, Ученый комитет щедро наполнял эти каталоги книгами для детского чтения, превращая народные библиотеки в библиотеки для детей.

Бесчисленная армия царских чиновников всячески препятствовала использованию, даже такого «просеянного» и «процеженного» тремя ведомствами, каталога, опутывая его различным крючкотворством. Так например, при ревизии библиотек некоторые ревизоры требовали удаления из фонда тех книг, которые были приобретены библиотекой на основании предыдущего издания каталога. Библиотекам разрешалось приобретать книги лишь в тех изданиях, которые были указаны в каталоге. А это вело к тому, что библиотека должна была покупать рассказы Засодимского за 35 копеек, в то время как другие издательства выпускали их по цене 3—5 копеек, или роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» — за 1 р. 75 к., когда существовало более дешевое издание стоимостью в 1 р. 20 к. и т. д. Но даже и указанных в каталоге книг библиотеки часто не могли приобрести по той причине, что большая часть наиболее ценных книг была уже распродана. Правда, «Правила 1890 года» предоставляли библиотекам право ходатайствовать о приобретении книг, не указанных в министерских каталогах. Но, как обычно, для царских властей это была лишь формальная отписка: по большей части эти ходатайства не удовлетворялись.

Но вопрос заключался, конечно, не в том, чтобы добиться разрешения на включение какой-либо отдельной книги из произведений какого-либо отдельного автора, а в том, чтобы дать возможность народной библиотеке существовать на равных правах хотя бы с платными общедоступными библиотеками, разрешить народным библиотекам комплектовать фонды такими книгами, которые давали бы их читателям настоящие знания, способствовали их культурному развитию, росту их сознательности.

Что могли дать в этом отношении народные бесплатные библиотеки и как оценивалось их состояние передовыми, сознательными рабочими того времени, с предельной ясностью раскрыто учеником В. И. Ленина, рабочим-революционером И. В. Бабушкиным в его статье «В защиту иваново-вознесенских рабочих», опубликованной в газете «Искра» в октябре 1901 года.

Эта статья была написана И. В. Бабушкиным по просьбе В. И. Ленина в качестве опровержения статьи некоего Дадонова, помещенной в журнале «Русское Богатство». Статья Дадонова вызвала его глубокое возмущение, как искажающая облик русского рабочего, изображающая его человеком чуждым всякой солидарности, духовных запросов и стремлений. В ней Дадонов писал о том, что рабочие «глубоко равнодушны к знанию» и, в качестве примера, привел якобы слабое использование ими существовавших в Иваново-Вознесенске библиотек, при чем оперировал неправильными фактическими данными. Опровергая его, И. В. Бабушкин указывал на то, что несмотря на ничтожное количество книг в бесплатных библиотеках и их плохой состав, все же основной группой читателей этих библиотек являются рабочие. «Выходит, что рабочие, правда, читают очень скверные книги,—пишет он,—но это происходит не потому, что у них такой вкус, а за неимением хороших книг... Хорошие книги, написанные популярными авторами, из которых интеллигенция черпает знания, такие книги может ли получить рабочий в библиотеках, о которых вы пишете? Нет! Книги, которые получает рабочий из библиотек, дают ли ему настоящие знания? Н е т! Могут ли интересовать получаемые из упомянутых пяти библиотек книги мало-мальски развитого рабочего? Н е т! Доступна ли для рабочих лучшая описанная вами библиотека (публичная)? Н е т! И так без конца: нет, нет, нет, ничего, ничего, ничего... Разве не сделано все возможное, чтобы отохотить рабочих от библиотеки, в которой бывает мастер, конторщик и кое-кто другой? Разве у нас культурность и самостоятельность, а тем более возвышение личного достоинства, не служит еще во-вред рабочему? Разве наши фабричные библиотеки редко служат местом тайного наблюдения за благонадежностью рабочих?... Разве в библиотеках для народа не сделано все, дабы по возможности извратить натуру человека из более порядочной в мерзкую?» спрашивает Бабушкин. Указывая на то, что рабочие имеют свои тайные библиотеки, в которых хотя и мало книг, «но зато все книги на подбор и постоянно читаются», он пишет, что «этот то н а с т о я щ и й ч и т а т е л ь редко когда пойдет в упомянутые библиотеки, во-первых, рискуя выделиться, во-вторых, не имея надежды получить там что-нибудь хорошее». Разоблачая дальше инсинуации Дадонова, И. В. Бабушкин пишет о том, какая библиотека могла бы удовлетворить читателя рабочего. «Для того, чтобы утверждать, что рабочие равнодушны к знанию и не хотят ничего читать, нужно в Иваново-Вознесенске открыть библиотеку не меньше чем на 25000 томов и притом не по выбору министерских каталогов или, еще хуже, каталогов для библиотек обществ трезвости, а по выбору читателей, и чтобы там не смотрели на рабо-

чего, как на существо низшее... тогда и видно было бы стремление рабочих к знанию». В заключение он пишет: «Пусть доставит нам г. Дадонов что-либо порядочное, и мы найдем желающих прочесть доставленное, и людей, несомненно интересующихся наукой и знанием. Вообще лучше было бы, чтобы г.г. Дадоновы приходили не смотреть, что читают, а принесли бы что-нибудь прочесть. Если этого они не желают нести рабочему, то пусть несут крестьянину, который духовно в десять раз голоднее рабочего фабричного или заводского... У нас хулителей всегда было и есть слишком много, а порядочных людей нам редко приходится встречать и тем с большим удовольствием встретим всякого, желающего делать посильное для просвещения».¹ Несомненно, что люди, желающие «делать посильное для просвещения», все же существовали, так как о ненормальном положении библиотечного дела в стране было написано немало статей, сделано немало заявлений. Однако все они, по большей части, били мимо цели, так как для того, чтобы изменить существующее положение надо было, прежде всего, заставить правительство отказаться от бюрократически-крепостнического подхода к организации библиотечного обслуживания широких народных масс, т. е. изменить сущность политики царизма как в области просвещения, так и в области библиотечного дела. Но ни либеральная буржуазия и помещики, которые в основном являлись устроителями бесплатных библиотек, ни буржуазная интеллигенция, которая принимала активное участие в их работе, не были на это способны. Они стремились достичь улучшения в области библиотечного дела, не выходя из рамок существующего политического строя. Обычно их требования не шли дальше требования частичных уступок или замены одних правил другими. К тому же эти требования, по большей части не выходили за узкие рамки местных интересов, касались лишь данной библиотеки, данной местности. Либералы были яркими представителями тех «культурников», о которых В. И. Ленин говорил, что они «есть во всех слоях русского общества, и везде они... ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного и местного управления, везде они боязливо сторонятся «политики»».²

Главными виновниками создавшегося положения они обычно считали отдельных царских чиновников, а не весь политический строй в целом, думая, что замена одного лица другим может изменить положение.

¹ В защиту иваново-вознесенских рабочих. В кн.: Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1893—1900 гг. Гос. изд. полит. литературы, 1951, стр. 202, 203, 204, 207, 208.

² Ленин В. И., Соч., т. 7, стр. 30.

Естественно, что такой образ действий не мог заставить правительство изменить свое отношение к общедоступным библиотекам и отменить существовавшие реакционные правила. Для этого понадобился революционный натиск широких народных масс, возглавляемых революционным пролетариатом; политический смысл этого натиска состоял в освобождении всех народов России от ига самодержавия, крепостничества, бесправия, полицейского произвола. Лишь в это время требования в отношении улучшения библиотечного обслуживания населения приобретают политическую окраску, сливаясь с обще-демократическими требованиями — свободы личности, свободы слова, свободы печати и т. д.

В конце 1904 и в начале 1905 года ряд общедоступных библиотек направляет в адрес правительства ходатайства об отмене пресловутых правил 1890 года, требует также отмены сверхцензурного изъятия книг и журналов из платных библиотек. Подобного рода требования были выдвинуты Екатеринбургской общественной библиотекой им. В. Г. Белинского, Воронежской публичной библиотекой и рядом других.

Так, например, на общем собрании членов Полтавской общественной библиотеки, происходившем 28 ноября 1904 года, решено было ходатайствовать об отмене всяких разрешительных каталогов и о допущении в народные библиотеки всех книг, разрешенных общей цензурой. В адрес министра внутренних дел была отправлена телеграмма, в которой указывалось на необходимость создания «более благоприятной обстановки работы просветительных учреждений, которую собрание видит единственно в обеспечении свободы слова, печати, собраний и неприкосновенности личности».¹

С большой запиской «О нуждах русского библиотечного дела» выступили в середине 1905 года члены секции библиотековедения Русского библиологического общества. Это была небольшая группа библиотекарей Петербурга, впоследствии организовавшая первое в России «Общество библиотековедения». «Записка» была разослана в земские учреждения, библиотеки и кабинеты для чтения. В этой «Записке» члены секции библиотековедения, отмечая тяжелое материальное положение библиотек и отсутствие специального библиотечного образования, выдвигали следующие требования: установить явный порядок открытия библиотек всех типов; освободить библиотечный персонал и общественных деятелей в области библиотековедения от «усмотрения» администрации, ограничить их

¹ Лисовская К. К. Краткий очерк 10-летней деятельности Полтавской общественной библиотеки. — «Отчет Полтавской общественной библиотеки за 1904—1905 гг.», стр. 35—45. Председателем правления этой библиотеки был В. Г. Короленко.

ответственность только законом; преграждать доступ книг в библиотеки и кабинеты для чтения только в судебном порядке. В «Записке» выдвигалось также требование прочного установления в России свободы печати. Все выдвигаемые требования, как указывалось в «Записке», должны были быть «ограждены законом, гарантирующим от возможности фактической их отмены или искажения «по усмотрению» администрации».¹

С требованием о предоставлении более широких прав для использования существующих библиотек выступали и отдельные группы населения. Эти требования особенно усилились после издания манифеста 17 октября. В. И. Ленин в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность», написанной в ноябре—декабре 1905 года, указывая на то, что большинство требований, выдвигаемых населением в это время носило чисто «культурный» характер, писал: «... если всмотреться в те требования, наказы, *doleances*, которые в бесчисленном множестве составляются теперь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городских, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и и проч., и проч., то мы легко увидим, что громадное большинство их — чисто «культурные», если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это, собственно, не специфически классовые требования, а требования элементарно-правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих «русских» пережитков крепостного права. В сущности, и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма».² В большинстве этих наказов, резолюций и т. п. фигурировали требования относительно улучшения положения внешкольного образования вообще и особо библиотечного обслуживания.

«Страна бесповоротно осудила прежную систему административной опеки и регламентации всех отраслей внешкольного образования и требует замены ее системой полной свободы», писал по этому поводу видный деятель народного образования В. Чарнолуский. «Было бы слишком утомительно перечислять здесь все состоявшиеся в этом направлении общественные постановления», пишет он. «Скажем только, что в длинном ряду их мы находим постановления, исходящие от учительских и просветительных обществ, от собраний крестьян и рабочих, от представителей различных национальностей, от фабрикан-

¹ О нуждах русского библиотечного дела. — «Русская школа», 1905, № 5—6, стр. 133—134.

² Ленин В. И., Соч., т. 10, стр. 58—59.

тов, от общественных собраний, земств и городов и т. д. и т. д.»¹

В ряду этих постановлений следует указать также на требования наиболее обездоленных групп читателей — солдат и матросов, а также учащихся средних учебных заведений, которым запрещалось посещение общедоступных библиотек. В этом отношении большой интерес представляют многочисленные постановления, вынесенные рядом войсковых частей. В них выдвигались требования о выписке на казенный счет газет и журналов, об устройстве библиотек и читален, о свободном доступе в библиотеки общественные и частные и т. д. Матросы Балтийского и Черноморского флота, требовали, чтобы в библиотеках, которые должны существовать при каждом экипаже, была бы представлена вся современная литература и возможно большее количество наиболее распространенных газет и журналов.

Но не этот поток требований заставил правительство пойти на некоторые уступки и отменить ряд реакционных постановлений в области библиотечного дела. Уже одна датировка этих уступок показывает какими событиями они были вызваны.

Первая уступка была сделана 2-го декабря 1905 года, т. е. тогда, когда царское правительство, напуганное Всероссийской политической стачкой и назреванием революционного подъема в декабре месяце пошло на сделку с либеральной буржуазией. Тогда отменой «правил 1890 года» народная бесплатная библиотека была уравнена в правах на комплектование с платной общедоступной библиотекой.²

Вторая уступка заключалась в издании 28 февраля 1906 года новых правил для библиотек, состоящих при низших училищах, которым была дана большая свобода в отношении комплектования их фондов. Это была уступка либеральным помещикам-земцам, перед проведением столыпинской аграрной реформы. Третья уступка, касавшаяся платных общедоступных библиотек, состояла в отмене списков книг, которые появились с 1884 года, но сами «Временные правила 1884 года» отменены не были. Таким образом, правительство в любой момент могло восстановить старый порядок.

Либеральная и буржуазно-демократическая интеллигенция восприняла эти уступки, как полную победу на библиотечном фронте. Так, например, крупный деятель в области школьного

¹ Чарнолуский В. Итоги общественной мысли в области народного образования. Спб., 1906, стр. 67.

² В заметке о съезде книгоиздателей и книготорговцев, помещенной в «Правде» (1912 № 67) указано, что участником съезда Фальборком (представителем радикального крыла буржуазной интеллигенции) было сообщено заявление депутации, которая в 1905 г. ходатайствовала перед министром внутр. дел. Святополк-Мирским об отмене ограничений, существовавших для каталогов народных библиотек.

и библиотечного дела, примыкавший к либерально-народническим кругам, Абрамов, писал по этому поводу: «Так долго тяготевшее над народными библиотеками проклятие, снято с них: отныне библиотеки эти будут пополняться уже не только теми «одобренными» особым учреждением книгами, которые помещались в специальном каталоге, но, наравне с так называемыми публичными библиотеками — всеми книгами, кроме особо изъятых из обращения в последних... Нет никакого сомнения, что для народных библиотек теперь откроется совершенно новая эпоха их истории. Народные библиотеки теперь получают возможность сделаться настоящим рассадником просвещения среди темных, невежественных масс. В этом отношении роль, которую могут сыграть народные библиотеки, поистине безгранична».¹

Несомненно, лишение бесплатных библиотек права на самостоятельное комплектование их фондов являлось одной из причин, задерживавших развитие их деятельности, а также снижавших их просветительскую роль. Но ведь не эта причина была основной; главное заключалось в том, что эти библиотеки, как и вся Россия в целом, существовали не на основании законов, а на основании узаконенного административного «усмотрения» и произвола. И эти «незыблемые» основы русского самодержавия, несмотря на сделанные уступки, сохранялись в полной силе. Это видно, хотя бы, из-того, что, отменяя правила 1890 года и подчиняя бесплатные библиотеки общим узаконениям о публичных библиотеках, правительство сохраняло разрешительный порядок открытия библиотек и право на административное вмешательство. Таков был смысл статьи 175 «Устава о цензуре и печати» и «Временных правил 1884 года», которые являлись основной регламентацией в отношении платных библиотек.

Вскоре сама жизнь показала, что все уступки правительства являются чистейшим обманом. И тому же Абрамову пришлось писать по этому поводу следующее: «Надежды на прекращение административных стеснений в области распространения в народе книг и газет в настоящее время оказались совершенно призрачными грезами... Из ряда фактов, имевших место в последнее время, видно, что манифест 17 октября в данной области не отразился ни малейшим образом, и здесь продолжается такая же произвольная деятельность администрации, которая имела место и до манифеста», и даже больше того, оказалось, что «до 17 октября администрация при всей ее бесцеремонности чувствовала себя до известной степени стесненной существо-

¹ Абрамов Я., Хроника народных библиотек. — «Русская школа», 1906, № 1, стр. 46.

ванием известных законов. После 17 октября — она стала осуществлять в самых широких размерах свободу самого крайнего произвола».¹

Плохо же разбирались организаторы библиотечного дела во всех казуистических тонкостях правительственной регламентации, если они не учитывали опубликованного правительством 26 октября 1905 года сообщения о том, «что до замены существующего в России строя новыми законодательными определениями согласно манифесту 17 октября прежние законы должны действовать, со стороны же правительства приняты будут все возможные меры к применению их властями в духе манифеста».² И царские чиновники скоро показали как они понимали «дух манифеста 17 октября». Так например, некоторые губернаторы изымали из библиотек читательские формуляры с целью выяснения благонадежности читателей. А полтавский губернатор, учитывая, что «Временные правила 1884 года» продолжают существовать, не утвердил в 1907 году В. Г. Короленко на посту председателя правления Полтавской общественной библиотеки, хотя ранее он несколько лет подряд занимал этот пост. В «духе манифеста» действовало и военное начальство, которое, разрешив юнкерам читать все газеты, требовало, чтобы по приобретении газеты юнкер, купивший газету, сообщал дежурному офицеру ее название и т. д.

Создавшееся после издания манифеста положение в стране революционные рабочие Петербурга правильно охарактеризовали таким образом «Нам дарована свобода собраний..., но наши собрания окружены войсками. Нам дарована свобода печати, но цензура продолжает существовать. Обещана свобода науки, но университет занят солдатами. Дарована неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены арестованными... Нам все дано, но у нас ничего нет». Приведя этот текст в статье «Приближение развязки», В. И. Ленин пишет: «Мы подошли вплотную к свободе, мы заставили всех и вся, даже царя, признать необходимость свободы. Но нам нужно не признание свободы, а действительная свобода. Нам нужно действительное самодержавие народа. Чем ближе мы подошли к нему, тем нестерпимее стало отсутствие его. Чем заманчивее царский манифест, тем невозможнее царская власть».³

И если пролетариат, стремясь к действительной свободе, боролся с самодержавием, то буржуазия, крадущаяся к власти,

¹ Абрамов Я., Хроника народных библиотек. — «Русская школа», 1906, № 2, стр. 43, 45.

² Цитируемый текст взят из статьи Надеждина Т. Законоположения о народных библиотеках и народных читальнях. — «Русская школа», 1906, № 12, стр. 75.

³ Ленин В. И., Соч., т. 9, стр. 417—418.

шла на сделки с ним и довольствовалась его подачками. «Пролетариат, — как указывал В. И. Ленин, — перед всем народом поднимает высоко знамя борьбы, — буржуазия — знамя уступок, сделок и торгашества».¹ Эти же приемы буржуазия использовала и в разрешении вопроса о библиотечном обслуживании населения.

Последующие события с полной очевидностью доказали всю эфемерность уступок царизма и полное бессилие буржуазии в отношении коренного изменения положения библиотечного дела. Настоящими рассадниками просвещения библиотеки стали лишь тогда, когда народы России смели не только самодержавный строй, но и господство буржуазии, установив, под руководством Коммунистической партии, диктатуру пролетариата. Что же касается событий, происходивших в 1905—1907 гг., то они, выявив ужасающее несоответствие в положении библиотек с реальными потребностями населения в библиотечном обслуживании, способствовали тому, что с первых шагов советской власти развитию библиотечного дела было уделено исключительное внимание. Становление советских библиотек происходило уже при непосредственном участии В. И. Ленина.

¹ Ленин В. И., Соч., т. 11, стр. 14.

ИЗУЧЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ В СМОЛЕНСКИХ ВЕЧЕРНИХ КЛАССАХ

(О педагогической и библиотечной работе Н. К. Крупской
в 1891—1896 г.г.)*

Смоленские вечерние классы были открыты в 1882 году.

Они находились под Петербургом, в селе Смоленском на Шлиссельбургском тракте, состояли в ведении благотворительной организации (Фарфоровского приходского попечительства) и содержались за счет пожертвований владельцев фабрик и заводов Невской заставы.

Учреждение и работа Смоленских классов почти до конца XIX века связаны с именем их попечителя — Н. А. Варгунина, широко образованного прогрессивного общественного деятеля, энтузиаста народного просвещения.

Н. К. Крупская, работавшая здесь в первой половине 90-х годов, очень тепло отзываясь о Варгуinine. Он «сделал чрезвычайно много для развития дела просвещения на тракте», пишет Н. К. в своих воспоминаниях.¹ Школе, своему «любимому детищу... он не только давал деньги (Варгунин был владельцем писчебумажной фабрики Б. Б.), он давал себя».² Она особенно подчеркивает, что Н. А. Варгунин предоставлял самую широ-

* Статья является сокращенным изложением отдельных разделов подготовляемой кандидатской диссертации автора («Изучение читателей в России второй половины XIX века»).

Она написана в основном по документам, хранящимся в Государственном историческом архиве Ленинградской области (ГИАЛО), в фонде № 997 (Смоленские вечерние классы для рабочих), и частично по материалам Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ).

Насколько нам известно, упомянутый фонд был впервые использован для научной работы А. Г. Кравченко, незадолго до Великой Отечественной войны. С того времени архив Смоленских вечерних классов пополнился некоторыми новыми материалами.

Во избежание повторений, ниже (в сносках) не приводится название архива, номер и наименование фонда во всех тех случаях, когда речь идет о делах, находящихся в указанном фонде ГИАЛО.

¹ Крупская Н. К. Пять лет работы в вечерних Смоленских классах. В кн.: — Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2. М.-Л., Учпедгиз, 1932, стр. 11—31.

² Там же, стр. 11—12.

кую инициативу преподавателям и другим работникам Смоленских классов. Он не мешал революционизированию школы, когда последняя в начале 90-х годов «превратилась в очаг революционной деятельности... Он видел, что делалось в школе, не мог не видеть, да никто ничего и не скрывал от него, видел и покрывал своим молчанием. Заботился только об одном, чтобы соблюдались «приличия», чтобы школа не подводилась под закрытие».¹

В период организации Смоленских классов Варгунин ездил в Харьков, чтобы познакомиться с работой частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевской — лучшей воскресной школы того времени.² Опыт последней был положен в основу деятельности нового учебного заведения.

Ближайшие сотрудники Варгунина, вместе с ним создававшие школу и продолжавшие в ней работать после его смерти,³ отличались теми же качествами, что и их руководитель. Это были В. Я. Аврамов,⁴ народный учитель, один из видных деятелей начального образования, и О. П. Поморская (Козлова),⁵ способный педагог, горячая патриотка своей школы.

Преподаванием занималась бесплатно интеллигентная молодежь, в основном — разночинцы.

Поддерживалась постоянная связь с другими воскресными школами, больше всего — с Харьковской.

Контингент учащихся составляли рабочие и работницы окружающих предприятий — текстильных (Паля, Максвеля, Торнтон), машиностроительных (Семяниковский и Александровский заводы) и других.

За первые 25 лет существования (с 1883 по 1908 год) Смоленские вечерние классы обучили более 18.000 человек, не считая тех, кто пришел учиться, будучи уже грамотным.

Название «Смоленские вечерние классы» распространялось, собственно, на три школы — две мужские и одну женскую.

В 80-х годах работники Смоленских вечерних классов стремились дать ученикам «основы настоящего знания и открыть им дорогу для дальнейшего развития, для самообразования». Они хотели направить деятельность школы на то, чтобы «фабричный, благодаря знаниям, почувствовал себя человеком» и, выйдя «из тьмы невежества, полюбил все прекрасное, вечное и ис-

¹ Там же, стр. 13.

² Связка 1. Дело 8. Листы 18 об.—19.

³ Н. А. Варгунин умер в 1897 году.

⁴ Н. К. Крупская ошибочно называет В. А. Аврамова Абрамовым. См. Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 12 и 17.

⁵ После Великой Октябрьской социалистической революции О. П. Поморская собрала и упорядочила сохранившуюся часть архива школы, находящуюся ныне в ГИАЛО.

тинно-справедливое». Школа была призвана «отвлечь рабочих от кабака и возвысить их нравственность». «Свет знания» должен был «озарить трудные будни рабочего люда». Шла также речь о помощи рабочим в «приобретении знаний, полезных в их работе и в домашнем быту». Вместе с тем труд работников школы должен был явиться средством уплаты того «великого долга, который обязаны возместить низшим классам представители образованного общества».

Эти установки, записанные в протоколах заседаний педагогического совета, в отчетах и других документах,¹ говорят о буржуазно-либеральном (отчасти либерально-народническом) направлении Смоленских вечерних классов 80-х годов, — направлении, типичном для культурно-просветительных учреждений, созданных частной и общественной инициативой того времени, типичном, в частности, и для Харьковской школы Алчевской.

Деятельность педагогического коллектива сосредоточена в эти годы на организации учебного процесса, на выборе лучших учебников, на вопросах методики преподавания и мерах повышения успеваемости, на приучении учащихся к самостоятельному чтению. Школа достигла в этом немалых успехов.

Учителя занимались подбором литературы для рекомендации учащимся и вопросами методики работы с книгой в классе и в школьной библиотеке. Много внимания уделялось организации громких чтений, главным образом, чтениям с волшебным фонарем.

На собраниях учащихся нередко обсуждались вопросы изучения читателей. Также как в других воскресных (и вечерних) школах, изучение читателей должно было помочь выяснить развитие учащихся, их читательские интересы, понимание прочитанного и, таким образом, облегчить работу с книгой в соответствии с учебно-воспитательными задачами школы.

Часто упоминается в связи с этим школа Алчевской. Именно ее методы работы с книгой и изучения читателей применялись (с некоторыми ограничениями и дополнениями) в Смоленских классах.

Была организована ученическая библиотека, фонд которой распределялся в виде так называемых «летучих библиотек» (передвижек) по школам. Позднее, вероятно, в начале 90-х годов, «летучие библиотеки» были превращены в стационарные и, таким образом, вместо единой ученической библиотеки Смоленских классов, возникли самостоятельные библиотеки в отдельных школах. Книжный состав соответствовал требованиям министерства народного просвещения; он был убог, беден.

¹ Связка 2. Дело 16. Листы 36—41.

В «Обзоре деятельности мужской воскресной школы» за 1883—1884 учебный год В. Аврамов отмечает, что уже в это время, т. е. буквально с первых же шагов деятельности школы, книги увлекаворяли только «первому спросу учащихся».¹ Неоднократные попытки руководителей Смоленских классов добиться расширения фонда встречали отказ со стороны правительственных органов.

В середине 80-х годов была создана вторая библиотека, так называемая, фундаментальная. Она предназначалась для педагогического персонала. Повидимому, в дальнейшем ею пользовались (через учителей) и некоторые особенно развитые учащиеся.

Библиотеки работали вяло. Беседы с читателями сводились к примитивной рекомендации книг и к формальной проверке прочитанного («переспрос»).

Практиковалось проведение классных сочинений, посвященных прочитанным книгам, — преимущественно небольшим произведениям русских классиков, реже — научно-популярным книгам. Анализируя сочинения, учителя судили о развитии учащихся, об их отношении к прочитанным произведениям и о читательских интересах. В итоге анализа разрешался вопрос о том, что рекомендовать для чтения данной учебной группе и отдельным ученикам.

Значительное внимание уделялось библиотечной статистике. Был поставлен детальный учет состава читателей и содержания выданной литературы. Дело не ограничивалось фиксированием цифровых данных. Цифры анализировались и сопровождались выводами. Сведения, извлеченные из статистических материалов, повидимому, в какой-то степени использовались при комплектовании библиотек.

На рубеже 80-х и 90-х годов была впервые применена анкета как метод изучения слушателей громких чтений. В отчете за 1890—1891 учебный год² говорится, что это начинание было предпринято в связи с тем, что «читать и наблюдать за слушателями довольно трудно». Всем слушателям раздавались листки («билетики») с двумя вопросами: «Понятно ли было чтение? Интересно ли?». По окончании чтения заполненные вопросники опускались слушателями в ящик. Позднее (в 1892, 1894, 1895 и 1896 гг.) школа снова возвращалась к анкете, в той же или в более развернутой форме, с прежней целью, а также и для того, чтобы выяснить, по каким вопросам хотят читать учащиеся.³

¹ Связка 2. Дело 16. Лист 36.

² Связка 2. Дело 17. Листы 70 и 71.

³ Связка 1, Дело 10, Листы 31—34; Дело 11, Листы 13, 14, 86. Связка 2, Дело 18, Лист 39.

Лишь в одном документе (отчет за 1894—1895 учебный год) сказано несколько слов о результатах проведения анкетного опроса. Этот метод оказался «не вполне удовлетворительным». Учащиеся отвечали односложно. Их ответы не давали возможности судить ни о восприятии прослушанного, ни о читательских интересах.¹ Остается неясным, почему работники школы повторяли опыт с анкетой, несмотря на очевидную несостоятельность этого мероприятия.²

В 80-х годах масштабы и систематичность работы по изучению читателей были в Смоленских классах меньшими, чем в школе Алчевской. Меньше внимания уделялось учету собираемых наблюдений. Ни учителя, ни библиотекари не вели педагогических дневников. Если не считать разработки данных библиотечной статистики, меньшее значение придавалось и обобщению накопленных сведений.

Это различие между школами — не принципиальное. Оно объясняется, по всей вероятности, тем, что харьковские учительницы изучали читателей не только в связи с внутренними потребностями учебно-воспитательной работы своей школы, но также и для составления рекомендательно-библиографического указателя — пособия в помощь руководству чтением («Что читать народу?»). Преподаватели и библиотекари Смоленских классов ставили только первую задачу. Изучая читателей, они, как правило, не имели в виду проверку рекомендуемой литературы. Руководя чтением, они пользовались готовыми результатами работы Харьковского кружка — его указателем.

Если подытожить материалы работников Смоленских вечерних классов о читательских интересах рабочих, относящиеся к 80-м годам, окажется, что ими было выяснено очень немного. Они установили:

1. Что рабочий хочет читать, что он любит книгу.
2. Что он ищет в книге «прекрасное, не похожее на тяжкую действительность»; ищет «истину и справедливость», а также «знания, полезные для работы и личного быта».
3. Что в своей массе рабочие предпочитают «общую литературу» «народным изданиям».

¹ Связка 2, Дело 18, Лист 39.

² Представляется вероятным, что уже в 90-х годах, основываясь на практике Смоленских вечерних классов, Н. К. Крупская могла подойти к тому выводу о нецелесообразности анкетного метода изучения читателя, который она сформулировала позже в статье «Какая книга нужна деревне» («Правда», 1924, 19 апреля): «Не следует увлекаться учетом при помощи анкет. Анкета слишком многое навязывает и предпринимает. И потом в анкете спрашивается о вещах, на которые неизвестно, что отвечать. Вопросы обычно слишком общи».

4. Что работа школы по руководству чтением способствует выработке литературных вкусов и некоторому расширению культурного кругозора читателей.

Эти наблюдения касаются рабочих «вообще», без какой бы то ни было дифференциации их. Таковы же были наблюдения подавляющего большинства культурников. «Сплошной», общий характер наблюдений и выводов очень типичен для них, — для людей, которые далеки от тех, с кем они работали и кого изучали.

Наблюдения работников Смоленских классов в это время весьма схематичны и поверхностны. Они ни в малейшей степени не отражают коренные интересы рабочих, не показывают особенности этой группы читателей. Точно такими же были наблюдения подавляющего большинства либеральных просветителей, занимавшихся изучением рабочих и крестьян.

Работники Смоленских вечерних классов знали рабочих только в качестве своих учеников и читателей рекомендованной им литературы. Но они не знали и не понимали ни класса — пролетариат, ни отдельных его представителей — рабочих.

Они искали ответ на очень ограниченный круг вопросов, интересующих их самих, но не тех, кого они изучали. И то, что они хотели и умели заметить в своей аудитории, вполне их устраивало и вселяло уверенность в правильности культурнической деятельности.

В первой половине 90-х годов наступил новый этап в жизни Смоленских вечерних классов.

В эти годы перед революционерами стояла задача развивать классовое сознание рабочего класса, организовать его, помочь ему создать свою рабочую партию. В 1895 году В. И. Ленин организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», поставив перед ним задачу теснее связаться с массовым рабочим движением и политически руководить им. Ленин предложил перейти от пропаганды марксизма, которая велась в узком круге передовых рабочих, в пропагандистских кружках, к злободневной политической агитации среди широких масс пролетариата.

Лучшая, передовая часть русской интеллигенции, прежде всего учащейся молодежи, разделявшая идеи марксизма, устремлявшаяся в это время связи с рабочими, вела среди них работу.

«Как только стала раскрываться предо мной роль, которую рабочий класс должен сыграть в деле освобождения всех трудящихся, так неудержимо потянуло меня в рабочую среду, к работе среди рабочих... Нужно было искать самостоятельных

Н. К. Крупская в годы работы
в Смоленских вечерних классах

связей с рабочими», — пишет Н. К. Крупская в своих воспоминаниях.¹

Так же как и многие другие, близкие ей по взглядам и намерениям, Надежда Константиновна установила эти связи, вступив (в августе 1891 года) в число преподавателей школы, которая обучала взрослых рабочих. Это был один из путей сближения марксистской интеллигенции с рабочим и налаживания работы среди них.

С осени 1891 года Н. К. Крупская стала преподавать в Смоленских вечерних классах.² Примерно в то же время были приняты в число учащихся А. И. Чечурина (позднее Мещерякова), Л. М. Книпович, З. П. Невзорова (позднее Кржижановская), П. Ф. Куделли и другие молодые революционеры-марксисты, впоследствии члены Коммунистической партии.³ По рекомендации Н. К. Крупской в школе стала работать М. В. Бернштам, курсистка Высших женских курсов, впоследствии связанная с «Союзом борьбы».⁴

Так, постепенно, в среду либерально-просветительского колледжества школы внедрились новые люди, представители иного направления.

Освоившись в школе, присмотревшись к тому, что в ней делается, и укрепившись в ней, революционеры-марксисты постепенно завязали связи с рабочими-учащимися и развернули пропагандистскую, а затем и агитационную работу.

В конце 1893 года установилась связь этой группы с В. И. Лениным, начинавшим пропагандистскую деятельность в рабочих кружках за Невской заставой.

Марксисты принимали живейшее участие во всех видах деятельности школы, а особенно — в работе мужских школ и в библиотечной работе. Школьные библиотеки и две бесплатные читальни, открытые в 1893 и 1896 г.г. по инициативе Н. Варгунина на Шлиссельбургском тракте и тесно связанные со Смоленскими классами, фактически находились в руках марксистов.

Очевидно, что ни то, ни другое не было простой случайностью. Именно в мужских школах имелись благоприятные возможности для установления связей с более развитыми и передовыми рабочими, — с такими, как, например, И. В. Бабушкин (ученик М. В. Бернштам, а затем — Н. К. Крутской). Библиотечная работа давала возможность заниматься руководством чтением рабочих — учащихся и неучащихся, вести пропаганду и агитацию, распространяя книги.

¹ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 12 и 13.

² Связка 1. Дело. 11. Лист 18.

³ Там же, Листы 47—50, 53, 59.

⁴ Там же, Листы 47 и 48.

С приходом учителей-марксистов облик школы изменился. Культурно-просветительная работа стала принимать новый, революционный характер. «Школа стала заполняться новыми элементами и из учеников», пишет Н. К. Крупская. Сюда «стали ходить не только желающие просветиться, — стали ходить и организованные рабочие. Во время занятий они приглядывались к наиболее развитым ученикам и затем старались завербовать их в свои ряды. Между ними и нами (учителями-марксистами. Б. Б.) устанавливалось как бы молчаливое соглашение».¹

Учащиеся быстро разглядели в своих новых учителях людей, не похожих на тех педагогов, которые обучали их до сих пор. Они увидели в новых преподавателях — *товарищей, своих*, полюбили их «за дружеское и простое отношение»; за то, что они и в «разговорах и на уроках старались развивать мысль учеников-рабочих политически и чутко прислушивались к их душевному пульсу».²

Влияние либеральных просветителей уступало место влиянию революционному, марксистскому, и школа стала очагом революционно-марксистского воспитания рабочих Невской заставы.

В середине девяностых годов политическая пропаганда велась марксистами во всех звеньях Смоленских вечерних классов.

К 1894—1895 г.г. связи преподавателей-марксистов со своими учениками настолько упрочились, что «в конце концов мы (учителя-марксисты. Б. Б.) знали все, что делается на тракте», сообщает Надежда Константиновна.³ Когда стали выходить прокламации «Союза борьбы», учителя-марксисты получали через школу, ничего даже не спрашивая, самые подробные сведения о том, как эти прокламации распространялись и какое впечатление производили.

Через школу же собирались сведения о порядках на фабриках и заводах. Так были собраны сведения для № 1 «Рабочего дела», который готовил к выпуску «Союз борьбы».

Ведя пропаганду и агитацию, марксисты одновременно изучали рабочую массу. «Это было необходимо для того, чтобы найти правильный подход к этой массе».⁴ Сведения, которые

¹ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 24.

² Воспоминания бывшего ученика-рабочего З. Трифонова. — Связка 3. Дело 25. Листы 61 и 62.

³ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 29—30.

⁴ Крупская Н. К. Изучение масс и конкретных условий, в которых они живут и работают. М.—Л., Учпедгиз. «Долой неграмотность», 1927, стр. 10.

приобретались в результате изучения, использовались и для составления прокламаций.

Вполне естественно, что в программу изучения рабочей массы входило, в частности, изучение читательских интересов и что эта работа сочеталась с пропагандой соответствующей литературы и с руководством чтением, которому члены марксистской группы придавали немалое значение и которое они стремились подчинить своему влиянию.

Книги черпались ими из разных источников: из школьных библиотек, из двух читален, открытых на Шлиссельбургском тракте, из частных библиотек. Именно в последних добывались лучшие, самые ценные книги, которые не разрешалось приобретать библиотекам начальных школ и народным читальням. Использовались также и нелегальные издания.

Пропаганда книги и изучение читателей велись как в стенах школы, так — преимущественно — и вне ее: в читальнях, в рабочих казармах, на занятиях кружков, а иногда, повидимому, и на предприятиях, — т. е. всюду, где велась пропагандистская и агитационная работа, везде, где марксисты общались с рабочими.

Основным принципом изучения читателей являлось изучение их в связи с конкретными условиями их труда и быта. Это был новый принцип, не выдвигавшийся раньше и примененный на практике марксистами. Основным методом изучения являлась беседа с читателями — индивидуальная и групповая (в пропагандистском кружке, на занятиях в школе). Этот метод не был новым. Новыми были содержание, которое в него вкладывалось, и цели, которые он преследовал. Новым был предмет бесед: они не ограничивались только книгой, но охватывали самые разнообразные вопросы труда и быта рабочего, вопросы, кровно связанные с жизненными, классовыми его интересами. В дополнение к беседе применялись и другие, тоже не новые формы изучения: наблюдение в процессе громкого чтения и анализ ученических сочинений, посвященных книге. То и другое давало определенный материал о читателях-рабочих и в какой-то степени позволяло найти к ним правильный подход.

К сожалению, сохранилось немного конкретных сведений обо всей этой работе.

В некоторых неопубликованных воспоминаниях работников Смоленских классов, в частности в воспоминаниях упомянутой выше М. В. Бернштам, отмечается, что наиболее интересные материалы, касающиеся изучения массы, в том числе и сочинения учащихся рабочих, нельзя было передавать в школу и оставлять в ее делах. Это было опасно. Учителя хранили такие материалы у себя, а иногда — уничтожали.

М. В. Бернштам сообщает,¹ что в сочинениях учащихся нередко ярко проявлялось «классовое и политическое сознание рабочих», и что поводом для сочинений неоднократно служили прочитанные книги. Преподаватели-члены марксистской группы показывали друг другу эти работы, но не отдавали наиболее яркие из них в школу, для отчета. Сняв, на всякий случай, фамилии авторов сочинений, учителя оставляли такие работы у себя. Если последние все-таки попадались при обысках в руки жандармов, — царские охранники не могли повредить конкретным виновникам «возмутительных сочинений».

В делах школы оставляли только более или менее безобидные материалы: часть сочинений учащихся, статистические и текстовые отчеты библиотекарей и учителей. Они дополняются документами более позднего происхождения, которые имеются в архиве Смоленских вечерних классов: письмами бывших учеников, их воспоминаниями и некоторыми другими материалами.

Эти документы дают ряд фактов, иллюстраций, цифр, которые в известной степени позволяют судить об интересующих нас вопросах.

Так, например, в ученических сочинениях, посвященных «Капитанской дочке» А. С. Пушкина,² сквозит стремление сопоставить прошлое с настоящим. «Никакая борьба не принесет победу, если ее ведут одиночки, если нет настоящей организации и господствует стихия», пишут учащиеся. В связи со стихотворениями Н. А. Некрасова ученики писали о том, что реформа 1861 года не привела к фактическому изменению положения крестьянства; чтобы изменить это положение, нужно другое, гораздо большее, чем реформы. По поводу «Песни про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова писали о том, что «не перевелись oprичники и сейчас», т. е. в 90-х годах.

В некоторых сочинениях имеются намеки на «другие книги», которые дают «рабочему человеку ясное понимание своего положения» и «указывают рабочему его задачи».

В сочинениях о своем труде и быте рабочие неоднократно цитируют стихи Некрасова. Эти цитаты были призваны иллюстрировать положение русского пролетариата и трудового крестьянства, — эксплуатацию, бесправие, нищету и невежество. «Но скоро будет иначе» — таков вывод многих сочинений. «Будет иначе», потому что сейчас — «мы другими стали» и «сила — за нами», если «мы пойдем той дорогой, которой следует нам идти», а «хорошие книги эту дорогу показывают».

Примерно те же ноты звучат в письмах, которые направля-

¹ Связка 3. Дело 25. Лист 200.

² Сочинения относятся к 1894—1895 учебному году частично — 1892 и 1893 г.г. — Связка 3. Дело 25. Листы 211, 204, 206 и др.

лись рабочими в школу (повидимому, в знак благодарности, по окончании занятий), и в воспоминаниях бывших учеников о Смоленских классах первой половины 90-х годов.

«Когда мы неграмотны или малограмотны, мы как ребята: слабые. И не знаем, какая мы сила, когда мы — вместе. Я учился в школе и продолжаю сейчас сам учиться, чтобы сила наша увеличилась. Очень любил я читать сочинения Некрасова, Щедрина. Но для нас они — только начало...» — Так пишет один из воспитанников школы, рабочий Александровского завода, окончивший ее в 1894 году.

А другой, с Семяниковского завода, в том же году поступивший в школу, мотивируя свое желание учиться, между прочим, отмечает в поданном им заявлении: «Есть люди, которые пишут книги про то, как рабочему человеку жить нужно, чтобы идти вперед, к светлому будущему. Эти книги я и буду читать, научившись грамоте, как следует».

Выступая с воспоминаниями в день 25-летия Смоленских вечерних классов, в 1908 году, рабочий Александровского завода, окончивший школу в середине девяностых годов, говорил: «Школа научила нас думать, читать и понимать прочитанное... Мы знаем, что такое — хорошая, нужная нам книга. Когда мы читаем книгу, мы прежде всего смотрим, правдива ли она... Правдива — будем беречь и ценить эту книгу, нет правды — нет и нашего уважения к писателю. Мы теперь, как старые воробы, и нас мякиной уже больше не обмануть». А его товарищ по школе, тогда же, в день юбилея подчеркнул в своей речи, что в школе «нашлись люди, которые указали правильный путь рабочим. Они привели нас... к книге, которая раскрыла нам глаза».¹

Понятно, что только позднее, после Великой Октябрьской социалистической революции некоторые из воспитанников Н. К. Крупской, А. А. Якубовой, Л. М. Книпович и других учителей-марксистов смогли рассказать, на каких именно книгах они росли, какая литература помогла им осознать свои классовые интересы, где и от кого они получали эту литературу. Так, один из бывших учеников Смоленских классов, сообщает, что в 1896 году он и его товарищи спрашивали и получали в читальне, на Шлиссельбургском тракте «книги, которых в библиотеке иметь не полагалось».² Библиотекарь читальни³ хорошо знала своих читателей и, как член марксистской группы Смоленских классов, поддерживала тесные связи с рабочими, старалась развивать их «мысль политически и чутко прислушива-

¹ Связка 1. Дело 10. Лист 3.

² Связка 1. Дело 10. Лист 2 и 3.

³ Речь идет, очевидно, о А. Чечуриной.

лась к душевному пульсу» рабочего. Хорошо зная, что нужно развитому, пытливому читателю, она доставала «из какой-то кладушки» и выдавала без всякой записи произведения революционных демократов (в частности Д. Писарева) и нелегальные издания. Другой рабочий, который тоже интересовался тем, чего не полагалось знать российскому подданному, а «простолудину» — в особенности, указывает, что он находил соответствующие книги в школе (в Смоленских классах): «Наши преподаватели... подбирали книги для чтения и давали руководство к пониманию читаемого». Это были произведения К. Маркса, подпольная литература.¹

Либеральные просветители не могли похвастать своей близостью к рабочим. Рабочий не откровенничал с ними. Зато общаясь с марксистами и находя в них подлинных друзей, читатель-рабочий, не таясь, делился своими заботами, нуждами и чаяниями. Марксисты — работники Смоленских классов слышали немало голосов, которые свидетельствовали об осознании передовой частью рабочих своих классовых пролетарских интересов. Об этом, в частности, говорят примеры, приведенные выше. Но одновременно до них доходили и другие голоса — голоса более отсталых слоев рабочих.

Очевидно, что самым темным, забытым и приниженным царским самодержавием рабочим, которые, вероятно, только недавно пришли на производство из деревни и еще никак не осознали своих классовых интересов, принадлежат, например, такие заявления при поступлении в школу:

«Желаю я научиться хорошо грамоте. Тогда пойму книги божественные».² Или: «Я слушал, как другие читают «Битву русских с кабардинцами» и сонники. Интересно и самому не по-складам читать такие завлекательные книжки и разные истории. Для этого хочу учиться в школе».³

О том же, в сущности, говорится и в «Отчете по библиотеке женской воскресной школы за 1892-93 учебный год»⁴: — «Многие просят «божественные книги» или «повеселее», «жалостную», «сказочки».

Ту же категорию читателей, повидимому, имеет в виду В. А. Аврамов, упоминая в своем «Обзоре деятельности мужской воскресной школы» о «неясных, неопределенных запросах» части читателей.⁵

Слышались голоса и другой группы рабочих — более грамотных и развитых, но, однако, тоже далеких от осознания

¹ Связка 3. Дело 25. Лист 4—об.

² Работница фабрики Максвеля. — Связка 1. Дело 10. Лист 62.

³ Связка 1. Дело 10. Листы 2 и 3.

⁴ Связка 2. Дело 16. Листы 197 и 198.

⁵ Связка 2. Дело 16. Лист 47.

своих классовых интересов. — «Моя давно обдуманная цель — учиться, потому что когда научишься, можно лучше жить, больше заработать и свое хозяйство завести. Больше хочу читать книги дельные, о мастерстве, о хозяйстве. Хорошие рассказы, конечно, тоже иногда почитать приятно, особенно при жизни нашей темной и трудной». Так сказал в заявлении о поступлении в школу (в 1892 году) один из рабочих Семянниковского завода. Примерно в том же роде и другое заявление, рабочего фабрики Паля: «Не для ради пустяков, но для дела стремлюсь я к чтению. Мне в этом большая польза представляется. Я таю надежду выдти в мастера».

Уделяя особое внимание работе с наиболее сознательными, передовыми рабочими, марксисты — преподаватели и библиотекари — руководили чтением также и других своих учеников и читателей, старались пробудить и развить классовое самосознание более отсталой части рабочих, и это в ряде случаев удалось сделать.

Пример такой работы мы находим в отчете Н. К. Крупской «О внеклассном чтении в повторительной группе за 1892—93 учебный год».¹ Ее личные воспоминания о преподавании в этой группе несколько дополняют этот небольшой, но содержательный документ.²

Вот, что она пишет:

— «С повторительной группой занималась искони Екатерина Николаевна Щепкина, специалистка по истории, либералка до мозга костей. Ее либерализм возмущал меня. Мне хотелось повести через группу пропаганду марксизма. Повторительную группу мне дали. Она была очень разношерстна. Часть состояла из молодежи, хорошо грамотной, любившей грамматику, не очень давно еще покинувшей стены школы.

Другая группа (Н. К. имеет в виду другую часть учащихся повторительной группы. Б. Б.) состояла из пожилых рабочих, плохо писавших, но желавших узнать побольше «о жизни». Я взяла среднюю линию, но это было ошибкой, и молодежь все же у меня разбежалась. «Бороды» доходили до конца. Между ними была пара рабочих, уже высланных из Петербурга... Слушатели ставили сплошь и рядом серьезные вопросы»³.

Таким образом, Надежда Константиновна работала с группой взрослых рабочих, любознательных, но малограмотных,

¹ Связка 3. Дело 34. Листы 29—32.

² Крупская Н. К. Пять лет работы в вечерних Смоленских классах. — В кн.: Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 11—31.

³ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 20.

подвергшихся предварительной обработке либеральной просветительницы.

Работа с книгой должна была помочь ответить на вопросы рабочих и одновременно способствовать пропаганде марксизма. По причине скудости библиотечного фонда школы, Надежда Константиновна пользовалась книгами из городской (частной) библиотеки.

Она систематически изучала своих читателей (14 человек), беседуя с ними и наблюдая их.

Ее беседы и наблюдения не были похожи на односторонние, школярские «переспросы» и формальные наблюдения культурников, потому что Н. К. Крупская преследовала не узко-просветительные, но иные задачи, в разрешении которых книга играла важную, но отнюдь не исключительную роль. Революционная пропаганда, развитие классового самосознания рабочих и их организация — вот те задачи, которые, как мы знаем, стояли перед Надеждой Константиновной и ее товарищами. Поэтому изучение читательских интересов связывалось с изучением конкретных условий труда и быта рабочих. Оно помогало пропагандистской работе, одним из средств которой являлось руководство чтением.

Н. К. Крупская тщательно учитывала выданную литературу. Она отмечала отдельные книги, выданные по спросу читателей, и книги, которые рабочие брали по ее рекомендации. К сожалению, в отчете не показано, с каких книг начинали чтение конкретные читатели и к какой литературе они переходили в дальнейшем. Не знаем мы также, увеличивался ли самостоятельный спрос читателей в процессе работы с ними и как он изменялся. О том и другом можно, впрочем, догадываться. Но зато мы узнаём из отчета, какие книги не были выданы, хотя читатели их спрашивали. Перечисляются и те названия, которые удостоились особенно лестных отзывов.

Рассматривая отчет вместе с материалами, которые его дополняют,¹ можно сделать несколько выводов.

Самостоятельный спрос читателей свидетельствует о простоте их интересов и о разнообразии влияний, которые они на себе испытывали. Тут и заявки на лубок («Василий Чуркин», «Атаман-разбойник», «Наездник Епанча»), и занимательные переводные романы (Дюма), и произведения классиков (Гоголь, Тургенев, Некрасов, Щедрин), и легкая историческая беллетристика (Лажечников, Загоскин, Мордовцев) и научная

¹ Мы имеем в виду указанные выше воспоминания Н. К. Крупской и соответствующие архивные документы.

фантастика (Ж. Верн), и — в очень небольшой степени — популярная естественно-научная литература (Рубакин). Мы видим в спросе читателей-малоразвитых рабочих проявление прежних консервативных влияний (спрос на лубок); давало о себе знать влияние действовавших в то время реакционных сил, пытавшихся растлить сознание трудящихся, увести их от современности, от практики жизни (тяга к «завлекательной» беллетристике, к низкопробным романам из великосветской жизни и к лжеисторическим повестям и романам); наряду с этим проявлялось прогрессивное влияние (спрос на произведения классиков, на научно-популярную литературу). Характерно, что на эту категорию рабочих не могли воздействовать даже церковники: Н. К. Крупская не зафиксировала ни одного запроса на религиозно-нравственную литературу. Хотя Надежда Константиновна отмечает, что вкусы большинства ее читателей, взятых в отдельности, «были вполне определившиеся»,¹ — в их самостоятельных запросах на книгу еще не проявляется осознание классовых интересов. Все это, взятое вместе, говорит о том, что условия для руководства чтением данной группы рабочих были нелегкими.

Состав книг, которые рекомендует читателям Н. К. Крупская, показывает, что она руководит их чтением, борется с реакционными влияниями на читателей, расширяет их культурный кругозор, помогает им сделать первые шаги в сторону осознания своих классовых интересов. Она стеснена ограниченным ассортиментом легальных изданий, доступных данной категории читателей и вместе с тем соответствующих задачам руководства чтением, которые ею преследуются; стеснена и «вполне определившимися» вкусами, к которым «приходилось приноравливаться». ² Тем не менее, мы видим, что Надежда Константиновна сумела дать своим читателям нечто вроде небольшого круга чтения, составленного из художественных и научно-попу-

¹ Так сказано в отчете (Связка 3. Дело 34. Лист 30). В своих воспоминаниях Н. К. пишет прямо противоположное: «Редко требования были определены. Приходилось часто самой определять, что для какого ученика подходит (Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 20). Мы не имеем оснований решать, какое именно из двух указаний Н. К. Крупской является точным. Не исключено, что вкралась ошибка в воспоминания (они написаны в 1931 году). Но возможно и другое: позднее, накопив огромный опыт практической работы, (которого еще не было в 1893—1894 гг.) Н. К. могла прийти к заключению, что нельзя считать определенным тот спрос, с которым она имела дело в повторительной группе. Не исключено еще одно предположение: Н. К. Крупская могла сослаться в отчете на «вполне определившиеся» вкусы читателей для того, чтобы прикрыть свою активность, свою линию руководства чтением, которая, как мы знаем, не совпадала с культурнической линией руководителей Смоленских вечерних классов.

² Там же.

лярных книг. В него вошла литература по вопросам естествознания (Фламарион — «Астрономия», Бер — «Зоология», Герд — «Естествоведение»; и др.), географии (Водовозова — «Жизнь европейских народов», Оппель — «Страна чудес и пирамид»), истории и обществоведения (Джiovаниоли — «Спартак», Француз — «Борьба за право», Гюг — «93-й год», Салиас — «Пугачевцы», Достоевский — «Записки из мертвого дома», Энгельгардт — «Письма из деревни», Свидерский — «Труд и капитал», Беллами — «Через сто лет»).

Н. К. Крупская не удовлетворяла спрос на лубочную литературу. В этом факте мы также находим свидетельство руководства чтением. Надежда Константиновна изучала читателей для того, чтобы, ориентируясь в степени их развития, в их запросах и вкусах, *поднимать* своих читателей, развивать их, вести вперед, но никак не для того, чтобы удовлетворять те интересы, в которых проявлялись консервативные и реакционные влияния.

Один из наглядных положительных результатов руководства чтением — «особенно лестные отзывы»¹ читателей главным образом о тех книгах, которые рекомендовала Н. К. Крупская. Среди них: «Спартак» Джiovаниоли, «Борьба за право» Француза, «Письма из деревни» Энгельгардта, «Труд и капитал» Свидерского, «Через сто лет» Беллами, т. е. как раз те книги, которые отвечали общественно-воспитательным задачам, поставленным Надеждой Константиновной. Успех именно этих произведений говорит о том, что она сумела уловить коренные интересы читателей, которые еще не были осознаны ими самими. Можно предполагать, что самостоятельный спрос читателей на «Историю одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Сказки» Салтыкова-Щедрина и произведения Некрасова, — спрос, отмеченный самой составительницей отчета, — явился следствием ее работы с читателями, результатом индивидуального руководства чтением, основанного на глубоком их изучении.

Таким образом, несомненно, что Н. К. Крупская сумела добиться успеха в руководстве чтением, — сумела пробудить в своих читателях такие интересы, которые, разумеется, не вызвала в них либералка Шепкина. Эти интересы вели читателей именно в том направлении, которое было намечено Надеждой Константиновной.

Имела ли место выдача нелегальной литературы рабочим-читателям Н. К. Крупской? Об этом, понятно, в ее отчете не говорится. Однако же, судя по составу читателей, характеру и содержанию их собственного спроса и книг, рекомендованных Надеждой Константиновной, можно считать, что в это время,

¹ Связка 3. Дело 34. Лист 32.

т. е. на первых порах работы с данными читателями и в самом начале деятельности Н. К. Крупской в Смоленских вечерних классах, нелегальные издания ею еще не использовались. В это время она совершила только первый шаг пропагандистской работы, и рабочие — ученики повторительной группы, видимо, подготавливались ею к следующему шагу, который она собиралась сделать: к революционной марксистской пропаганде в их среде. Вероятно, не все эти читатели явились объектами такой работы. В этом отношении, был необходим сугубо дифференцированный подход, основанный на глубоком изучении каждого отдельного читателя. Можно предполагать, что в дальнейшем, когда это было возможно и необходимо, некоторые читатели получали нелегальную литературу.

Такую же работу с читателями-рабочими, проводила А. И. Чечурина.¹ Никак не исключено, что то же делали и некоторые другие члены марксистской группы.

Повидимому, еще более широкая работа с читателями имела место в бесплатных читальнях, открытых на Шлиссельбургском тракте, но об этом сохранилось очень мало сведений.

С конца 1893 года библиотекарем одной из читален работала А. Чечурина, и, как сообщает Н. К. Крупская, рабочие ходили туда не только за книгами, но также и для того, чтобы посоветоваться, поговорить по душам. Члены «Союза борьбы» устраивали там встречи с рабочими. Там же велись занятия пропагандистского кружка. Учительницы-марксистки широко использовали эту читальню для пропагандистской и агитационной работы. — «Была эта читальня своеобразным агитпунктом», пишет Надежда Константиновна.²

Имеется несомненная связь между деятельностью марксистской группы и теми новыми для Смоленских вечерних классов явлениями, о которых идет речь в обзорах работы школы и в библиотечных отчетах за первую половину девяностых годов.

В этих материалах говорится об изменении читательских интересов рабочих, об их духовном росте. Мы находим в этих обзорах и отчетах такие сведения, которые обнаруживают рост классового сознания воспитанников школы.

Данные библиотечной статистики и наблюдения — вот то, что лежит в основе упомянутых материалов.

Еще в 80-х годах, вскоре после открытия Смоленских классов, руководители школы жаловались на то, что фонд школьной библиотеки беден и состоит, главным образом, из детских книг. Он комплектовался на основе указаний «Обзора русской

¹ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 2.

² Там же, стр. 21.

народно-учебной литературы» Петербургского комитета грамотности и «Что читать народу?» Х. Алчевской.¹

Очень мало материала для чтения, — сетовали учителя и библиотекари. Однако, как видно, этого скудного материала все же хватало для того, чтобы удовлетворить первоначальные культурные запросы рабочих и работниц.

Школа учила своих воспитанников «наслаждаться впечатлениями, даваемыми прекрасным и художественным», и самыми ходовыми произведениями были «Капитанская дочка», «Песня про купца Калашникова», «Антон-Горемыка», народные рассказы и сказки Л. Н. Толстого, «Робинзон Крузо».

Школа прививала «интерес к прошлой судьбе своей родины», и популярные брошюры по русской истории неплохо читались.

Школа учила «знать полезное» — и непритязательные читатели довольствовались периодическими изданиями, предназначенными для «низших классов»: «Досуг и дело», «Мирской вестник» и «Чтение для солдат». Лучшей периодики в библиотеке не было вовсе.²

На большее культурники не претендовали. В частности, — и это очень характерно для них, — прививая «интерес к прошлой судьбе своей родины», они обходили молчанием ее настоящее.

Увеличивалось число читателей, росла выдача, возрастала читаемость.³

Но эти успехи не могли быть ни продолжительными, ни тем более, постоянными. Они могли иметь место до тех пор, пока не были удовлетворены самые элементарные культурные запросы рабочих-учащихся, — до того времени, пока не было пробуждено их классовое сознание.

Уже на исходе 1892—1893 учебного года составители отчетов пишут о том, что книгами из библиотеки мужских школ пользуются «исключительно ученики малограмотных групп». Количество учащихся растет, а процент читающих в библиотеке падает по сравнению с прошедшими годами. В чем же дело? Причина заключается в том, что «ученикам сильно-грамотных групп в нашей библиотеке читать почти нечего»; их не удовлетворяет состав фонда.

Почти 90% выдачи падало на беллетристику и журналы «для детей и простого народа». Остальная часть выданной литературы приходилась на историю и в очень небольшой степени на естествознание. Религиозно-нравственная литература выда-

¹ Связка 2. Дело 16. Листы 36—41.

² Связка 2. Дело 16. Лист 40.

³ Связка 1. Дело 3. Лист 9—об.

балась в ничтожном количестве: «эти книжки мы и так знаем», заявляли ученики.

«Женская школа отстала от мужских», — констатируется в отчете. Поэтому подавляющее большинство учениц удовлетворено литературой, которая есть в школьной библиотеке. Здесь — то же, что и в мужских школах, но больше беллетристики и меньше исторических и естественно-научных книжек. 90 % выданных книг приходится на беллетристику и журналы, около 5 % на литературу религиозного содержания и примерно столько же на историю и естествознание (вместе).

Таким образом, отставание учениц-работниц от рабочих заключалось в том, что они читали больше религиозно-нравственных книжек, меньше — научно-популярных и, главное, *все* пользовались школьной библиотекой, т. е., повидимому, находили тут достаточную умственную пищу.

«Как и в прошлом году, часто обращались с просьбами о неразрешенных книгах»,¹ сказано о рабочих-мужчинах, которые читали в школьных библиотеках. Это замечание очень существенно. Если даже ученики малограмотных групп, спустя недолгое время после записи в библиотеку, спрашивали, и притом часто, «неразрешенные книги», то более развитые их товарищи («сильно-грамотные») были, вероятно, еще активнее в отношении поисков литературы, не предназначавшейся для «низших классов». Надо полагать, что они находили то, что искали, и притом, несомненно, не в тех «очагах просвещения», которые были для них открыты с дозволения правительства.

Следовательно, уже в начале 90-х годов наблюдения библиотекарей и библиотечная статистика Смоленских вечерних классов обнаружили новые явления, которые не замечались здесь раньше. Среди рабочих выявились активные, требовательные читатели, — читатели со *своими* интересами, не соответствующими интересам «высших классов».

Эти явления становятся в дальнейшем еще более отчетливыми и яркими.

К середине 90-х годов, при абсолютном увеличении количества учащихся в Смоленских вечерних классах и числа читателей в школьных библиотеках, уменьшился процент учеников и учениц, пользующихся этими библиотеками. Если к концу 80-х годов здесь читали почти все учащиеся, то к 1895 году — около 65 % учащихся-рабочих и примерно 85 % учениц-работниц.

Еще меньше, чем раньше, удовлетворяли читателей библиотечные фонды. Стали появляться недовольные подбором книг и среди воспитанниц женской школы.

¹ Связка 2. Дело 16. Лист 201.

Изменилось содержание выдачи. Выросла тяга к исторической и естественнонаучной литературе. Наоборот, значительно меньшим спросом пользовались народные периодические издания. Что же касается детских журналов, то их читали только самые неразвитые ученицы.

Из года в год падала читаемость (в 1891 году — около 14-ти, а в 1895 — 10,5 книг).

Читатели все чаще приходят в библиотеки с конкретным спросом. Что именно они спрашивают — в отчетах по существу не сообщается: «недозволенные для народного чтения издания», «запрещенные книги» — такова характеристика содержания неудовлетворенного спроса.

Изменяется также отношение к громким чтениям.

Если раньше, в восьмидесятых годах, культурники считали этот вид работы с книгой очень эффективным, поскольку любые чтения (в особенности — чтения с фонарем), привлекали большую аудиторию и вызывали интерес учащихся, то в девяностых годах картина изменилась.

Даже женщины (та часть аудитории, которая раньше особенно любила громкие чтения) стали меньше посещать чтения и проявлять некоторую разборчивость в отношении их программы. Обнаруживая больший интерес к историческим и географическим темам, к биографиям замечательных людей, работницы меньше ходили на чтения религиозно-нравственной литературы. Так, например, в 1894—1895 г.г. чтения комедии А. Н. Островского — «Правда хорошо, а счастье лучше» и басен И. А. Крылова собирали по 60 и более человек, столько же — биография Оуэна, свыше 30-ти — жизнеописание А. С. Грибоедова, более 40 человек — чтение популярной брошюры по геологии, в то время как о «страданиях Христа» слушали только 13 учениц.¹

Мужская аудитория явно разлюбила громкие чтения. Неохотно слушали произведения классиков, потому что чтение велось, как правило, по сокращенным и переработанным для народной аудитории текстам. Лучше посещались чтения, посвященные вопросам естествознания и географии, но и в данном случае наблюдалась неудовлетворенность: «очень мало нового», «меньше, чем на уроках», говорили слушатели. Религиозно-нравственные чтения вообще не привлекали рабочих. Только в одном случае отчет отмечает большую удачу. На чтение «О законах, и порядках» собрались свыше 150 рабочих — невиданная в Смоленских классах масса слушателей (на остальных чтениях присутствовало максимум 60 человек). Что именно читалось в данном случае, неизвестно;

¹ Связка 2. Дело 18. Лист 39.

вероятно, какая-либо безобидная массовая книжка либерального направления. Не знаем мы также, кто читал, проводилась ли беседа о прочитанном и в чем она заключалась. Но это, в конце концов, второстепенные вопросы. Важно и показательно то, что именно общественно-политическая тема вызывала особенно активный отклик со стороны учеников Смоленских классов. Именно этот факт определяет характер их интересов в середине 90-х годов, и он свидетельствует о том, что уровень развития рабочих вырос.

В отчете о работе школы отмечается, что новые учащиеся — «ученики приема 1894 г. оказались выдающимися по подготовке, развитию и главное по любознательности» в сравнении с поступавшими раньше. Они «усердно занимались историей и другими гуманитарными предметами».¹

А дальше, в том же отчете констатируется еще более значительный факт: «...начиная с 1894 года, в настроении учащихся и поступающих произошла заметная перемена: среди них стал быстро развиваться интерес к популярным сведениям из области обществоведения», к «подробному выяснению сложных исторических явлений». В итоге «преподавателям приходится с трудом поспевать с удовлетворением» тех запросов, которые предъявляются учениками.

Идя навстречу учащимся, в порядке дополнения программы, школа ввела курс «истории обществоведения», но и он, как видно, недостаточно удовлетворял возросшие запросы рабочей аудитории. Несмотря на то, что у них «очень мало времени для самостоятельного чтения», рабочие ищут ответа на интересующие их вопросы в книгах, но не в той литературе, которая имеется в школьных библиотеках. Многим тут уже нечего читать. Они переросли эти библиотеки. Где-то на стороне ищут они и находят то, что им надобно. В частности, они стали покупать книги: происходит «небывалый рост числа... покупателей книг».²

Спустя два года, в 1896 году, примерно то же самое отмечается и в отчете о занятиях со «слабограмотными».³

В приведенных сведениях не названы ни конкретные темы, которые интересовали учащихся-рабочих, ни вопросы, которые разбирались с ними в школе, ни авторы и заглавия книг, которые они спрашивали и покупали. Нет даже намека на те причины, которые вызвали новые явления, указываемые в отчетах за 1891—1896 г.г. Может быть, дело в составителях отчетов. Кто они, неизвестно. Возможно, что авторами были куль-

¹ Инв. опись 2. Дело 2. Листы 70—71.

² Инв. опись 2. Дело 2. Лист 71.

³ Там же. Дело 7. Лист 32.

турники, — те работники Смоленских вечерних классов, которые не умели или не желали понять того, что происходит вокруг них. Может быть, дело в самом характере материалов, на которые мы ссылаемся в данном случае: отчеты — официальные документы и, разумеется, в них было опасно намекать на такие «деликатные предметы», как рост классового самосознания пролетариата, участие воскресной школы и библиотеки в формировании марксистского мировоззрения рабочих и роль Смоленских классов в революционизировании рабочих Невской заставы.

Тем не менее, несмотря на скупость отчетных данных, мы видим в них отражение, а отчасти и результаты работы, которую вели в школе и в библиотеках революционеры-марксисты.

Цифры и факты отчетных данных подтверждают, что влияние на рабочих со стороны либеральных просветителей ослабело, что, в частности, уменьшилась их роль в руководстве чтением, что наступило такое время, когда рабочие начинают осознавать свои классовые интересы. И именно поэтому — все чаще и во все возрастающем количестве — они идут не за культурниками, но за подлинными своими друзьями — за революционными марксистами.

Все возрастающая известность школы и ее революционная деятельность, заслонявшая культурнические мероприятия педагогов-либералов и в очень значительной степени парализовавшая их работу, не могла не оказать влияния на ее дальнейшую судьбу.

Но еще большее влияние на нее имела разразившаяся летом 1896 года стачка 30000 петербургских текстильщиков, проведенная под руководством «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Исключительная организованность забастовки, выдержка рабочих и планомерность их действий обратили на себя особое внимание органов власти. Ими было, в частности, установлено, что среди забастовщиков особенно выделялись своей культурностью, начитанностью и сознательностью ученики воскресных и вечерних школ, в том числе — Смоленских классов. «Школа (т. е. Смоленские классы. Б. Б.) сыграла немалую роль в подготовке этой стачки», свидетельствует Н. К. Крупская.¹

Царское правительство решило расправиться с этим очагом «крамолы» и в первую очередь — «очистить школу от вредных элементов». Об этом говорит ряд секретных документов (1896): письмо министра внутренних дел Горемыкина министру народного просвещения Делянову, письмо обер-прокурора синода Победоносцева Делянову, отношения Горемыкина

¹ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 31.

и Делянова в Петербургское жандармское управление, петербургскому градоначальнику, попечителю Петербургского учебного округа и некоторые другие документы.¹

29 августа 1896 года на собрании учителей Фарфоровского попечительства было «доложено о выбытии из числа учащихся» 40 лиц. Перечислены их фамилии.² О мотивах единовременного выбытия такого множества работников (около двух третей личного состава Смоленских классов), разумеется, не говорилось. А по существу дело заключалось в том, что охранные органы предписали попечительству уволить Н. К. Крупскую, Л. М. Книпович, А. И. Чечурину, А. А. Якубову, М. В. Бернштам и целый ряд других лиц — членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и тех кто им сочувствовал, за революционную деятельность. Часть уволенных была арестована. «Провалился ряд учеников, провалились и мы, учительницы»... — пишет Н. К. Крупская.³

Висело на волоске самое существование школы. Был взят под подозрение ее попечитель — Н. А. Варгунин. Обыски, которые производились у многих работников Смоленских классов, не миновали и его.⁴

Марка Фарфоровского попечительства оказалась «запятнанной». Нужно было срочно заменить ее другой, более благонадежной. Школа уцелела, перейдя с осени 1896 года в ведение Русского технического общества. Эта организация пользовалась значительным весом и авторитетом среди буржуазии, и поэтому ее терпело царское правительство.

После удаления марксистов деятельность Смоленских классов принимает либерально-просветительский характер. Повторяется то, что происходило в 80-х годах, т. е. делами школы и читален снова стали вершить культурники, а их установки и практика оставались неизменными.

В отношении работы с книгой и изучения читателей снова выдвигаются те же задачи, которые ставились в восьмидесятых годах. Применяются те же методы. Но меньшими стали масштабы работы и меньше о ней рассказывается в документах школы. Меньше, — потому что она, несомненно, дает меньшие результаты: выросла и продолжает расти классовая сознательность рабочих, выросли и продолжают возрастать их требования, и либеральные просветители не способны удовлетворить запросы передовой части рабочего класса. Меньше, чем

¹ ЦГИАЛ. Фонд 733. Инв. опись 172. Дело 190798-а. Листы 1—8, 11, 16, 27, 34, 35, 48, 86.

² Связка 1. Дело 11. Лист 94.

³ Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 31.

⁴ Связка 3. Дело 23. Лист 72.

раньше, рассказывается о работе также и потому, что культурники напуганы репрессиями 1896 года: как бы не оказались превратно истолкованы даже самые благонамеренные мероприятия и как бы чего не вышло?

Осторожность культурников была, по существу говоря, излишней. Правительство изгнало из учреждений народного образования революционеров-марксистов, но оставило либеральных просветителей, оставило в их распоряжении воскресные школы, народные читальни и другие культурно-просветительные учреждения. Правда, правительство делало вид, что и те культурнические очаги, в которых действуют либеральные просветители, «опасны» для него. В руководящих правительственных учреждениях писалось и говорилось о «неблагонадежности» самих культурников. Но это — ложь. Это — тактика, рассчитанная на одурачивание масс. На самом же деле в эту эпоху даже царское правительство (а не только буржуазия, — как было раньше) было заинтересовано в сохранении и некотором развитии буржуазно-либеральных культурнических начинаний. Они — отдушина, клапан, который должен дать выход стремлению рабочих к знаниям как средству борьбы с эксплуататорами, — при чем в направлении, соответствующем интересам эксплуататоров. Воскресные школы, народные библиотеки и читальни, народные дома и другие просветительные учреждения должны отвлекать рабочих от революционной борьбы. И если массы будут считать эти учреждения «опасными» для правительства, «преследуемыми» им, — тем лучше, потому что тем охотнее они пойдут в эти учреждения; наступают такие времена, когда все более широкие слои трудящихся отшатываются от «благонадежного» и, наоборот, тянутся к «неблагонадежному».

Что же касается самих культурников, то они, в конце концов, были не прочь предстать перед массой в качестве «неблагонадежных», в роли страдальцев за «интересы народные». Правительство их не тронуло, но... «даже мы... чуть не пострадали», уверяет либералка — учительница Смоленских классов Е. Щепкина,¹ имея в виду себя и подобных ей работников. Окруженные ореолом «неблагонадежности», они рассчитывают завоевать доверие и симпатии рабочих, укрепить свое влияние на них и, продолжая и усиливая культурническую деятельность, оторвать их от марксистов-революционеров.

Но историческое развитие не поворачивается вспять, как бы ни надеялось на это царское правительство и сколько бы ему в этом ни содействовали либеральные просветители.

Накануне революции 1905—1907 г.г. и во время самой ре-

¹ Из воспоминаний Е. Щепкиной. (Связка 3. Дело 25. Лист 17—об.).

волюции деятельность Смоленских вечерних классов снова оживает. Активизируется и работа с книгой. В этот период мы встречаем среди работников школы немало революционеров, членов партии большевиков. В их числе — сестры Л. Р. и В. Р. Менжинские, их брат В. Р. Менжинский, А. М. Коллонтай, возвратившиеся в школу после десятилетнего перерыва Л. М. Книпович и А. А. Якубова. Именно они задают тон в Смоленских вечерних классах; они определяют направление деятельности школы в это время. Либеральные просветители снова отходят на второй план.¹

Материалы о данном периоде жизни школы дают основание считать, что в это время проводилась работа, сходная с той, которая имела место в первой половине девяностых годов. Будучи схожей, она, однако, не могла быть тождественной. Наступила новая полоса исторического развития. Движение рабочего класса возглавляется в это время большевистской партией. Пролетариат в этот период — не тот, каким он был в начале и середине девяностых годов: возросла его организованность, повысился уровень классовой сознательности.

Но этот период выходит за хронологические рамки настоящей статьи.

* * *

«Работа в школе дала мне навыки политпросветработы, понимание того, как надо ставить работу» — такими словами заканчиваются воспоминания Н. К. Крупской.² Эти слова представляют собою очень важный вывод. Он говорит о преемственности основных принципов изучения массы и подхода к ней, примененных раньше, в 90-х годах, революционерами-марксистами, и применяемых нами в настоящее время. О преемственности основных методов пропаганды и агитации, работы с книгой, руководства чтением и изучения читателя.

Именно эта преемственность обуславливает интерес, который представляет ныне работа, осуществлявшаяся в Смоленских вечерних классах в конце прошлого столетия.

В работе Смоленских вечерних классов 1891—1896 годов мы видим один из истоков той работы по руководству чтением и изучению читателей, которая развернулась в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Связка 3. Дело 39. Листы 1—22.

² Крупская Н. К. [Собрание сочинений], т. 2, стр. 31.

ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ СЕТИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК ЛЕНИНГРАДА*

Наличие в Советском Союзе огромной библиотечной сети, многообразие типов и видов советских библиотек, дальнейшее систематическое развитие библиотечного строительства в нашей стране со все возрастающей остротой ставят вопрос о необходимости глубокого государственного планирования, организации и размещения разнообразных библиотечных учреждений и прежде всего массовых библиотек, обслуживающих самые разносторонние интересы широких масс читателей.

В настоящей статье освещаются вопросы территориального размещения и планирования государственных массовых библиотек Ленинграда и группы клубных библиотек профсоюзов, обслуживающих население по месту жительства т. е. библиотек общедоступных.

Правильное разрешение вопросов перспективного планирования сети библиотек должно базироваться на детальном изучении территориального размещения и радиуса действия существующей сети библиотек. Это заставляет нас рассмотреть прежде всего территориальное размещение, зоны обслуживания и радиус действия ныне существующих общедоступных библиотек Ленинграда.

I. Территориальное размещение общедоступных библиотек Ленинграда

Дореволюционный Петроград располагал крупнейшими национальными книгохранилищами и библиотеками с уникальными книжными фондами: Публичной Библиотекой, Библиотеками Академии Наук, Университета, Вольно-экономического

* В основу статьи положено диссертационное исследование вторым вопросам планирования сети общедоступных библиотек Ленинграда, проведенное в 1950—1952 гг. Отдельные разделы статьи пополнены новыми данными. Разработанный автором перспективный план размещения государственных общедоступных библиотек Ленинграда (см. соответствующий раздел) широко обсуждался работниками массовых библиотек города и был принят в 1951 г. отделом культпросветработы Ленгорисполкома к руководству для дальнейшего развития сети государственных массовых библиотек города на ближайшие годы.

общества и некоторыми другими крупными библиотеками. Однако, все они были недоступны для широких масс трудящихся. Публичная библиотека, являющаяся одним из крупнейших культурных достояний русского народа, сыгравшая значительную роль в развитии русской науки, меньше всего была предназначена в царской России для обслуживания рабочих масс. Не случайно именно на ее примере В. И. Ленин показал коренные недостатки в работе библиотек дореволюционной России. В своих предложениях Петроградской Публичной библиотеке в ноябре 1917 г. В. И. Ленин следующим образом характеризует состояние библиотечного дела в Петрограде: «Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом из рук вон плохо».¹

Для обслуживания населения Петрограда были предназначены бесплатные библиотеки-читальни, находящиеся в ведении Городской Думы. Перед первой мировой войной (на 1 января 1914 г.) для обслуживания двухмиллионного населения Петрограда имелось всего 20 таких библиотек-читален. Чтобы охарактеризовать их деятельность достаточно сказать, что по материалам, собранным Обществом библиотекосведения, все эти библиотеки в 1912 г. обслуживали всего 50 тысяч читателей, в большинстве школьников. Годовая книговыдача этих библиотек составляла 560 тыс. книг (т. е. в среднем по 11,2 книги в год на одного читателя), причем больше $\frac{2}{3}$ всего количества выданных книг приходилось на беллетристику. Весь книжный фонд, которым располагали эти библиотеки, едва достигал 120 тысяч книг, т. е. в среднем на одну библиотеку приходилось около 6 тыс. книг.²

Правда, в дореволюционном Петрограде имелось еще, примерно, два десятка библиотек открытого типа. Незначительную часть из них составляли частные коммерческие библиотеки, некоторые библиотеки были организованы различными обществами, а большинство принадлежало городскому попечительству народной трезвости. Книжные фонды этих последних библиотек были весьма скудными и содержали, главным образом, «религиозно-нравственную», монархическую литературу и беллетристику.

Естественно, что такая «библиотечная сеть» не могла удовлетворить насущные требования трудящегося населения Петрограда.

¹ Ленин В. И. О задачах Публичной библиотеки в Петрограде. — Соч., т. 26, стр. 297.

² Закс Б. Несколько данных по статистике русского библиотечного дела. — «Библиотечкарь», 1914, вып. III, стр. 312.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для бурного развития библиотечной сети не только в Петрограде, но и во всей стране. Перед советской властью возникла задача создания широкой сети массовых библиотек, способных стать центрами политико-просветительной работы. Такими библиотеками явились новые государственные библиотеки — районные и в домпросветах, а также библиотеки, созданные профсоюзными организациями на фабриках, заводах, в рабочих клубах.

В первые годы Советской власти важнейшей задачей государственных органов и профсоюзов, ведавших в Ленинграде библиотечным делом, являлась организация библиотек, прежде всего, в рабочих районах города. В годы довоенных пятилеток планирование библиотечной сети Ленинграда шло, главным образом, в том же направлении.

В результате большой работы, проделанной органами Советской власти и общественными организациями города (прежде всего профсоюзами) в Ленинграде уже в довоенные годы, а в особенности после Великой Отечественной войны выросла большая сеть государственных и профсоюзных массовых библиотек, охватывающих не только город, но и его пригороды. Достаточно сказать, что в 1955 году в Ленинграде и в его пригородах (входящих в городскую черту) действовало около 600 государственных и профсоюзных библиотек с общим книжным фондом в них свыше 10 миллионов экз. книг. В 1954 году эта сеть массовых библиотек Ленинграда обслужила свыше 1 миллиона 200 тысяч читателей.

В настоящее время созрела острая необходимость более дифференцированного планирования и размещения сети библиотек города и прежде всего сети библиотек общедоступных.

Рассмотрим существующее территориальное размещение и радиус действия общедоступных библиотек города.¹

Произведенные нами измерения показали, что в среднем по городу одна общедоступная библиотека находится на расстоянии 1,8 км от другой (ближайшей) библиотеки, причем различие в этом отношении между разными районами города довольно велико; если это расстояние во Фрунзенском районе составляет около 1 километра, то в Калининском районе оно достигает почти 4-х километров (см. табл. 1).

¹ Сведения о территориальном размещении общедоступных библиотек Ленинграда приводятся по состоянию на начало 1953 г. В 1953—55 гг. в городе было открыто для общего пользования еще несколько библиотек. Эти изменения в библиотечной сети учтены нами в дальнейшем изложении, в разделе «Перспективный план размещения государственных общедоступных библиотек Ленинграда».

Т а б л и ц а I

**Расстояние между ближайшими общедоступными библиотеками
по районам города**

Районы города	Расстояние в среднем по району в км
1. Фрунзенский	0,6
2. Василеостровский	0,9
3. Октябрьский	0,9
4. Куйбышевский	1,0
5. Ленинский	1,0
6. Московский	1,4
7. Свердловский	1,1
8. Петроградский	1,5
9. Смольнинский	1,5
10. Дзержинский	1,7
11. Кировский	1,9
12. Ждановский	2,3
13. Выборгский	2,5
14. Невский	2,7
15. Калининский	3,9
В среднем по всему городу в целом	1,8 км.

Еще более характерны порайонные данные о расстояниях между наиболее отдаленными населенными участками и ближайшими к ним библиотеками. Из приведенных в таблице 2 данных видно, что в десяти районах города имеются такие участки, жителям которых, чтобы попасть в ближайшую библиотеку, надо пройти (или проехать) от двух до трех с половиной километров. При этом такое положение характерно не только для окраинных районов, но и для некоторых районов центральной части города. Так, проживающим в Дзержинском районе, (например, у Дворцовой площади или на Дворцовой набережной) надо пройти три километра, чтобы попасть в свою районную библиотеку.

Все приведенные в таблицах 1 и 2 данные являются средними по каждому району, а фактически в ряде районов имеются еще более отдаленные от библиотек населенные участки. Так, например, в Калининском районе население, проживающее в участке Пискаревки и далее у границ города, находится от ближайшей библиотеки им. Белинского в шести километрах. В Невском районе, на правом берегу Невы, на расстоянии почти в десять километров нет ни одной общедоступной библиотеки для взрослых читателей.

Данные, приведенные в таблицах 1 и 2, свидетельствуют о том, что территориальное размещение сети общедоступных библиотек в Ленинграде является весьма неравномерным, а в

целом ряде районов города и значительно разреженным. В процессе исследования выявилась также тяга населения к пользованию библиотеками по месту жительства, т. е. та естественная тяга к удобствам, представляемых большинству населения, на которые указывал В. И. Ленин и среди которых немалую роль играет расположение библиотек «... не дальше чем за три четверти версты от своего дома, — т. е. не более чем в десяти минутах ходьбы...»¹

Все это необходимо учесть в перспективном плане дальнейшего развития сети общедоступных библиотек города.

Таблица 2

Расстояние от наиболее отдаленных населенных участков, до ближайших общедоступных библиотек по районам города

Районы города	Расстояние в среднем по району в км
1. Куйбышевский	1,2
2. Октябрьский	1,4
3. Свердловский	1,7
4. Ленинский	1,9
5. Фрунзенский	1,9
6. Невский	2,1
7. Смольнинский	2,1
8. Ждановский	2,4
9. Петроградский	2,4
10. Выборгский	2,5
11. Кировский	2,5
12. Дзержинский	3,0
13. Василеостровский	3,1
14. Калининский	3,1
15. Московский	3,5
В среднем по всему городу в целом	2,3 км.

II. Радиус действия общедоступных библиотек города

Для определения правильности размещения общедоступных библиотек не менее важно установить существующий *радиус действия* этих библиотек, т. е. *определить границы дальности местожительства основной массы читателей каждой общедоступной библиотеки.*

Для выяснения радиуса действия общедоступных библиотек Ленинграда нами был проведен анкетный опрос читателей во всех государственных массовых библиотеках и в 13 проф-

¹ Ленин В. И. Соч., т. 19, стр. 248.

союзных клубных библиотеках (всего в 51 библиотеке), охвативший 41.381 читателя, или больше одной трети (36,1%) всего числа читателей, пользовавшихся абонементом этих библиотек.¹

Анкетный опрос должен был установить отдаленность местожительства читателей от обслуживающих их библиотек. Согласно тексту опросного бланка (см. приложение) читатели могли определять расстояние от их местожительства до библиотеки в минутах ходьбы или (если это их затрудняло) в трамвайных остановках.

Подавляющее количество опрошенных читателей, указали это расстояние в минутах ходьбы. Только 3704 читателя из 41381 заполнивших анкету, (т. е. 8,9%) указали расстояние от местожительства до библиотеки в трамвайных остановках. Фактически процент читателей, пользующихся транспортом для посещения библиотек, значительно ниже. Можно не сомневаться, что читатели, указавшие, что они живут на расстоянии одной, двух и даже трех остановок, транспортом, в подавляющем большинстве случаев, не пользуются. Для наших выво-

Таблица 3

Расстояние местожительства читателей от обслуживающих их библиотек

Расстояние в минутах ходьбы (или в трамвайных остановках)	Количество опрошенных читателей	
	в абсолютных цифрах	в % к общему числу опрошен. читателей
До 5 мин.	14165	34,2
От 6 до 10 мин. (или 1 трамв. остановка).	12466	30,2
От 11 до 15 мин. (или 2 трамв. остановки).	6591	15,9
От 16 до 20 мин. (или 3 трамв. остановки).	3397	8,2
От 21 до 30 мин. (или свыше 5 трамв. остановок).	2800	6,8
Свыше 30 мин. (или свыше 5 трамв. остановок).	1962	4,7
Итого:	41381	100

дов, однако, существенно само расстояние, в какой бы форме оно не было определено.

¹ Организация и методы проведения анкетного опроса читателей изложены в приложении к данной статье.

Чтобы иметь возможность перейти на единый показатель отдаленности местожительства читателей от обслуживающих их библиотек, мы на основе опытной проверки условились, что:

а) скорость пешеходного движения в таком многолюдном центре как Ленинград, составляет в среднем до 20 минут на 1 километр,

б) расстояние между двумя трамвайными остановками в Ленинграде, требует, приблизительно, 6—7 минут ходьбы.

На этом основании нами были объединены данные читателей, указавших расстояние от местожительства до обслуживающих их библиотек в трамвайных остановках, с данными читателей, указавших это расстояние в минутах ходьбы (табл. 3).

Для большей наглядности приводим эти данные в % % и нарастающими итогами.

Расстояние в минутах ходьбы	Количество читателей в % % к общему числу опрошенных
до 5 мин.	34,2%
до 10 мин.	64,4%
до 15 мин.	80%
до 20 мин.	88,5%
до 30 мин.	95,5%
Свыше 30 мин.	4,7%

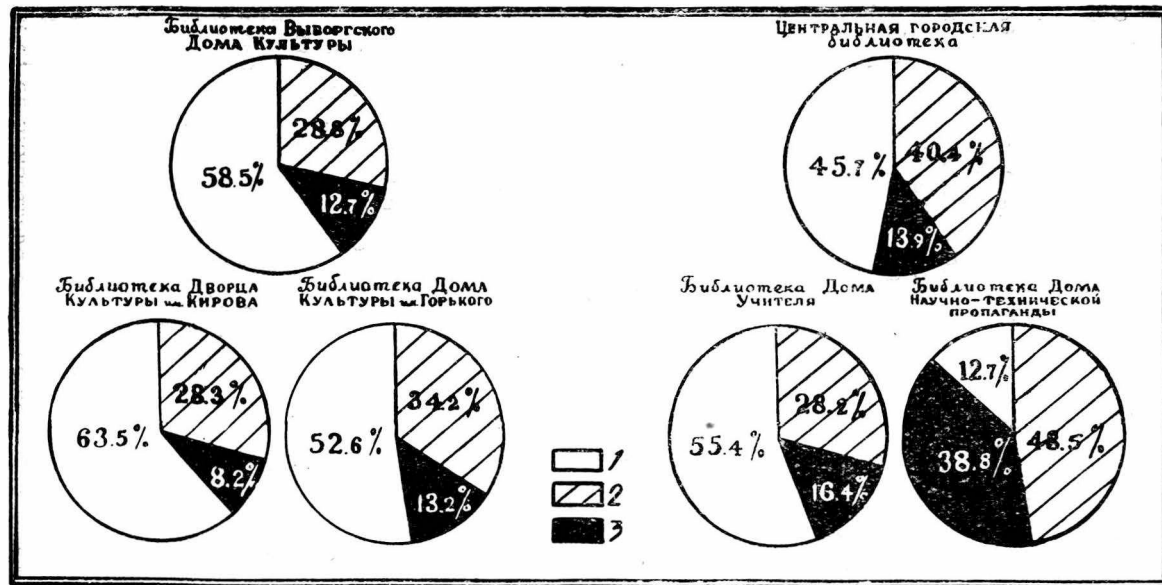
Итого 100%

Теперь, считая, что скорость пешеходного движения в городе составляет в среднем до 20 минут на 1 километр, мы можем определить для каждой библиотеки отдаленность (в километрах) местожительства основной массы (не менее двух третей) ее читателей т. е. *установить радиус действия каждой библиотеки*. В самом деле, радиус действия библиотеки, не менее $\frac{2}{3}$ читателей которой проживают на расстоянии до 10 минут ходьбы, будет, таким образом, равняться 0,5—0,6 км. Радиус действия библиотеки, у которой не менее $\frac{2}{3}$ общего количества читателей проживают на расстоянии до 15—20 минут ходьбы, будет равняться 0,75—1,0 км и т. д.

Таким образом, анкетный опрос установил, что *подавляющее большинство читателей общедоступных библиотек Ленинграда проживает в непосредственной близости от обслуживающих их библиотек*. Из приведенной таблицы видно, что 80% читателей проживает на расстоянии до 15 минут ходьбы от своих библиотек. Почти две трети (64,4%) — до 10 минут, а одна треть (34,2%) читателей проживает на расстоянии до 5 минут ходьбы от обслуживающих их библиотек.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ГРУППЫ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК ПО ИХ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВУ.

Данные о месте жительства читателей по районам города в %

Условные обозначения:

1. % читателей, проживающих в районе по местонахождению библиотеки.
2. % читателей, проживающих в прилегающих соседних районах.
3. % читателей, проживающих в остальных районах Ленинграда.

Соответственно этому и были определены радиусы действия всех общедоступных библиотек города, в которых производился анкетный опрос. Вычисленные таким образом радиусы действия библиотек дали возможность нанести на составленную нами «Карту размещения сети общедоступных библиотек Ленинграда» зоны их обслуживания.¹ В результате всего этого мы можем наглядно убедиться в наличии серьезных пробелов в размещении общедоступных библиотек на территории города.

Большое количество опрошенных читателей давало основание считать эти выводы достаточно обоснованными. Все же для проверки данных анкетного опроса мы сочли необходимым провести с той же целью сплошной просмотр читательских формуляров в 30 государственных и профсоюзных библиотеках (в том числе в 21 библиотеке, где производился и анкетный опрос читателей). Как видно из таблицы 4 данные того и другого обследования по подавляющему большинству библиотек имеют лишь незначительные расхождения.

В целом данные сплошного просмотра по 30 общедоступным библиотекам почти 73 тыс. читательских формуляров, показывают, что свыше 70% читателей этих библиотек проживает в непосредственной близости от них (в радиусе 0,5—0,85 км) и, таким образом полностью подтверждают данные анкетного опроса читателей (см. таблицу 5).

Это тяготение читателей к территориально-близкой библиотеке можно проиллюстрировать несколькими характерными фактами.

1. В конце 1946 г. в Новой Деревне (Петроградская сторона) была открыта библиотека им. Фурманова. Она находится на расстоянии всего лишь трех трамвайных остановок от крупной библиотеки Дома культуры Промкооперации (с фондом свыше 50 тысяч книг), которая в 1946—47 г.г. производила свободную запись читателей.

Рядом с библиотекой Дома культуры Промкооперации находится районная библиотека им. Пушкина (с фондом свыше 30 тысяч книг), которая в указанные годы также без всяких ограничений обслуживала все население Петроградской стороны. Несмотря на все это библиотека им. Фурманова, насчитывавшая к моменту своего открытия только 2386 книг в первый же год своей работы обслуживала свыше 1000 постоянных читателей, а через 2 года (постепенно пополняя свой книжный фонд) — свыше 3000 человек.

¹ Под термином «зона обслуживания библиотеки» мы понимаем ту часть территории города, где проживает основная масса читателей, пользующихся этой библиотекой.

Таблица 4

**Радиус действия группы общедоступных библиотек
по материалам анкетного опроса читателей и по данным
сплошного учета читательских формуляров**

Наименование библиотек	Радиус действия библиотек в км	Количество читателей, про- живающих в радиусе дей- ствия библиотеки, в % к общему количеству ее читателей	
		по данным сплошного учета форму- ляров чита- телей	по материалам анкетного опроса
<i>1. Профсоюзные библиотеки</i>			
1. Библиотека ДК им. Газа	1,25	70,4	45,4
2. Библиотека ДК им. Горького	0,75	66,5	66,1
3. Библиотека ДК им. Капранова	1,25	73,7	71,0
4. Библиотека ДК им. Кирова	1,0	63,6	63,0
5. Библиотека ДК им. Ленина	0,75	63,1	77,3
6. Библиотека ДК работников Связи	0,5	64,3	70,2
<i>II. Государственные библиотеки</i>			
1. Библиотека им. Белинского	0,75	71,4	70,4
2. Библиотека им. Герцена	0,5	77,8	83,6
3. Библиотека им. Горького	0,5	80,1	90,4
4. Библиотека им. Грибоедова	0,75	74,8	78,8
5. 2-ая Библиотека Октябрьского района	0,75	81,2	72,2
6. Библиотека Кировского дома Советов	0,5	69,1	56,7
7. Библиотека им. Крупской	1,25	70,5	68,5
8. Библиотека им. Лепсе	0,75	71,5	71,0
9. Мало-охтенская библиотека	0,5	75,8	82,9
10. Пороховская библиотека	1,25	86,6	81,6
11. Библиотека им. 15-летия Окт. револю- ции	0,5	72,3	78,7
12. Библиотека им. Салтыкова-Щедрина	0,5	68,5	68,2
13. Библиотека им. Тимирязева	0,5	78,6	81,0
14. Библиотека им. Фурманова	0,75	76,4	79,9
15. Библиотека им. Чехова	0,75	81,7	80,7

2. В начале 1949 г. в Ленинском районе была открыта библиотечка им. Калинина. Ее первоначальный фонд составлял 2037 книг. К концу 1949 г. она обслуживала свыше 3000 читателей, а в 1951 г. ею уже пользовались почти 5000 человек, несмотря на то, что она расположена на расстоянии всего 3—4 трамвайных остановок от крупной районной библиотеки им. Тимирязева.

Т а б л и ц а 5

**Расстояние между общедоступными библиотеками
и местожительством обслуживаемых ими читателей по данным
анкетного опроса и по данным сплошного учета формуляров
читателей**

Показатели	По данным анкетного опроса	По данным сплошного учета формуляров читателей
Число библиотек, в которых производилось исследование.	3	30
Общее число читателей	24793 100%	72894 100%
Из них проживает на территории в радиусе:		
а) 0,5 — 0,6 км.	16,437 66,5%	44,148 60,7%
б) 0,5 — 0,85	19,347 78,1%	51,488 70,6%
в) свыше 0,85	5446 21,9%	21,406 25,4%

3. В том же 1949 г. на Московском проспекте была открыта библиотека им. 15-летия Октябрьской революции.¹ Библиотека эта находилась на расстоянии трех трамвайных остановок от районной библиотеки им. 10-летия Октябрьской революции (с фондом книг в 45 тыс. томов), в двух остановках от библиотеки Дома культуры им. Ильича (с фондом книг в 50 тыс. томов) и в четырех остановках от библиотеки Дома культуры им. Капранова (с фондом книг в 25 тыс. томов). К тому же характерно, что все эти библиотеки расположены вдоль центральной магистрали района и удобно соединены всеми видами городского транспорта (трамвай, автобус, троллейбус).

Когда библиотека им. 15-летия Октябрьской революции открылась для обслуживания читателей, она располагала только 2251 книгой. Несмотря на это к концу 1949 г. — первого года ее работы — она обслужила около 2500 читателей, а спустя два года (1951 г.) она сумела привлечь в число своих читателей свыше 7000 человек. (К этому времени в ее фонде насчитывалось около 14.000 экз. книг).

¹ Библиотека эта существовала до Великой Отечественной войны в другой части Московского района. За годы войны она сильно пострадала, и была в 1949 г. заново организована на Московском проспекте.

4. В июле 1951 года на базе абонементов передвижного фонда открылась библиотека Невского района. Со всех сторон она окружена общедоступными библиотеками, находящимися на главной магистрали района (имеются удобные транспортные возможности для посещения этих библиотек). Так, на расстоянии одной трамвайной остановки находится районная библиотека им. Крупской (книжный фонд — 35 тыс. томов), в двух остановках находится библиотека Дома культуры имени Ленина (книжный фонд — 50 тыс. томов) и в четырех остановках — библиотека Невского Дома культуры (книжный фонд — 45 тыс. томов). Однако, несмотря на это, библиотекой Невского района к концу 1951 г. уже пользовалось свыше 1500 постоянных читателей, а в 1954 г. она обслуживала — свыше 6000 читателей.

Таковы неоспоримые доказательства тяготения читателей к пользованию библиотеками, территориально близкими к их местожительству.

III. Основные типы общедоступных библиотек и зоны их обслуживания

По радиусу действия общедоступные библиотеки Ленинграда могут быть распределены на три группы. Первую составляют библиотеки с радиусом действия 0,5—0,6 километров, вторую — 0,75—0,85 и третью группу — с большим радиусом (1,2—1,3 км). При этом, если первая и вторая группы библиотек обслуживают читателей только своего района, то третья группа, имея в своем составе преимущественно читателей, проживающих в данном районе, обслуживает и довольно значительную часть читателей из других районов города.

Такое естественно сложившееся распределение общедоступных библиотек города в соответствии с их радиусами действия, не является случайным, и связано с другими существенными различиями между этими библиотеками: по объему книжных фондов, по количеству читателей, по размерам годовой книговыдачи.

По всем этим показателям библиотеки городской общедоступной сети могут быть подразделены на следующие три основные группы.

1. *Общегородские*, к которым относятся Центральная городская библиотека и некоторые библиотеки общегородских домов культуры.

2. *Районные*, к которым относятся государственные районные библиотеки и часть профсоюзных библиотек домов культуры и крупнейших городских клубов.

3. *Участковые*, к которым относятся государственные библиотеки, обслуживающие почти исключительно свой микрорайон, и близкие к ним по основным показателям своей работы профсоюзные библиотеки клубов отдельных предприятий.

Данные анкетного опроса и сплошного учета формуляров читателей общедоступных библиотек показали, что радиус действия почти всех этих библиотек не превышает 1,2—1,3 км. Это означает, что независимо от того, к какой группе библиотек она относится — общегородская она или районная, большинство ее читателей живет в районе расположения самой библиотеки и притом вблизи нее. В этом отношении любопытны данные об общегородских библиотеках, полученные на основании сплошного просмотра формуляров читателей в нескольких библиотеках этой группы.

а) Радиус действия Ленинградской Центральной библиотеки им. Маяковского (ЛЦБ) — 1,2—1,3 км. В этот радиус входит большая часть Куйбышевского района, небольшая часть Фрунзенского и очень незначительная часть Смольнинского района.

Почти половина читателей общего абонементу ЛЦБ (45,7%) проживает в самом Куйбышевском районе, а вместе с жителями других районов центральной части Ленинграда (Дзержинский, Октябрьский, Смольнинский и Фрунзенский районы) их количество составляет свыше четырех пятых (86,1%) всего числа читателей общего абонементу библиотеки. Количество же читателей, проживающих во всех остальных районах города, более отдаленных от ЛЦБ, составляет всего лишь 13,9% всех читателей библиотеки.

Таким образом можно сказать, что в отношении общего абонементу ЛЦБ является центральной городской библиотекой только в том смысле, что она обслуживает читателей, проживающих в центральной части города, и имеет еще 13,9% читателей из других районов города, что составляет 932 человека из общего количества читателей абонементу ЛЦБ.

б) Радиус действия библиотеки Выборгского Дома культуры (ВДК) такой же как и ЛЦБ — 1,2—1,3 км. В него входят южная часть Выборгского района, небольшая часть соседнего Калининского района, часть Петроградского и северная часть Дзержинского района. В библиотеке Выборгского Дома культуры больше половины читателей (58,3%) проживает в Выборгском районе, а вместе с читателями, живущими в другой части Выборгской стороны — в Калининском районе — они составляют почти три четверти (73,6%) всего количества читателей библиотеки. Если к этому числу прибавить читателей, проживающих в двух ближайших районах (сопредельные с Выборгским районом части Дзержинского и Петро-

градского районов), то это количество составит подавляющую массу читателей библиотеки ВДК (87,3%). Читатели же, проживающие в других районах города, составляют в библиотеке ВДК только 12,7% (или 847 чел.) всего числа ее читателей.

в) Радиус действия библиотеки Дворца культуры им. Кирова (Свердловский район) — 1 км. В него входит вся центральная часть Свердловского района. Почти две трети (65,5%) общего количества читателей проживает в Свердловском районе и больше одной четверти (28,3%) — в соседнем, Василеостровском районе. Таким образом, читатели, проживающие на Васильевском Острове (Василеостровский и Свердловский районы города), составляют в этой библиотеке 91,8% всех ее читателей, а читатели, проживающие в других районах города — только 8,2% или 384 чел.;

г) Радиус действия библиотеки Дома культуры им. Горького (Кировский район) — 0,75 км. В него входит северная часть Кировского района и юго-западная часть соседнего Ленинского района. Больше половины (52,6%) читателей библиотеки проживает в Кировском районе и одна треть (34,2%) — в Ленинском районе. Таким образом, читатели, проживающие в этих двух районах, составляют 86,8% всех ее читателей, а читатели из других районов города — 13,2%, или 616 человек.

В аналогичном положении находятся библиотеки домов культуры имени Капранова и имени Первой пятилетки, хотя обе эти библиотеки принимают специальные меры по привлечению читателей-членов своих профсоюзов из всех районов города.

Характерно, что почти такую же картину мы наблюдаем даже в отношении таких специализированных библиотек, как библиотеки Дома учителя и Дома научно-технической пропаганды. Несмотря на то, что эти библиотеки предоставляют читателю солидный выбор книг по специальным вопросам (педагогика, техника) и пользуются широкой известностью в городе среди соответствующих категорий специалистов (учителя, инженерно-технические работники, новаторы производства, изобретатели), несмотря на то, что в число своих читателей эти библиотеки записывают только указанные категории лиц — и в этих библиотеках, примерно, такое же распределение читателей по районам.

Так, больше половины (55,4%) читателей библиотеки Дома учителя приходится на долю педагогов и студентов педагогических учебных заведений, проживающих в Октябрьском районе города, где расположена эта библиотека. Читатели-педагоги и студенты педагогических вузов и техникумов из соседних районов города — Василеостровского, Дзержинского,

Ленинского, Куйбышевского и Фрунзенского — составляют почти равномерно для каждого из этих районов только по 5—6% к общему количеству читателей. Вместе же с читателями Октябрьского района их количество превышает четыре пятых (83,6%) всех читателей библиотеки Дома учителя. Читатели каждого из других районов представлены в библиотеке двумя-тремя процентами, а читатели, проживающие в дальних районах (Выборгском, Калининском, Невском) — и того меньше: они составляют среди читателей данной библиотеки лишь десятые доли процента по каждому из этих районов.

В библиотеке Дома научно-технической пропаганды нет, правда, какой-либо значительной группы читателей, проживающих в одном районе, но если взять в целом районы, составляющие центральную часть города (Дзержинский, Куйбышевский, Октябрьский, Смольнинский и Фрунзенский районы), то общее количество читателей библиотеки, проживающих в этих районах, превышает три пятых (61,2%) всего числа читателей этой библиотеки, а вместе с читателями близлежащих районов (Василеостровский, Выборгский и Петроградский) их количество превышает даже четыре пятых (82,2%) общего числа читателей библиотеки Дома научно-технической пропаганды.

Инженерно-технические работники и рабочие-передовики производства, проживающие в других районах города, мало пользуются этой библиотекой. Количество читателей из Ждановского, Калининского, Московского, Свердловского районов города исчисляется в 2—3% по каждому из них, а читателей из Кировского и Невского районов (наиболее отдаленных от библиотеки) — немногим больше 1%.

Таким образом, хотя библиотека Дома научно-технической пропаганды является специально-технической, а не массовой библиотекой, большая часть ее читателей также проживает сравнительно близко от нее.

Просмотр всех (около 32 тысяч) читательских формуляров этих 6 крупнейших общегородских библиотек, обладающих большими, хорошо подобранными книжными фондами, и двух крупных библиотек районного типа (домов культуры им. Капранова и им. Первой Пятилетки), принимающих активные меры по привлечению читателей-членов своих профсоюзов из всех районов города, показал, что большинство их читателей проживает в районе расположения этих библиотек и в ближайших к ним районах.

Из всего изложенного вытекает вывод, что *общегородские библиотеки* по радиусу действия отличаются от районных:

1) несколько большим радиусом (свыше 1,0 км), хотя этот радиус зачастую и не совпадает с административным, порайонным делением города;

2) тем, что в числе своих читателей имеют некоторую, сравнительно небольшую часть (12—15%), проживающую и в отдаленных от данной библиотеки районах города.

Для *районных библиотек* характерен радиус действия в 0,75—0,85 км. К ним относятся, прежде всего, как указано выше, 15 государственных районных библиотек (соответственно 15-ти городским районам Ленинграда). Однако, в случаях большой протяженности района и наличия в нем фактически двух или нескольких центров размещения проживающего в нем населения, мы имеем в таких районах соответственно не одну, а несколько районных библиотек. Таким районом является, например, Калининский, в котором библиотека им. Белинского обслуживает район Кондратьевского проспекта и прилегающие к нему улицы, а вторая библиотека Калининского района — им. Гоголя, обслуживает население Большой Охты. Фактически обе эти библиотеки занимают положение районных библиотек.

Другим примером может служить Выборгский район, где находящаяся в Лесном библиотека им. Серафимовича (вторая государственная библиотека в этом районе) также может быть отнесена к районным библиотекам. Такое же положение имеет место и в Свердловском районе, где библиотека им. Ломоносова, обслуживающая Гавань, по-существу является второй районной библиотекой, и т. д.

Некоторые из районных библиотек фактически имеют меньший радиус действия, приближаясь к радиусу участковых библиотек. Наблюдается это в районах с большой плотностью населения, в таких, как например, Дзержинский, Куйбышевский районы, или в районах, которые, хотя в целом и не имеют очень большой плотности, но отдельные части которых представляют собой значительные массивы с большой концентрацией населения — такие, как например, Батенинский жилмассив, в котором находится районная библиотека Выборгского района, или такая магистраль, как Лиговский проспект в Московском районе, где находится библиотека им. Горького и др.

Из приведенных нами данных о размерах радиуса действия районных библиотек города видно, что их действие не распространяется на всю площадь соответствующих административных районов города (которая, конечно, значительно больше территории, обслуживаемой библиотекой) и, вместе с тем, в отношении ряда библиотек этот радиус захватывает части территории соседних районов.

Особенно характерно положение таких районных библиотек, как библиотека им. Грибоедова в Октябрьском районе, или библиотека им. Пушкина в Петроградском районе, кото-

рые размещены на стыке с соседними районами и радиус действия которых поэтому распространяется и на часть территории этих соседних районов. Так, совершенно естественным является необходимость обслуживания библиотекой им. Грибоедова населения близко примыкающей к ней части территории Куйбышевского и Фрунзенского районов на одинаковых правах с читателями, проживающими в Октябрьском районе (кстати, библиотека им. Грибоедова фактически уже давно стала на этот путь).

Необходимо, чтобы библиотека им. Пушкина, в зону обслуживания которой входит и часть территории соседнего Ждановского района, не создавала бы никаких ограничений для читателей, проживающих на этой части территории указанного района. Аналогичное положение и в районной библиотеке им. Чернышевского Свердловского района, в зоне обслуживания которой проживают читатели соседнего Василеостровского района. Эти примеры можно было бы продолжить. Все они говорят о том, что *районные библиотеки имеют свою зону библиотечного обслуживания, свой «библиотечный район», не совпадающий с границами городских административных районов.* Поэтому формальный подход к районным библиотекам внутри города служит только препятствием на пути планомерной организации библиотечного обслуживания населения.

К библиотекам районного типа следует также отнести библиотеки домов культуры Обкомов профсоюзов, например, библиотеки Дома культуры текстильщиков в Невском районе, Дома культуры работников связи в Октябрьском районе и некоторые другие.

Некоторые из библиотек этих домов культуры, расположенные в районах с большой плотностью населения, имеют радиус действия, приближающийся к радиусу участковых библиотек, т. е. — 0,5—0,6 км. Такими, например, являются библиотеки Дома культуры им. Первой Пятилетки и Дома культуры работников пищевой промышленности.

Довольно значительно количество библиотек, которые мы определяем как *участковые библиотеки.* Их радиус действия 0,5—0,6 км, при чем на территории вокруг большинства этих библиотек проживает от 80% до 90% всех их читателей. Только в некоторых из них, расположенных на территории с небольшой плотностью населения, этот процент падает; так, например, в Шувалово-Озерковской библиотеке только 64% всего количества читателей проживает в радиусе 0,5—0,6 км. Следует, однако, при этом иметь в виду, что Шувалово—Озерки являются, в сущности говоря, пригородным поселком Ленинграда, с очень небольшой плотностью населения.

Большинство участковых библиотек расположено преимущественно в поселках, близких к окраине города (Автово, Ржевка и др.), или в более или менее крупных жилмассивах (Троицкий, Шемиловский и др.). К типу участковых библиотек приближаются и профсоюзные библиотеки клубов отдельных предприятий (Клуба бумажной фабрики им. Горького, клуба им. 1-е Мая, клуба им. Орджоникидзе и др.).

IV. Параллельное обслуживание читателей в сети общедоступных библиотек Ленинграда

Разрешение вопроса о размещении и планировании общедоступных библиотек требует ясного представления о том, какая часть взрослого населения Ленинграда пользуется уже в настоящее время общедоступными библиотеками. Однако два обстоятельства препятствуют такому учету: во-первых, так называемое коллективное пользование библиотечной книгой и, во-вторых, то обстоятельство, что часть читателей общедоступных библиотек состоит одновременно абонентами и в других библиотеках города.

Под коллективным использованием мы подразумеваем чтение книг взятых из библиотек не только лично самим абонентом, но и членами его семьи, лицами, совместно с ним проживающими, а нередко и товарищами по работе, учебе и т. д.

Коллективное пользование библиотечными книгами, значительно увеличивающее фактическое количество пользующихся библиотечной книгой, несомненно, свидетельствует о возросшей потребности в книге и об увеличившейся роли советских библиотек. Однако, задачи коммунистического воспитания и неустанное стремление советского человека расширить круг своих знаний, повысить свой обще-культурный, идейно-политический и профессиональный уровень — не могут быть в достаточной мере удовлетворены таким, в сущности говоря, случайным использованием библиотечной книгой, к тому же в большинстве случаев ограничивающимся, повидимому, художественной литературой. Заменой самостоятельного пользования библиотекой оно, конечно, служить не может. Поэтому мы считаем, что, хотя коллективное чтение и увеличивает эффективность использования библиотечной книги, оно не может учитываться при планировании библиотечной сети. Гораздо большее значение имеет второе обстоятельство — одновременное пользование читателей несколькими библиотеками.

Как показали данные проведенного нами анкетного опроса читателей (табл. 6), одной общедоступной библиотекой пользуются только 17563 чел. или 42,5 %, а одновременно несколькими библиотеками пользуются 23818 чел. или 57,5 % всех

опрошенных (41381 человек) читателей общедоступных библиотек.

Т а б л и ц а 6

Количество читателей общедоступных библиотек, пользующихся дополнительно другими библиотеками города
(по данным анкетного опроса читателей)

Группы библиотек	Всего опрошено читателей	В том числе:		Из них пользуются		
		пользуются только одной библиотекой	пользуются несколькими библиотеками	двумя библиотеками	тремя и более библиотеками	четырьмя и более библиотеками
Общегородские библиотеки:						
количество	8877	3236	5641	3955	1296	380
в % %	100	36,5	63,5	44,6	14,6	4,3
Районные библиотеки:						
количество	27788	12066	15722	11519	3294	909
в % %	100	43,5	56,5	41,4	11,8	3,3
Участковые библиотеки:						
количество	4716	2261	2455	1950	392	113
в % %	100	47,8	52,2	41,5	8,3	2,4
Итого:						
количество	41381	17563	23818	17434	4982	1402
в % %	100	42,5	57,5	42,1	12,0	3,4

Учитывая, что каждый читатель, как правило, заполнял анкету только в одной библиотеке (так как она проводилась в течение короткого срока и в одно и то же время), можно считать, что по крайней мере половина всех читателей ленинградских общедоступных библиотек состоит одновременно читателями двух или нескольких библиотек. При этом дополнительно одной библиотекой пользуются 42,1 %, двумя библиотеками — 12 %, а тремя и более библиотеками дополнительно пользуются 3,4 % всего количества читателей общедоступных библиотек.

Главная причина того, что часть читателей обращается в другие библиотеки заключается в том, что многие общедоступные библиотеки Ленинграда не могут еще своевременно удов-

летворить быстро растущие запросы читателей на книги, в том, что еще наблюдаются частые отказы читателям в выдаче литературы по самым разнообразным вопросам, ввиду отсутствия в этих библиотеках соответствующих книг.

Как видно из таблицы, с наибольшим процентом читателей, пользующихся одновременно несколькими библиотеками (63,5%) мы встречаемся в общегородских библиотеках Ленинграда. Это явление, кажущееся на первый взгляд несколько странным, становится понятным, если учесть, что читатели, не удовлетворенные участковыми и районными библиотеками, естественно обращаются к более богатым книжным фондам общегородских библиотек, и эти библиотеки являются для них вторыми, которыми они пользуются дополнительно.

Рассмотрим, в какой мере различные социальные группы читателей пользуются одновременно несколькими библиотеками. Данные по этому вопросу приведены в таблице 7.

Таблица 7

Распределение читателей общедоступных библиотек, пользующихся одной и пользующихся несколькими библиотеками по их социальному положению
(по данным анкетного опроса читателей в мае 1950 г.)

Категория читателей	Число опрошенных читателей	В %/о	В том числе;			
			пользуются только одной библиотекой	в %/о к общему числу опрошенных читателей данной группы	пользуются несколькими библиотеками	в %/о к общему числу опрошенных читателей данной группы
Рабочие	10671	100	6790	63,6	3381	36,4
Служащие	6170	100	3301	53,5	2869	46,5
ИТР, врачи, педагоги и специалисты других профессий	5224	100	1563	29,5	3661	70,1
Учащиеся вузов, техникумов и т. п.	14724	100	2287	15,5	22437	84,5
Домохозяйки, пенсионеры и т. п.	4592	100	3622	78,9	970	21,1
Итого:	41381	100	17563	42,5	23818	57,5

Из этой таблицы видно, что наибольшее число читателей, неудовлетворенных обслуживанием одной библиотекой падает на учащихся-студентов вузов, техникумов, учеников стар-

ших классов средней школы и т. д.; из них 84,5% пользуются двумя и более библиотеками. На втором месте в этом отношении стоят читатели-инженерно-технические работники, врачи, педагоги и другие специалисты различных профессий, из числа которых 70,1% также пользуются несколькими библиотеками. Это можно считать закономерным, поскольку для этих категорий читателей основными библиотеками по специальности являются учебные и технические библиотеки.

Следует отметить, что около половины (46,5%) читателей служащих, больше трети (36,4%) читателей-рабочих и 21,1% читателей-домохозяек и пенсионеров также пользуются несколькими и притом, как правило, общедоступными библиотеками.

Конечно, наилучшим было бы такое положение, при котором читатель в ближайшей к его местожительству библиотеке мог бы получить любую нужную ему книгу (за исключением, разумеется, особо редких изданий). Хорошо организованный междубиблиотечный абонемент мог бы это обеспечить. Но в настоящее время, к сожалению, такое обслуживание читателя еще не организовано.

Дифференцированное обслуживание населения направлено на то, чтобы существующей сетью библиотек различных типов, обслужить особые запросы определенных групп читателей. Но нельзя считать нормальным, когда читатели общедоступных библиотек в поисках необходимой им *не специальной* литературы вынуждены обращаться в другие, такие же (районные, клубные, домов культуры и т. п.) библиотеки. Именно такое *одновременное пользование однотипными* (в данном случае массовыми) библиотеками мы и определяем, как *параллельное обслуживание читателей*. Основой такого обслуживания является имеющийся (в известной мере) параллелизм работы государственных (и частично профсоюзных) библиотек, обслуживающих читателей по месту жительства, и профсоюзных библиотек, обслуживающих часто тех же самых читателей по месту работы. Кроме того общегородские библиотеки, как известно, обслуживают читателей вне зависимости от района жительства последних.

Учебные библиотеки вузов и техникумов во многих случаях обслуживают своих читателей (учащихся, профессорско-преподавательский состав и служащих учебных заведений), художественной и общеобразовательной литературой, тем самым в какой-то мере выполняя работу массовых библиотек. Система советских библиотек предоставляет нашим читателям широкую возможность пользоваться одновременно несколькими библиотеками; и это очень хорошо. Однако причины, толкающие читателей к одновременному пользованию несколькими

однотипными библиотеками, свидетельствуют о недостатках и пробелах работы этих библиотек по обслуживанию читателей. Вместе с тем такое одновременное пользование читателей несколькими библиотеками приводит к тому, что зачастую читательские формуляры в разных библиотеках принадлежат одному и тому же читателю. Поэтому общее число читателей массовых библиотек, определяющееся на основании данных о количестве абонентов (читательских формуляров) в каждой библиотеке не отражает действительного количества населения, обслуживаемого этими библиотеками. Анализ данных параллельного обслуживания приводит к выводу о том, что фактическое количество читателей во всех массовых библиотеках города меньше общего числа их абонентов (читательских формуляров).

Таблица 8

Распределение читателей, пользующихся несколькими библиотеками, по группам библиотек, где они дополнительно состоят абонентами (по данным анкетного опроса читателей общедоступных библиотек)

А. В массовых библиотеках		Б. В других библиотеках города	
Наименование библиотек	Количество абонентов	Наименование библиотек	Количество абонентов
В Центральной городской библиотеке.	2277	В технических библиотеках на предприятиях.	4434
В Государственных районных библиотеках.	5916	В библиотеках различных учебных заведений.	11463
В профсоюзных клубных библиотеках.	3119	В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.	166
В профсоюзных библиотеках на предприятиях и в учреждениях.	7197	В разных библиотеках города.	258
Итого:	16509	Итого:	16321

Примечание: Данные настоящей таблицы показывают, что из 23818 читателей, пользующихся одновременно несколькими библиотеками (см. табл. 6), 16509 дополнительно состоят абонентами в однотипных массовых библиотеках, а 16321 — в разных других библиотеках. Таким образом на 41381 опрошенных читателей (см. табл. 6) только в массовых библиотеках города приходится 57890 читательских формуляров (41381 + 16509).

Анкетное обследование показало, что на 41381 опрошенных читателей общедоступных библиотек в различных массовых библиотеках (см. примеч. к табл. 8) имеется 57890 читатель-

ских формуляров или, иначе говоря, количество реальных читателей составляет только 71 % от общего числа абонентов сети массовых библиотек.

Если распространить это соотношение числа читателей и числа абонентов, полученное анкетным опросом, на все количество абонентов сети общедоступных библиотек, то это будет означать, что из 358 тыс. абонентов (читательских формуляров) всех библиотек этой сети (в 1952 г.) только 71 % или 254 тыс. человек обслуживалось этими библиотеками и приблизительно 100 тыс. абонентов должно быть отнесено за счет параллельного обслуживания.

Следовательно, в сети общедоступных библиотек Ленинграда в 1952 году имелось примерно, 100 тыс. абонентов, появившихся в результате недостатков в библиотечном обслуживании читателей. Устранение этих недостатков и тем самым ликвидация непроизводительного параллельного обслуживания в однотипных библиотеках может освободить средства и силы, равные 10—12 крупным библиотекам районного типа.

Нет сомнения в том, что когда удастся наладить организацию библиотечного обслуживания и читатель сумеет достать любую книгу (за исключением особо редких) в своей ближайшей библиотеке, тогда максимально сократится параллельное обслуживание. Читателю не для чего записываться в другую однотипную библиотеку, когда он будет иметь полную возможность получить нужную ему книгу в ближайшей общедоступной библиотеке. Это возможно только при серьезном улучшении комплектования книжных фондов библиотек и при хорошо организованном, активном междубиблиотечном обмене книгами и междубиблиотечном абонементе (МБА). К сожалению, взаимосвязь и взаимодействие в практике библиотечной сети Ленинграда в настоящее время еще очень слабо развиты.

V. Отсутствие организованного междубиблиотечного абонемента в общедоступных библиотеках Ленинграда—одна из главнейших причин параллельного обслуживания читателей

До настоящего времени в Ленинграде отсутствует общегородской центр МБА для массовых библиотек, что затрудняет получение ими литературы из специальных библиотек. Приведем некоторые данные о работе междубиблиотечного абонемента за несколько последних лет.

В 1949 г. из 52 государственных общедоступных библиотек, обслуживавших взрослое население Ленинграда, только 9 получали книги для своих читателей в порядке МБА. Ими полу-

чено в течение 1949 года через МБА всего 208 книг, т. е. в среднем по 23 книги на библиотеку.

Центральная городская библиотека им. В. Маяковского в 1949 году выдала всем массовым государственным и профсоюзным библиотекам Ленинграда через МБА только 347 книг. Даже пригородные библиотеки Ленинграда, чрезвычайно нуждающиеся в помощи городских крупных и специальных библиотек, в течение 1949 года получили по МБА лишь 203 книги, в среднем 34 книги на библиотеку, а библиотека в г. Колпино и вовсе не прибегала в 1949 году к помощи МБА.

В последующие годы положение с МБА к лучшему не изменилось. Данные по МБА в сети государственных библиотек настолько ничтожны, что в 1950—1951 гг. эти библиотеки предпочли в своих годовых отчетах их не сообщать.

В 1954 году из 70 действовавших в Ленинграде государственных общедоступных библиотек только 10 пользовались междубиблиотечным абонементом. Все они (вместе взятые) произвели за 1954 год 140 книговыдач по книгам, полученным в порядке МБА, что к общей их годовой книговыдаче (1476 тысяч томов) составляет 0,01%. Еще хуже используют МБА профсоюзные библиотеки города. Здесь, как правило, получение книг из других библиотек имеет чисто случайный характер.

До сих пор все еще очень немногие читатели общедоступных библиотек знают о своем праве требовать в библиотеках удовлетворения своих заявок на книги через МБА. По данным нашего анкетного опроса читателей общедоступных библиотек, только 1017 человек, т. е. 2,5% из числа опрошенных знают о существовании МБА. Неслучайно сотни читателей обращались в анкетах к библиотекам с настойчивой просьбой наладить получение книг по междубиблиотечному абонементу, давая тут же в анкете заявки на книги по самым разнообразным вопросам.

Интересны замечания читателей по вопросу об МБА, сделанные ими при заполнении анкет.

Врач — читатель библиотеки им. Грибоедова пишет: «Очень удобно было бы пользоваться междубиблиотечным абонементом для того, чтобы доставить научную медицинскую литературу».

Инженер-технолог, читатель той же библиотеки: «Очень хотел бы пользоваться МБА, так как многих научных книг в библиотеке нет».

Аспирант, читатель библиотеки им. X-летия Октябрьской революции: «Заведующим библиотеками надо не отказывать читателям в книге, из-за ее отсутствия, а предлагать затребовать их по междубиблиотечному абонементу. Многие читатели и не знают о такой возможности».

Педагог, читатель библиотеки им. Чернышевского: «О праве МБА я первый раз слышу. Надо, чтобы библиотеки, в тех случаях, когда требуемой книги нет, не отвечали коротким «нет», а постарались бы данной книгой обеспечить читателя по линии междубиблиотечного абонемента».

Актер Драматического театра, читатель библиотеки им. В. И. Ленина: «Не пользуюсь МБА, ибо не верю в быструю возможность получения книг».

Инженер, читатель библиотеки им. Ломоносова: «Несколько раз заказывал книги по МБА, но эти заказы не выполнены. Необходимо наладить хорошее и быстрое выполнение заказов требуемой литературы».

Техник, учащийся вечернего техникума, читатель библиотеки им. Крупской: «Желательна организация МБА. Ряд технических книг, преимущественно изданий довоенных лет и первых лет Великой Отечественной войны, нет в районных библиотеках. Желательно получать их с помощью МБА из Центральной и Публичной библиотек».

Студент ВУЗ'а, читатель библиотеки им. Серафимовича: «Не пользовался МБА. Только из анкеты узнал об этом праве. Это очень хорошая вещь, но я почему-то об этом не знал, а в библиотеке об этом не говорят».

Инженер, читатель библиотеки им. Толстого: «Не пользовался МБА, но очень хотел бы иметь это право. Я считаю, что все желающие читатели должны иметь право затребования научных и технических книг из других библиотек в порядке МБА. Это содействовало бы научно-техническому прогрессу города Ленинграда».

Инженер, читатель библиотеки Дома культуры им. Кирова: «Было бы очень желательно иметь возможность получать некоторые технические книги по междубиблиотечному абонементу из Публичной библиотеки, из библиотеки Дома Техники и из библиотеки Ленинградского Политехнического института».

Инженерно-технический работник, читатель библиотеки Дома культуры им. Горького: «МБА не пользуюсь, так как эта практика отсутствует в нашей библиотеке. Междубиблиотечный абонемент необходим. Надо учитывать тот факт, что у большинства из нас место работы очень отдалено от места жительства и поэтому не хватает времени параллельно пользоваться другими библиотеками в различных районах города».

Военнослужащий, читатель Центральной городской библиотеки: «Не пользовался правом МБА, но очень желательно им пользоваться. Было бы хорошо, если бы в библиотеках, вместо ответа «нет такой книги», был бы ответ: «книгу затребуем по МБА и сообщим Вам».

Следует подчеркнуть, что вместе с ростом читательских запросов, при почти полном отсутствии МБА, будет расти количество читателей, пользующихся одновременно несколькими однотипными библиотеками и, следовательно, будет развиваться параллельное обслуживание. Достаточно сопоставить приведенные выше данные по МБА общедоступных библиотек Ленинграда с цифрой 100 тысяч абонентов этих же библиотек, вынужденных в поисках необходимой им книги, пользоваться несколькими однотипными библиотеками, чтобы стала понятной вся необходимость широкой организации МБА во всей сети общедоступных библиотек. Организация в Ленинграде единого центра МБА и широкое развитие его работы, наряду с улучшением книжных фондов самих общедоступных библиотек, повысит качество обслуживания читателей, разгрузит общедоступные библиотеки от десятков тысяч абонентов, которые обслуживаются несколькими однотипными библиотеками, и

**СХЕМА
РАЗМЕЩЕНИЯ
ОБЩЕДОСТУПНЫХ ВИБАНОТЕК
ЗАПЛАНИРОВАННЫХ К
ОТКРЫТИЮ В ЛЕНИНГРАДЕ
В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ**

Объяснение к схеме размещения общедоступных библиотек, запланированных к открытию в Ленинграде в ближайшие годы (стр. 92).

СТАЦИОНАРНЫЕ РАЙОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ

1. Библиотека на участке Геслеровского и Левашевского проспектов
2. Библиотека на Аптекарском острове
3. Библиотека в участке улиц им. Куйбышева, Большой и Малой Посадских, Большой Вульфовой и др., прилегающих к этому участку
4. Библиотека в Новой Деревне — в центре новых жилых кварталов малоэтажных домов
5. Библиотека в поселке Коломяги
6. Библиотека на проспекте Энгельса, в центре нового жилмассива
7. Библиотека на участке Сердобольской, Земледельческой и др. прилегающих к ним улиц
8. Библиотека на участке Финляндского вокзала и ул. Комсомола
9. Библиотека на участке Малого проспекта Васильевского острова
10. Библиотека на острове Декабристов
11. Библиотека в Кировском районе
12. Библиотека на участке улиц Степана Разина, Курляндской, Лифляндской и др., прилегающих к этому участку
13. Библиотека на Московском проспекте, на участке Киевской, Смоленской и прилегающих улиц
14. Библиотека на Московском проспекте, за Благодатным переулком по направлению к Средней Рогатке
15. То же (другой вариант размещения).
16. Библиотека в Волковой Деревне
17. Библиотека на участке Екатерининской и Агафоновской улиц
18. Библиотека на Ивановской улице
19. Библиотека на правом берегу Невы
20. Библиотека на Садовой улице, на участке проспекта Майорова
21. Библиотека на участке Детскосельского и Клинского проспектов и прилегающих к ним улиц
22. Библиотека на участке улиц Марата, Пушкинской, Лиговской и др., прилегающих к этому участку
23. Библиотека на участке улиц Салтыкова-Щедрина и Восстания
24. Библиотека на участке улиц Халтурина и прилегающих к ней переулков
25. Библиотека на участке Суворовского проспекта и Смольного
26. Библиотека на участке проспекта Бакунина, вблизи Исполкомской улицы

ОТДЕЛЕНИЯ РАЙОННЫХ БИБЛИОТЕК

1. Отделение Шувалово-Озерковской библиотеки, на участке улиц, примыкающих к Среднему и Верхнему озерам
2. То же (другой вариант размещения).
3. Отделение Удельнинской библиотеки на проспекте Энгельса, на участке Павловской и Осиповской улиц
4. Отделение библиотеки Калининского района на Большой Охте (на «Исаковке»)
5. Отделение Малоохтенской библиотеки
6. Отделение библиотеки им. Ломоносова в Гавани
7. Отделение передвижного фонда Московского района в поселке им. Шаумяна
8. Отделение передвижного фонда Московского района в поселке Рылеево
9. Отделение библиотеки на правом берегу Невы.

тем самым даст возможность привлечь в общедоступные библиотеки большое количество новых читателей.

VI. Перспективный план размещения государственных общедоступных библиотек Ленинграда

Разрешение вопроса о конкретном размещении государственных общедоступных библиотек требует учета размещения профсоюзных библиотек клубного типа как уже существующих, так и запланированных. При этом надо иметь в виду, что если существующие государственные общедоступные библиотеки могут быть, в случае необходимости, переведены в другую часть района, то профсоюзные клубные библиотеки, располагающиеся обычно в непосредственной близости к обслуживаемым ими предприятиям, связаны с ними, и не могут быть переведены в другое место. Так как эти клубные библиотеки обслуживают, прежде всего, читателей по месту работы, то, естественно, что их возможности удовлетворить книгой окружающее население по месту жительства в известной мере ограничены и, стало быть, как правило, полностью заменить в радиусе своего действия государственные общедоступные библиотеки они не могут; они только уменьшают нагрузку последних. Исключением в этом отношении являются библиотеки общегородских домов культуры, домов культуры обкомов союзов, обслуживающие читателей, вне зависимости от места их работы, и некоторые библиотеки отдельных предприятий, находящиеся в помещениях со свободным доступом. Однако необходимо отметить, что это участие профсоюзных библиотек в обслуживании книгой трудящихся города имеет важное значение, особенно в районах с большой плотностью населения.

Намечая размещение сети общедоступных библиотек по районам города, необходимо, конечно, учитывать и план нового жилищного строительства в этих районах.

В данной работе учтен перспективный план развития сети профсоюзных клубов (по сведениям культурно-массового отдела Облпрофсовета), а также план жилищного строительства Ленинграда на ближайшие годы.

Метод определения радиуса действия и зоны обслуживания библиотек, разработанный нами в условиях Ленинграда, может быть применен при решении вопросов планирования библиотечной сети и размещения библиотек и в других городах. В качестве примера того, какие выводы могут быть сделаны при помощи данных, добытых таким путем, остановимся на размещении библиотек нескольких районов Ленинграда.

Петроградская сторона разделена на 2 района: Ждановский и Петроградский. В обоих районах имеется 5 государственных

общедоступных библиотек и библиотека Дома культуры Промкооперации. Зоны обслуживания двух из этих библиотек — Дома культуры Промкооперации и районной библиотеки им. Пушкина — почти совпадают. Обе они находятся в районе площади Льва Толстого. В то же время значительная часть жителей Петроградской стороны остается без библиотечного обслуживания.

На проспекте им. Щорса общедоступных библиотек не имеется. Районная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (Ждановский район), находящаяся на углу Чкаловского проспекта и Пионерской улицы, может организовать обслуживание только небольшой части кварталов по проспектам им. Щорса и Чкаловскому; вся же остальная часть этих проспектов и прилегающих к ним улиц, по направлению к реке Карповке и Левашовскому проспекту, остается вне библиотечного обслуживания.

На северной окраине центральной части Петроградской стороны, на Аптекарском острове, также нет никаких общедоступных библиотек.

В Петроградском районе библиотека им. Ленина, расположенная на Введенской улице, не может охватить значительной части Петроградского района от Кировского проспекта по направлению к Петроградской набережной. Этот участок улиц им. Куйбышева, Большой и Малой Посадской, Большой Вульфовой и т. д., фактически остается вне зоны обслуживания действующих на Петроградской стороне общедоступных библиотек.

В Новой Деревне, на Новодеревенской набережной, находится библиотека им. Фурманова. Зона ее обслуживания распространяется на сравнительно небольшую часть этого участка. Население же Старой деревни и новых малоэтажных домов в Новой деревне не имеет территориально близкой общедоступной библиотеки.

В поселке Коломяги, находящемся на самой окраине города, до сих пор нет стационарной общедоступной библиотеки.

Из всего изложенного ясно, что необходимо создать новые общедоступные библиотеки в следующих участках Петроградской стороны:

- а) в районе Чкаловского и Левашовского проспектов,
- б) на Аптекарском острове,
- в) в участке улиц им. Куйбышева, Большой и Малой Посадской, Большой Вульфовой и др., прилегающих к этому участку;
- г) в Новой деревне — в центре новых жилых кварталов малоэтажных домов, и
- д) в поселке Коломяги.

Васильевский остров разделен на 2 района: Василеостров-

ский и Свердловский. В обоих районах имеется 6 общедоступных библиотек: 3 государственных библиотеки, библиотека Дворца культуры им. Кирова, клубов им. Орджоникидзе и «Профинтерн». Кроме того, имеются 3 библиотеки клубов отдельных предприятий, обслуживающих только работающих на этих предприятиях. (Клубы завода им. Казицкого, 1-й табачной фабрики и бумажной фабрики им. Горького).

Крупнейшим недостатком в размещении библиотек на Васильевском острове является то, что из 6 общедоступных библиотек 4, и притом крупнейшие (библиотеки им. Толстого, им. Чернышевского, Дворца культуры им. Кирова и клуба им. Орджоникидзе), находятся на одной улице (Большой проспект), причем зоны обслуживания библиотеки им. Чернышевского и клуба им. Орджоникидзе совпадают, а зона библиотеки Дворца культуры им. Кирова — наполовину покрывает зоны обеих этих библиотек. В то же время на двух других основных магистралях Васильевского острова — на Среднем и Малом проспектах нет ни одной общедоступной библиотеки. Если набережная им. лейтенанта Шмидта в некоторой степени находится в радиусе действия общедоступных библиотек, расположенных на Большом проспекте, то район Среднего и Малого проспектов остается почти без всякого библиотечного обслуживания. Положение в этой части Васильевского острова могло бы значительно улучшиться, если бы библиотеки клубов им. Казицкого и 1-й табачной фабрики открыли свободную запись читателей и стали бы общедоступными.

Зона обслуживания библиотеки им. Ломоносова, расположенной на Гаванской улице, не покрывает всех улиц, примыкающих к Гавани.

Следует отметить, что в таких городских районах, как Васильевский остров с пересекающимися территорию несколькими основными магистралями, и имеющих почти на всей территории более или менее равномерную заселенность, удобнее всего размещать общедоступные библиотеки на этих магистральных улицах в шахматном порядке.

Обеспечение библиотечным обслуживанием населения Васильевского острова требует:

а) укрепить библиотеку клуба им. Орджоникидзе так, чтобы она могла увеличить количество читателей и полностью использовать свой достаточно большой книжный фонд;

б) перевести библиотеку им. Чернышевского в район Среднего проспекта;

в) сделать общедоступной библиотеку клуба им. Казицкого, (что вполне возможно, так как она находится в клубном помещении со свободным доступом) или открыть в районе Малого проспекта государственную районную библиотеку;

г) в Гавани за пределами зоны обслуживания библиотеки им. Ломоносова, открыть ее отделение, которое в дальнейшем, по мере роста строительства в этой части района, должно будет стать самостоятельной библиотекой.

Кроме того, здесь же в Гавани, в районе будущего морского вокзала, примерно в конце Наличной улицы, в новых жилых домах необходимо организовать еще одну общедоступную библиотеку районного типа.

Если обобщить все сделанные на основе того же фактического материала выводы о необходимости открытия новых и перемещения существующих библиотек по всем районам Ленинграда, то можно получить следующие сводные данные.

Наименование районов города	С л е д у е т		
	открыть новые библиотеки	организовать отделения библиотек	переместить существующие библиотеки
Василеостровский и Свердловский районы	2	1	Библиотеку им. Чернышевского
Выборгский район	2	3	—
Дзержинский район	2	—	—
Калининский район	1	2	Библиотеку им. Гоголя
Кировский район	—	—	Библиотеку Дома Советов
Куйбышевский район	—	1—2	—
Ленинский район	1	—	Библиотеку им. Тимирязева
Московский район	3—4	2	Библиотеку им. Горького
Невский район	2—3	1—2	—
Октябрьский район	—	—	2-ю районную библиотеку
Петроградская сторона	5	—	—
Смольнинский район	2	—	Библиотеку им. Герцена
Фрунзенский район	1	—	—
В целом по Ленинграду	20—22	10—12	7 библиотек

Таким образом, по Ленинграду в целом в ближайшие 4—5 лет необходимо открыть 20—22 новых общедоступных библиотеки и 10—12 их отделений, которые можно будет затем превратить в самостоятельные библиотеки.

Кроме того, для создания населению больших удобств в пользовании библиотеками надо в 7 районах города переме-

стить по одной библиотеке в каждом из этих районов, т. е. всего в городе надо переместить 7 библиотек.¹

Намечая перспективы развития сети общедоступных библиотек Ленинграда, мы исходили из определения наиболее населенных частей отдельных районов, остающихся в настоящее время вне зоны обслуживания существующих библиотек. При этом, по возможности, учитывались те изменения, которые должны в ближайшие годы, произойти в результате развивающегося жилищного строительства.

Обычно считают, что библиотеки, особенно вновь открываемые, должны быть расположены на главных магистральных улицах города. Это положение правильно только в тех случаях, когда эти магистральные улицы проходят по наиболее населенной части района (что в большинстве случаев и бывает); но если они оказываются в стороне от наиболее заселенной территории, то эти магистрали уже становятся неудобными для размещения библиотек.

На первый взгляд кажется, что нахождение общедоступных библиотек на крупных магистральных улицах представляет ряд удобств для связи с ними, для посещения их читателями. Но практически во многих случаях значительно выгоднее разместить библиотеку не на главной магистрали, а где-нибудь поблизости, на соседней улице. Здесь легче не только найти подходящее помещение, но и создать лучшие условия для более спокойной работы библиотеки, в отдалении от шума городского транспорта, сохраняя при этом, все удобства для посещения библиотеки, так как она будет находиться вблизи главных магистралей района.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что при построении библиотечной сети города надо исходить не из административного деления по районам, а из принципа равномерного расположения сети общедоступных библиотек, для наиболее полного обеспечения библиотечным обслуживанием населения города Ленинграда в целом. При этом во многих случаях будет целесообразно распространить действие общедоступных библиотек

¹ Организация отделений стационарных библиотек до сих пор не получила в Ленинграде широкого распространения. Однако совершенно очевидно, что именно открытие филиалов или выдачных пунктов районных библиотек в отдельных густо-заселенных участках является наиболее рациональным и экономичным способом оперативного улучшения библиотечного обслуживания населения в ряде районов города. По мере увеличения численности населения в этих микрорайонах и количества обслуживаемых читателей эти отделения следует реорганизовать в самостоятельные библиотеки.

не только на данный район, но и на часть территории соседних прилегающих районов города.

Надо так организовать сеть библиотек во всех частях города, чтобы на деле превратить их в наиболее территориально доступные культурно-просветительные учреждения, способные полностью охватить библиотечной книгой все взрослое население Ленинграда.

Приложение

ОРГАНИЗАЦИЯ АНКЕТНОГО ОПРОСА ЧИТАТЕЛЕЙ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК ЛЕНИНГРАДА И МЕТОДЫ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

По договоренности с отделом культурно-просветительной работы Исполкома Ленгорсовета (ныне Управление культуры), в мае 1950 г. был организован анкетный опрос читателей общедоступных библиотек города, по бланку следующего содержания:

К ЧИТАТЕЛЯМ МАССОВЫХ БИБЛИОТЕК ЛЕНИНГРАДА

Городской Отдел культурно-просветительной работы Исполкома Ленгорсовета, в целях улучшения обслуживания населения существующей сети городских массовых библиотек и более правильного размещения вновь открываемых библиотек, просит Вас ответить на перечисленные вопросы:

1. Удобны ли для Вас дни и часы работы абонементной библиотеки. Ваши предложения по этому вопросу.

2. Пользуетесь ли Вы систематически читальным залом библиотеки. Удобны ли для Вас часы его работы.

Что нужно улучшить в работе читального зала.

3. Пользуетесь ли Вы правом затребования научных книг из других библиотек в порядке межбиблиотечного абонемента (МБА). Ваши пожелания по этому вопросу.

4. Берете ли Вы еще книги дополнительно в других библиотеках (подчеркните):

- а) в Центральной городской библиотеке;
- б) в городских, районных библиотеках;
- в) в клубных библиотеках, в библиотеках Домов культуры;
- г) в библиотеках по месту Вашей работы; (в профсоюзной или технической библиотеке);
- д) в библиотеке по месту Вашей учебы;

5. Как далеко находится наша библиотека от Вашего местожительства.

Укажите:

- а) сколько минут ходьбы от Вашего дома до библиотеки, или
- б) количество трамвайных остановок от Вашего дома до библиотеки.

6. Сообщите краткие сведения о себе:

а) кем работаете (подчеркните)

Рабочий,	Педагог,
Служащий,	Домохозяйка,
ИТР,	Пенсионер;
врач,	

б) Если вы учащийся, то укажите, где Вы учитесь (подчеркните)

в Вузе,	училище,
в техникуме,	в ФЗО.
в средней школе,	
в профтехшколе,	

в) сколько Вам лет.

Читателям было роздано 50000 экземпляров опросных бланков (анкет), из которых ими было возвращено заполненными 41381 или 82,7%.

Перед началом анкетного опроса читателей было проведено совещание директоров библиотек, на котором подробно обсуждались методы его организации.

Так как книги в общедоступных библиотеках выдаются, согласно правилам, на десять дней, и в течение этого срока через абонемент должна пройти вся основная масса читателей, то опросные бланки (анкеты) в каждой из указанных библиотек распространялись в течение 10—12 дней. Опрос читателей производился одновременно во всех библиотеках.

Анкетный опрос читателей в библиотеках, в большинстве случаев, был организован следующим образом: читатели получали анкеты у входа в библиотеку. Они раздавались дежурным библиотекарем или специально проинструктированным активистом, которые при этом коротко разъясняли читателям цель проведения анкеты и порядок ее заполнения. Во многих библиотеках, кроме того, в дни организации анкетного опроса, вывешивались плакаты, разъясняющие цель этого мероприятия и призывающие читателей наиболее продуманно и конкретно ответить на поставленные в анкете вопросы.

В библиотеках выделялись специальные столы для заполнения анкет. Заполненную анкету читатели сдавали библиотекарям, которые тут же просматривали полноту ответов и, в случае необходимости, просили читателей внести соответствующие дополнения. Большинство читателей весьма серьезно отнеслось к заполнению анкеты. Это подтверждается большим количеством заполненных анкет (по сравнению с количеством розданных бланков) и многочисленными предложениями по улучшению библиотечного обслуживания, внесенными читателями при заполнении анкеты. Характерен следующий факт. При заполнении анкеты не требовалось указания фамилий читателей, заполняющих их; несмотря на это, многие читатели четко подписывали опросные листки, указывали номера своих читательских формуляров, а некоторые даже требовали от директора библиотеки, чтобы их поставили в известность о принятых мерах по внесенным ими предложениям.

После окончания опроса читателей все собранные библиотекой анкеты предварительно просматривались директором библиотеки совместно с библиотечным инспектором отдела культпросветработы Исполкома Райсовета соответствующего городского района. Анкеты, затем, передавались в библиотечный сектор Городского отдела культпросветработы, и одновременно с этим директора библиотек представляли отчет об организации ими анкетного опроса, и о выполнении внесенных читателями предложений.

Статистическая обработка всех собранных анкет была организована специально выделенной бригадой библиотечных работников Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Обработка данных анкетного опроса производилась по каждой библиотеке в отдельности, затем эти данные объединялись по видам библиотек (общегородские, районные, участковые), и наконец были подведены итоги по всем библиотекам, где производился анкетный опрос.

Итоги анкетного опроса читателей обсуждались на совещании работников общедоступных библиотек Ленинграда.

Социальный и возрастной состав опрошенных читателей

Нижеследующая таблица показывает социальный состав опрошенных читателей, в сравнении с социальным составом всех читателей абонемента библиотек, где производился анкетный опрос.

Группа читателей	Состав читателей абонементов общедоступных библиотек, где производился анкетный опрос		Состав читателей, заполнивших анкеты	
	количество	‰ к общему числу читателей	количество	‰ к общему числу читателей
Рабочие	29175	26,0	10671	25,8
Служащие	23954	20,9	6170	14,9
ИТР, врачи, педагоги и специалисты других профессий	11018	9,6	5224	12,6
Студенты вузов	12315	10,8	4992	12,1
Учащиеся техникумов и старших классов средней школы	19200	16,8	8649	20,9
Учащиеся РУ и ФЗО	2572	2,2	1083	2,6
Домохозяйки, пенсионеры, и т. п.	15669	13,7	4592	11,1
Итого	114503	100	41381	100

Из приведенных данных видно, что среди читателей, заполнивших анкеты, представлены все читательские группы, пользующиеся общедоступными библиотеками города. В сравнении с составом читателей на абонементе, несколько более активное участие в заполнении анкет приняли ИТР, врачи, педагоги, и группа читателей-учащихся различных учебных заведений. Группы же рабочих, служащих и домохозяек дают несколько меньший процент. Однако эти отклонения незначительны.

Рассмотрим возрастной состав опрошенных читателей.

Возрастные группы читателей	Всего заполнили анкеты	В ‰ к общему числу читателей, заполнивших анкеты
до 16 лет	357	0,9
16—17 лет	4997	12,0
от 18 до 23 лет	14289	34,6
от 24 до 35 лет	10898	26,3
свыше 35 лет	10840	26,2
Итого	41381	100%

Как видно из приведенной таблицы, по возрастному составу анкета также охватила все группы читателей общедоступных библиотек г. Ленинграда.

Материалы анкеты большого количества опрошенных читателей, представляющих самые разнообразные читательские группы государственных и профсоюзных массовых библиотек города дали возможность прийти к выводам изложенным и обоснованным в настоящей статье.

С. И. КОПЫЛОВ
Кафедра библиографии

О ЕДИНОМ ЧИТАТЕЛЬСКОМ КАТАЛОГЕ КНИГ И СТАТЕЙ*

Под руководством КПСС, за годы советской власти проведена огромная работа по культурному строительству в СССР. Книгоиздательское дело достигло больших успехов. За 1917—1954 годы в СССР издано 1210 тысяч книг и брошюр тиражом 17,2 миллиарда экземпляров на 122 языках. В 1955 году в СССР выпущено около 55 тысяч названий книг общим тиражом более одного миллиарда экземпляров.

Огромными тиражами выходили в СССР журналы и газеты. Если в дореволюционной России в 1913 году издавалось 859 газет, разовым тиражом 2729 тысяч экземпляров, то в СССР в 1954 году выходило 7108 газет на 55 языках с разовым тиражом 46,9 миллионов экземпляров. В 1954 году выходило 489 названий журналов тиражом 226,5 мил. экземпляров.

Эти данные красноречиво показывают огромное внимание Коммунистической партии и Советского правительства к максимальному удовлетворению духовных запросов советского человека.

Для успешной работы каждой библиотеки при таком огромном потоке книг и статей, особое значение, как известно, приобретает библиография, помогающая широким массам читателей ориентироваться в печатной продукции.

Коммунистическая партия всегда уделяла большое внимание библиографии, рассматривая ее как серьезное орудие пропаганды и коммунистического воспитания.

Крупнейшими научными и культурными центрами нашей страны ведется большая библиографическая работа. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Всесоюзная Книжная палата, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и многие другие фундаментальные библиотеки издают различные библиографические пособия: справочники, указатели, рекомендательные списки литературы, программы и планы чтения, обзоры литературы и т. п. В газетах и журналах систематически публикуются рецензии, статьи, заметки о книгах и другие библиографические материалы.

* Печатается в порядке обсуждения.

Выросло количество областных и районных библиотек, принимающих активное участие в развитии рекомендательной библиографии, увеличилось число библиографических изданий, значительно шире стала их тематика.

За последние годы вопросы библиографии все чаще и чаще становятся в центре внимания библиотечной общественности. Советские библиотекари и библиографы развернули успешную борьбу за ликвидацию формалистических, объективистских тенденций в библиотечной и библиографической работе.

Рекомендательная библиография получила общее признание, её принципы положены в основу читательских каталогов, в основу всей справочно-библиографической работы.

Еще в 1936 году на совещании по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии Н. К. Крупская отмечала возрастающее значение каталогов и всевозможных справочников. — «Когда читателей было какой-нибудь десяток, — говорила она, — там библиотекарь мог «обсосать» каждого, ему устно все рассказать, показать и т. д., а извольте теперь обслужить читателя, когда библиотека полна читателей. Теперь особенно нужны каталоги, справочники, вооружение читателя знанием, как выбрать книги, как их использовать».¹

Теперь уже не может вызвать сомнение тот факт, что только широкое, всестороннее использование библиографии может обеспечить высокий уровень пропаганды книг, правильное руководство чтением.

Библиотечные работники вкладывают немало труда, энергии и инициативы, чтобы путем создания справочно-библиографического аппарата помочь читателю найти нужную книгу, брошюру, статью.

Библиотечные работники многих массовых библиотек работают над созданием такого аппарата, удобных и понятных читателям каталогов и картотек. Широко используются и библиографические пособия. Во многих массовых библиотеках они выделены на особые полки, организуются выставки библиографических пособий на абонементе и читальном зале. Библиографические пособия выдаются читателям на дом, с их помощью составляются индивидуальные списки литературы. Массовые мероприятия библиотек по пропаганде книги проводятся на основе имеющейся библиографии.

За последние годы немало было сделано для создания читательских каталогов в библиотеках. Каталоги теперь рассматриваются как важнейшее средство руководства чтением, помогающее читателю в выборе ценнейшей литературы. Но этот

¹ Крупская Н. К. Выполним указания Ленина о библиотечной работе. — «Красный библиотекарь», 1937, № 1, стр. 28.

процесс протекал далеко небезболезненно. Менее десяти лет назад каталоги рассматривались только как перечни имеющих в библиотеках произведений печати. Подобное представление о каталогах выхолащивало их идейно-политическое содержание.

Общепризнанной теперь является точка зрения на каталог советской библиотеки не как на простой перечень имеющих в библиотеке произведений печати. Каталог призван выполнять не только справочно-технические функции, а должен обеспечивать пропаганду лучшей, высококачественной литературы, быть средством руководства чтением.

Такое понимание каталога находится в явном противоречии с существующей системой его организации.

За долгие годы в практике работы библиотек установился порядок, при котором описание книг отражается в каталогах, а статей из периодических изданий—в, так называемой, общей библиографической картотеке.

А между тем такое искусственное, производимое по чисто формальным признакам разделение отрывает рекомендацию статей от рекомендации книг; содержание каталогов оказывается обедненным, отстаёт от запросов читателей, и потому каталоги мало помогают в подборе необходимых материалов.

С этой точки зрения нельзя признать целесообразным отражение книг и статей в разных частях библиографического аппарата, часто разорванного территориально и организованного по различным схемам классификации.

Все это говорит о том, что назрел вопрос о слиянии читательского систематического каталога с общей картотекой журнальных и газетных статей и о необходимости создания единого каталога.

Решение этого вопроса является особо важным в связи с приказом по Министерству культуры РСФСР от 22 июня 1955 г., поставившим перед библиотечными работниками серьезную и ответственную задачу создать во всех городских, районных и сельских библиотеках алфавитные каталоги, а в библиотеках, имеющих алфавитные каталоги, немедленно приступить к составлению систематических каталогов, установив конкретные сроки их завершения.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о создании *единого* читательского каталога книг и статей. Организация его стала настолько жизненно-необходимой, что отдельные библиотеки (Горьковская областная б-ка, ряд библиотек Ленинграда — Выборгского Дома культуры, Дома офицеров, Военно-Морского Музея и др.) несколько лет тому назад приступили к его созданию.

Интересный, заслуживающий внимания опыт организации единого каталога осуществлен в районной библиотеке им. А. П. Чехова в г. Ленинграде. Библиотекарь К. П. Миллер, непосредственный организатор этого дела, пишет:

«Слияние читательского каталога с картотекой журнально-газетных статей делает этот библиографический аппарат более содержательным, ибо каждый из его разделов дает указания на опубликованные статьи по вопросам, не получившим часто отражения в книгах, и это обеспечивает более полное удовлетворение запросов читателя. Так, из 268 справок, выданных за несколько месяцев существования этого аппарата, читатель получил 240 справок, в которых были указаны не только книги, но и журнальные статьи».¹ Эти причины и привели к тому, что вопрос о создании единого читательского каталога книг и статей не перестает быть объектом внимания библиотечной общественности.

Как известно, в 1953—1954 гг. на страницах журнала «Библиотекарь»² и сборника «Советская библиография»³ печатались материалы дискуссии о принципах организации читательского справочно-библиографического аппарата в массовых библиотеках.

Многочисленные отклики, иногда в острой полемической форме, говорят о важности и злободневности поднятых вопросов.

В статье Л. Левина «Систематический каталог как рекомендательно-библиографическое пособие»⁴ и в статье О. П. Коршунова «К вопросу о едином читательском каталоге книг и статей»⁵ центральным пунктом явился вопрос о создании единого читательского систематического каталога книг и статей.

Анализ материалов дискуссии и изучение библиографической работы ряда библиотек со всей очевидностью показывают, что единый аппарат имеет много преимуществ.

Наличие в каталоге журнальных и газетных статей придает ему действенный характер, повышает политическую заостренность каталога. Естественное отставание в издании, а иногда и отсутствие книг по актуальным вопросам, настоятельно требует отражения в каталоге важнейших материалов, публикуемых в газетах и журналах. Такие разделы каталога как «Партийное просвещение», «Пропаганда и агитация», «Диа-

¹ Третья научно-практическая конференция выпускников Института 5—6 мая 1955 г. Л., 1955, стр. 26. (Ленинградский Государственный Библиотечный Институт имени Н. К. Крупской). На ротаторе.

² «Библиотекарь», 1953, № 5—6, 10, 11; 1954, № 1.

³ «Советская библиография», вып. 34, 1953; то же, вып. 36, 1954.

⁴ «Библиотекарь», 1953, № 5—6, стр. 29—33.

⁵ «Советская библиография», вып. 34, 1953, стр. 28—36.

лектический и исторический материализм», «Политическая экономика», «История КПСС» и целый ряд других разделов каталога не могут быть полноценными, если в них не отражены материалы из периодики, они фактически искусственно обеднены и зачастую могут ввести читателя в заблуждение.

Заведующая читальным залом районной библиотеки г. Новосибирска Л. Ханинсон, принявшая участие в дискуссии о едином каталоге, пишет: «Поговорите с любым читателем (мы советуем это сделать противникам слияния читательского систематического каталога и общей картотеки газетных и журнальных статей), и вы убедитесь, что для него неважно, где он найдет нужный материал, — в книге, в газете или журнале. Этот чисто формальный признак для него никакого значения не имеет. Но вместе с тем, читатель скажет вам, что для него удобнее, когда вся литература (книги и журнально-газетные статьи) по интересующему его вопросу отражена в одном каталоге».¹

Характерно, что хотя забота о наиболее полном и быстром удовлетворении интересов и запросов читателей является главным, основным в работе любой библиотеки, однако вся аргументация противников единого каталога идет не с позиции интересов читателей, а с точки зрения тех неудобств и трудностей для библиотечных работников, которые неизбежно последуют за этой перестройкой.

Искусственный разрыв книг и статей лишь затрудняет читателя, мешает ему успешно и полноценно использовать имеющуюся литературу. Мало того, такое разделение, да еще при различном расположении материала в каталоге и картотеке, (что чаще всего и имеет место в библиотеках), неудобно не только для читателей, но и для библиотечных работников.

В рекомендательных библиографических пособиях уже давно отказались от такого искусственного, формального и ничем не оправданного разделения.

В теории советской библиографии с особой силой подчеркивается важность не только методической и технической стороны каталога, но и идейно-политической направленности его содержания, которая подчиняет себе вопросы методики и техники.

Противники организации единого читательского каталога книг и статей, очевидно, забыли об этом основном принципе советской библиографии и советских каталогов. Вся их аргументация (невозможности создания такого аппарата) исходит из трудностей методического и технического характера.

С одной стороны все поддерживают идею необходимости усиления рекомендательной роли каталога, рассматривая его

¹ «Библиотекарь», 1953, № 11, стр. 37.

как средство руководства чтением, а с другой стороны отделяют от каталога такую важную часть, как статьи из периодики. Такое решение вопроса противоречит желанию усилить рекомендательную роль систематического каталога.

При анализе всех аргументов против слияния общей картотеки журнальных и газетных статей с каталогом может создаться ложное представление, что все трудности появляются лишь тогда, когда будет создан единый читательский систематический каталог книг и статей, как будто бы этих трудностей нет при их раздельном существовании.

Аргументируя невозможность создания единого каталога, бездоказательно утверждают, что статьи вообще нельзя объединять с книгами, так как это особый материал и что статьи «служат как бы дополнением к книгам и имеют значение преимущественно для хорошо подготовленных читателей».¹

Противники единого аппарата утверждают, что включение статей в книжный каталог сделает его громоздким, что он «невероятно разбухнет». В статье «О систематическом каталоге» З. Амбарцумян, например, пишет: «При таком слиянии читателю с небольшой и средней общеобразовательной подготовкой будет трудно пользоваться каталогами из-за его громоздкости. Достаточно сослаться на тот факт, что ежегодно печатается около 45.000 карточек только на журнальные статьи и рецензии. Включение всех (разр. моя С. К.) газетных и журнальных статей в систематический каталог создаст серьезные затруднения у читателей, обращающихся к каталогу для выбора основной литературы по какому-либо вопросу».² Но, очевидно, что создавая единый читательский систематический каталог, не будут включать, с исчерпывающей полнотой ни книги, ни тем более статьи, и никакой угрозы чрезмерного «разбухания» быть не может. Эта угроза одинаково вероятна как при раздельном существовании каталога и общей картотеки, так и при организации единого аппарата.

Более того, нам представляется, что при организации единого читательского каталога появится больше реальных возможностей для разумного отбора включаемых в каталог материалов.

Очевидно, также, что и читателю даже с небольшой и средней подготовкой, будет проще, доступнее и понятнее такой аппарат, где материалы сосредоточены в одном месте и по единой системе.

¹ Амбарцумян З. О систематическом каталоге. — «Библиотекарь», 1953, № 10, стр. 32.

² Там же.

Также не может быть убедительным и другой довод, что при объединении справочно-библиографического аппарата будет значительно затруднен процесс освобождения каталога от устаревшей литературы. Нельзя забывать, что очищение отдельно существующей общей читательской картотеки журнальных и газетных статей так же трудоемко, как и единого читательского каталога. Более того, выполнять эту работу в рамках единого аппарата удобнее, так как в поле зрения библиотекаря находится по каждой теме вся литература (книги и статьи), и в каждом конкретном случае вопрос об устарелости и взаимозаменяемости материалов может быть решен более полно и правильно.

И наконец, отличие статейного материала от книжного не настолько значительно, чтобы быть серьезным аргументом против отражения книг и статей в рамках единого читательского каталога.

Когда говорят о создании единого читательского систематического каталога книг и статей, то обычно имеют в виду такой каталог, в котором, наряду с книгами, включены и статьи из периодики. Причем, как показала уже некоторая практика, целесообразно в каждой рубрике каталога карточки на журнальные и газетные статьи вынести за особый разделитель с пометкой «Журнальные и газетные статьи» или просто «статьи», и расположить их в обратно хронологическом порядке.

Нет необходимости говорить о всех преимуществах такой организации библиографического аппарата, удобного и для библиотекарей, и для читателей.

Это никак не означает, что все библиотеки немедленно должны объединить общие картотеки журнальных и газетных статей с систематическими читательскими каталогами. Вопрос о создании единого читательского систематического каталога книг и статей должен решаться по-разному, применительно не только к различным типам библиотек, но даже применительно к различным библиотекам.

Одно дело, когда это касается крупных массовых библиотек (республиканские, краевые, областные и крупные городские), в которых есть самостоятельные библиографические отделы и отделы каталогизации, и другое дело, районные и сельские библиотеки, где, как правило, не только нет этих отделов, но не предусмотрено по штатному расписанию такой должности, как библиограф. Более того, условия районных библиотек городской и сельской местности также различны. Естественно, что решать задачу создания единого читательского каталога надо не вообще, а применительно к условиям этих библиотек, и не сразу, а в определенной последовательности.

Очень важно знать, какие именно каталоги имеются в библиотеке и каково их состояние: по какой классификационной схеме организован систематический каталог и картотеки статей, какие изменения и дополнения вносились в эту схему и т. п.

Известно, например, что в расположении материалов в картотеках нет единства, каждая библиотека делает это по-своему и иногда без всякой определенной системы.

За последние годы многие библиотеки перевели свои картотеки с предметно-алфавитного расположения на систематическое. Так это сделано в Молотовской Публичной библиотеке, в Свердловской Публичной библиотеке, Саратовской и Новосибирской областных библиотеках и др. Отказались от предметно-алфавитного расположения материалов в общей картотеке и перешли на систематическое большинство массовых библиотек г. Ленинграда. Многие библиотеки используют в общей картотеке классификационную схему Всесоюзной Книжной палаты. Это объясняется, главным образом, тем, что библиотеки применяют издаваемые Всесоюзной Книжной палатой печатные карточки на журнальные статьи. В результате литература систематизируется в библиотеках по разному: в каталоге — по десятичной классификации в переработке Л. Н. Троповского или по схеме «Каталога районной библиотеки», а в картотеке — по схеме Всесоюзной Книжной палаты или по схемам, разработанным самостоятельно, а в некоторых библиотеках еще сохранилось предметно-алфавитное расположение. Такой разнотой в систематизации литературы никак не помогает ни читателю, ни библиотекарю, а наоборот, создает дополнительные трудности для тех и других, излишне усложняет аппарат, делает его мало доступным.

Ликвидация разноты в систематизации литературы в каталогах и картотеках является первоочередной и главной задачей. Без этого условия разговоры о пользе единого систематического читательского каталога книг и статей остаются беспредметными. Дело заключается в том, чтобы помочь массовым библиотекам в решении этой главной задачи.

Нет сомнения, что когда будет создана новая советская схема классификации, то задача создания каталогов будет значительно упрощена.

Но при этом не следует также переоценивать появление новой схемы и полагать, что тогда все вопросы будут сразу разрешены автоматически. Предстоит большая, сложная работа, требующая немало времени и усилий. В библиотеках необходимо провести большую подготовительную работу, связанную с реорганизацией и улучшением каталогов и картотек. Не ожидая новой схемы, следует приступить к перестройке,

укреплению каталогов и картотек, опираясь на существующие схемы классификации литературы.

Как известно, в настоящее время, библиотеки получили улучшенную схему классификации, применяемую в типовых каталогах и на печатных карточках для массовых библиотек.¹ По этой (несколько переработанной и дополненной) схеме следует организовать и перестраивать систематические каталоги и общую картотеку в библиотеках.

Заслуживает серьезного внимания и одобрения методическое пособие Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина «Справочно-библиографическая работа районной библиотеки».² В этом пособии, на основе серьезного изучения практики работы районных библиотек, на основе изучения действительного состояния их библиографического аппарата (каталогов и картотек) даются очень важные и полезные для каждой районной библиотеки советы, как улучшить аппарат, приблизить его к запросам читателя.

Перед всеми районными библиотеками ставится задача организации систематического каталога по «Схеме библиотечной классификации...»,¹ принятой для каталогов массовых библиотек, с широким применением печатных аннотированных карточек на текущую книжную продукцию, которые составляются Гос. Библиотекой СССР им. В. И. Ленина и издаются Книжной палатой. Для составления общей картотеки журнальных и газетных статей также рекомендуется использовать печатные карточки на статьи и рецензии Всесоюзной Книжной палаты, систематизируя их по той же схеме.

«Безусловным преимуществом картотеки журнальных и газетных статей, — указывается в этом методическом пособии, — является такая же систематизация в ней материалов, как и в каталоге книг».³ Сейчас, когда на печатных карточках Книжной палаты проставляются индексы по «Схеме библиотечной классификации», нужно использовать это преимущество, составляя картотеку по этой схеме.

Таким образом, для районных библиотек показаны реальные, вполне осуществимые пути организации единого библиографического аппарата. Причем, учитывая ограниченные воз-

¹ Схема библиотечной классификации, применяемая в типовых каталогах и на печатных карточках для массовых библиотек. М., Изд. Всесоюз. Книжной палаты, 1955. 144 стр.

² Коршунова Е. П. Справочно-библиографическая работа районной библиотеки. Методическое пособие. М., 1954. 107 стр. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).

³ Там же.

возможности этих библиотек, им рекомендуется начать картотеку по «Схеме библиотечной классификации...» лишь на новые материалы, не занимаясь переработкой картотеки за прошлые года.

Так как на печатных карточках Книжной палаты индексы по этой схеме стали проставляться с сентября 1954 года, то целесообразно начать вести новую картотеку с этого времени, что уже и сделано во многих массовых библиотеках.

Такой перевод общей картотеки журнальных и газетных статей на единую с каталогом схему классификации реально возможен не только в небольших, но и в крупных библиотеках.

Так, например, Новосибирская областная библиотека отказалась от систематизации материалов в общей картотеке журнальных и газетных статей по схеме Всесоюзной Книжной палаты, и теперь, как систематический каталог, так и общая картотека организованы по единой «Схеме библиотечной классификации...».

Достигнуть организации единого каталога, — это значит в первую очередь построить картотеку журнальных и газетных статей и систематический каталог по единой системе. Это главное, что уже органически объединит две основные части библиографического аппарата.

Вне удобства для читателей и библиотечных работников не только в том, что карточки на книги — в одних ящиках, а карточки на статьи — в других. Трудности и неудобства проистекают, главным образом, из-за отсутствия единого принципа расположения, из-за того, что материалы по одному и тому же вопросу располагаются в разных рубриках. Именно это приводит к разрыву аппарата на части. *Вопрос же о том, объединять ли карточки на книги и статьи в пределах каждой рубрики, может быть решен применительно к конкретным условиям, особенностям работы данной библиотеки, особенностям организации её аппарата.*

Когда деления общей картотеки журнальных и газетных статей будут совпадать с делениями систематического каталога, уже тогда нахождение их даже в разных ящиках не будет вызывать каких-либо особых затруднений в использовании этого аппарата как читателем, так и библиотекарем.

Кроме того, при такой организации единого аппарата, алфавитно-предметный указатель к систематическому читательскому каталогу одновременно будет и указателем к общей картотеке журнальных и газетных статей. Этот единый указатель еще больше сблизит картотеку и каталог, подчеркнет их органическое единство.

Само собой разумеется, что чем полнее и быстрее, на базе существующей схемы классификации, произойдет эта перестройка библиографических аппаратов массовых библиотек, тем, естественно, легче будет затем осуществить и переход на новую советскую систему классификации, когда последняя будет разработана.

Таким образом организация единого читательского систематического каталога книг и статей, с учетом специфики библиотек, не может быть проведена сразу и без соответствующей подготовки. Она может быть осуществлена рядом мероприятий в порядке следующей очередности:

1. Перевод картотеки и каталога на одну схему классификации.

2. Организация единого алфавитно-предметного указателя для обеих частей аппарата.

3. Объединение карточек на книги и статьи в пределах каждой рубрики с выделением карточек на журнальные и газетные статьи за особым разделителем.

Организация единого читательского каталога книг и статей не усложнит, как об этом пишут ее противники, а наоборот, значительно упростит и удешевит создание в библиотеках каталога, ибо при организации его отпадает необходимость:

во-первых, дублировать карточки систематического читательского каталога и общей картотеки в тематических картотеках, на что непроизводительно уходит много времени у библиотечных работников;

во-вторых, не будет надобности дублировать значительную часть журнальных и газетных статей в систематическом читательском каталоге, что делают обычно каталогизаторы, параллельно с библиографами.

И, наконец, существование единого читательского каталога книг и статей, требующее совместного решения со стороны отдела каталогизации и библиографического отдела всех вопросов, касающихся каталогизации материалов, приведет к усилению связи этих двух, часто изолированных друг от друга, отделов библиотеки.

Известно, что еще до сих пор во многих библиотеках нет единой, всесторонне продуманной системы организации библиографического аппарата. Каталоги и картотеки создаются в библиотеках разными отделами (отделом каталогизации и отделом библиографии); причем каждый из них стремится создать свой собственный «автономный» аппарат, который позволил бы лучше удовлетворить многогранные запросы читателей. В результате библиографический аппарат искусственно разрывается на части как по их исполнителям, так и территориально; непроизводительно затрачивается иногда время на

дублирование одних и тех же материалов в каталогах и всевозможных картотеках.

Вместе с тем, создание единого читательского каталога книг и статей будет способствовать преодолению этого серьезного недостатка в организации библиографической работы.

Поучительным в этом отношении является опыт работы Гос. Публичной исторической библиотеки, освещенный в статье Э. А. Вайсборд «О едином справочном аппарате Государственной Публичной исторической библиотеки».¹

Автор подчеркивает, что еще несколько лет тому назад библиографическая работа библиотеки, как и в большинстве других крупных библиотек, долгое время шла в отрыве от работы по созданию каталогов. Это привело к большому параллелизму. Работа по описанию вновь поступивших книг велась параллельно двумя отделами: научно-библиографическим и отделом обработки.

С 1952 года ликвидирована параллельная работа с журналами. Взамен параллельного отражения журнальных статей в трех местах (в научно-библиографическом отделе, в справочно-библиографическом бюро и в группе каталогизации и предметизации) в библиотеке ведется единая журнальная картотека на основе печатной карточки Книжной палаты по схеме, совпадающей со схемой систематического каталога.

Для многих крупных библиотек, такая организация единого справочно-библиографического аппарата, при которой каталоги и картотеки рассматриваются, как единая система библиографического аппарата, может служить поучительным примером.

Нельзя серьезно говорить об улучшении библиографической работы в библиотеках, если нет связи между библиографическим отделом и отделом каталогизации. Создание единого библиографического аппарата библиотеки может явиться лишь результатом их совместной работы.

Совершенно правильно поступают те библиотеки, о которых сказано в статье А. Хренковой: «Библиографы многих областных библиотек стали практически участвовать в организации выставок, составлении каталогов, комплектовании фондов, в подготовке массовых мероприятий и руководстве чтением».²

Большой интерес в этом отношении представляет работа М. А. Садовой «Библиографические разыскания при выполне-

¹ Записки Государственной Публичной исторической библиотеки. Вып. 10. М., 1955, стр. 67—92.

² Хренкова А. Работу областных библиотек — на уровень новых задач. — «Библиотекарь», 1955, № 10, стр. 5.

нии читательских требований».¹ Хотя этот труд и обобщает опыт одного вида библиографической работы — уточнение библиографических данных, но привлекает внимание сам подход автора к каталогам, картотекам, к библиографическому аппарату, фондам. Работая десятки лет в Публичной библиотеке М. А. Садова показала все разнообразие путей библиографического разыскания, специфику их приемов.

«Непременным условием успешной работы с читательскими требованиями в Государственной Публичной библиотеке, — пишет М. А. Садова, — является: безупречное знание алфавитного каталога, а также других каталогов; обращение к фонду; гибкое использование библиографических источников; знание работы всей библиотеки в целом» (стр. 16).

Для автора этого труда, опытного библиотекаря-практика, работающего непосредственно с читателем, весь библиографический аппарат выступает не по частям, а в его органическом единстве. В этом смысле труд М. А. Садовой может быть полезным всякому библиотекарю не только с точки зрения методики библиографического разыскания, но и в качестве примера верного подхода к библиографическому аппарату, как единому целому.

* * *

И наконец, необходимо отметить еще одно немаловажное обстоятельство, имеющее большое значение для правильного решения библиотекарями-практиками всех вопросов, связанных с организацией единого справочно-библиографического аппарата: состояние теоретической разработки этих вопросов, нашедшее отражение в библиотечной и библиографической печати.

За последнее время издан ряд учебных и методических пособий по вопросам библиотековедения и библиографии, что можно только приветствовать, но к сожалению в этих пособиях нет единообразия в решении важнейших принципиальных вопросов, касающихся организации библиографической работы в библиотеках.

Авторы методических и учебных пособий рассматривают каталоги, картотеки, библиографические пособия изолированно, без учета их взаимосвязи, единой системы их организации.

Так, например, вне общей системы всего справочно-библиографического аппарата написал о систематическом катало-

¹ Л., 1955. 144 стр. (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Ротатор.

ге З. Н. Амбарцумян.¹ В связи с этим справедливо заметил Е. Шамурин в рецензии на эту книгу, что «недостаточно для учебного пособия просто декларировать необходимость «тесного взаимодействия» каталогов и картотек».² С другой стороны, из учебного пособия для учащихся библиотечных техникумов по «Общей библиографии»³ В. Н. Денисьева фактически выпала такая важнейшая часть, как систематический каталог. То обстоятельство, что из всех составных частей справочно-библиографического аппарата выделены в специальную главу только библиографические картотеки, невольно создает ложное представление о том, что все дело только в этих картотеках. Естественно, что отсутствие главы о библиографическом аппарате в целом, в том числе и о каталогах не может дать правильного представления о месте и роли всех частей библиографического аппарата (каталоги, картотеки, библиографические пособия и т. д.).

Для практических работников библиотек понятие «справочно-библиографический аппарат» в первую очередь связано с каталогами (алфавитный, систематический). Кому неизвестно, что каталоги, их состояние определяют уровень справочно-библиографической работы любой библиотеки. С этой точки зрения заслуживает внимания и одобрения упоминаемое выше методическое пособие «Справочно-библиографическая работа районной библиотеки», где каталоги (систематический и алфавитный) рассматриваются как главная, основная часть библиографического аппарата (стр. 12). Но далеко не так решают этот вопрос другие авторы.

Характерной в этом отношении является книга А. М. Бочкаревой «Пропаганда литературы по вопросам коммунистической морали»,⁴ где подробно говорится об индивидуальной работе с читателем, дается очень много важных и полезных советов о широких возможностях применения всех массовых форм пропаганды книги, но роль и значение библиографии в осуществлении этих мероприятий показаны односторонне. Во всех случаях настойчиво говорится лишь об использовании библиографических пособий; остальные важнейшие части библиографического аппарата библиотеки (каталоги и картотеки) оказались забытыми. Создается, естественно, ложное представление, что вся работа в библиотеках гор. Москвы осуществляется

¹ Амбарцумян З. Н. Систематический каталог. М., Госкультпросветиздат, 1954. 216 стр.

² Шамурин Е. Новое пособие по классификации. — «Библиотекарь», 1955, № 9, стр. 44.

³ Денисьев В. Н. Общая библиография. М., Госкультпросветиздат, 1954. 224 стр.

⁴ М., Госкультпросветиздат, 1955. 88 стр.

только с помощью библиографических пособий, минуя каталоги и картотеки.

Такой отрыв каталогов от всех других частей библиографического аппарата характерен не только для указанных выше пособий. Например, в книге Р. О. Тальмана «Государственная Публичная библиотека Таджикской ССР им. Фирдоуси»¹ справедливо указывается, что «многообразие читательских запросов и необходимость оперативного их выполнения требует хорошо организованного справочного аппарата» (стр. 58), но далее, при перечислении всех составных частей этого аппарата, каталоги не упоминаются. Как в этой библиотеке осуществляется справочно-библиографическая работа, помимо каталогов, остается непонятным.

Иначе решается вопрос о каталоге в лекции для студентов-заочников «Пропаганда естественнонаучной литературы в библиотеках»² В. В. Гнучевой. В особом разделе этой лекции (стр. 15—19) автором показано значение всего библиографического аппарата библиотеки в целом (каталоги, картотеки, библиографические пособия), а не вырвана искусственно какая-то лишь одна его часть, как это сделано в книге А. М. Бочкаревой и книге Р. О. Тальмана.

В брошюре М. А. Лазарева «Навстречу читателю»³ в разделе «День библиографа» подчеркивается особое значение каталогов в справочно-библиографической работе Горьковской областной библиотеки. «Одним читателям, — пишет автор, — библиограф отвечает тотчас же, другим, посмотрев карточки каталога» (стр. 23). Правильно ставится вопрос о каталоге в брошюре Л. А. Шамкевич «Справочно-библиографическая работа Тихорецкой районной библиотеки».⁴ «Систематический каталог, — пишет автор, — библиографические картотеки и указатели помогли работникам библиотеки в организации всей справочно-библиографической работы» (стр. 12).

Противоречиво решается вопрос и об общей картотеке журнальных и газетных статей. Н. Н. Дроздова в брошюре «Работа с газетой и журналом в сельской библиотеке»⁵ считает целесообразным иметь общую картотеку журнальных и газетных статей не только в районной, но даже в сельской библиотеке.

В брошюре Е. П. Коршуновой вопрос об общей картотеке журнальных и газетных статей ставится совершенно опреде-

¹ Сталинабад, 1954. 88 стр.

² М., Госкультпросветиздат, 1955. 32 стр.

³ М., Госкультпросветиздат, 1953. 64 стр.

⁴ Краснодар, 1954. 32 стр.

⁵ М., 1954. 48 стр. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Научно-методический кабинет библиотековедения).

ленно: «обязательным дополнением к каталогам книг является картотека журнальных и газетных статей» (стр. 15). За организацию такой общей картотеки выступает и М. П. Гастфер;¹ однако не так решается этот вопрос в книге В. Н. Денисьева.² В главе IX «Составление библиографических картотек в массовых библиотеках» (стр. 195—213), в частности, указывается, что: «...целесообразность составления общей картотеки газетных и журнальных статей в условиях не только сельской, но и районной библиотеки вызывает сомнение» (стр. 200). Мотивируется это «сомнение» двумя обстоятельствами:

1. Материалы этой картотеки нередко в значительной мере дублируют систематический каталог библиотеки и тематические рекомендательные картотеки.

2. Ведение общей картотеки журнальных и газетных статей, отнимающее много времени и сил, является невыполнимой задачей для районных библиотек.

Оба эти обстоятельства не имеют никакого отношения к действительному положению. Во всех районных библиотеках г. Ленинграда, Кировской, Псковской, Вологодской, Астраханской, Свердловской, Молотовской и др. областей нам не приходилось наблюдать, чтобы в общих картотеках журнальных и газетных статей отражались книги; таким образом не может быть дублирования каталога. Если это и имеет место, то только в крупных библиотеках, да и те исправляют эту ошибку.

Неверно ставится вопрос о том, что общая картотека дублирует не только систематический каталог, но и тематические рекомендательные картотеки. На самом деле все обстоит как раз наоборот. Тематические картотеки дублируют материалы систематического каталога и общей картотеки и действительно отнимают много времени и сил, а основной аппарат (систематический читательский каталог и общая картотека журнальных и газетных статей) находится в запущенном состоянии. Отрицая целесообразность общей картотеки журнальных и газетных статей для районной библиотеки, автор неизбежно преувеличивает значение тематических картотек, толкает библиотечных работников на такой путь организации библиографического аппарата, который давно уже отвергнут в практике советских библиотек.³

¹ Гастфер М. П. Библиографические картотеки в массовых библиотеках. М., Госкультпросветиздат, 1953. 32 стр.

² Денисьев В. Н. Общая библиография. М., Госкультпросветиздат, 1954. 224 стр.

³ См. передовую статью «Против формализма в библиотечной работе» — «Библиотекарь», 1953, № 6, стр. 2.

«Сомнение» В. Н. Денисьева в целесообразности ведения общей картотеки журнальных и газетных статей находится в противоречии с действительным состоянием библиографического аппарата этих библиотек. Достаточно сказать, что в 31 районной библиотеке сельской местности Ленинградской области и 9 районных библиотеках в таких городах, как Волхов, Выборг, Гатчина и др. систематические каталоги имеются только в 6 из 40 библиотек, а общие картотеки журнальных и газетных статей — в 17 из 40.

В Ленинграде все районные библиотеки имеют общие картотеки журнальных и газетных статей. Значит сама жизнь, условия работы библиотек настоятельно требуют создания такой общей картотеки. Практические работники библиотек справедливо замечают, что систематическая расстановка книг на полках позволяет подбирать читателям книги и брошюры на интересующие темы; кроме того есть и такие пособия, как: «Каталог районной библиотеки» и «Рекомендательный каталог сельской и колхозной библиотеки», тогда как без общей картотеки журнальных и газетных статей разыскание материалов из периодики связано с большими трудностями. Вот почему в библиотеках Ленинградской области, да и других областей, пока еще не удалось создать систематического каталога, а общие картотеки стали обычным явлением. Заведующая Чановской районной библиотекой Новосибирской области рассказывает: «если теперь ко мне обращается читатель с просьбой подобрать литературу, а книг на эту тему в библиотеке нет, я не теряюсь, как прежде, иду к картотеке журнальных и газетных статей и вместе с читателем подбираю нужный ему материал».¹

Следует заметить, что наиболее ярко и убедительно, почему не следует в библиотеках увлекаться этими тематическими картотеками, не делать лишней и никому ненужной работы, а серьезно заняться систематическим читательским каталогом и общей картотекой, показано у самого автора.

«Возьмем для примера, — пишет В. Н. Денисьев, — рекомендательную картотеку на тему «Советский общественный и государственный строй». Эта картотека может состоять из следующих разделов:

I. Коммунистическая партия Советского Союза — руководящая и направляющая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма.

II. Советское государство — самое демократическое и самое прочное государство в мире.

¹ Из брошюры Е. П. Коршуновой. Справочно-библиографическая работа районной библиотеки. М., 1954, стр. 16.

III. Нерушимый союз рабочего класса и крестьянства — основа прочности советского строя...» и др. (стр. 207—208).

Организация подобной картотеки с таким обилием тем фактически потребует продублировать значительную часть систематического каталога и общей картотеки. Сам автор указывает, далее, что все книги можно найти в каталоге. Заметим от себя, что все статьи из газет и журналов можно с таким же успехом найти за этими делениями в общей картотеке, если они организованы по одной схеме с систематическим каталогом. Чем же вызвана необходимость снова дублировать такое обилие материалов? Разумно и реально ли ставить перед работниками районной библиотеки, с их ограниченными возможностями, такую задачу? Очевидно, что нет! Оказывается, это нужно для того, чтобы «преодолеть несовершенства десятичной классификации и актуальные материалы, разбросанные по различным разделам и рубрикам каталога, представить комплексно...» (стр. 208).

Далее, если А. В. Кленов¹ в лекции для студентов-заочников по курсу «Библиотечные каталоги» пишет: «В некоторых случаях библиотеки ведут излишние библиографические картотеки, не используя в достаточной мере картотек выданных справок и **печатные библиографические указатели**» (подчерк. мною С. К.), то В. Н. Денисьев пишет как раз наоборот, указывая, что «наличие серии кратких рекомендательных списков литературы «Что читать о советском общественном и государственном строе», изданных библиотекой СССР им. В. И. Ленина, облегчает составление картотек на ту же тему» (стр. 209).

Несколько выше, в книге В. Н. Денисьева совершенно справедливо отмечено: «Бывает даже так, что материалы, рекомендуемые в библиографических пособиях, переписываются на карточки и таким путем создаются картотеки, требующие больших затрат времени и сил, а по существу дублирующие печатные пособия» (стр. 197).

В результате получается, что из одного и того же факта делаются исключаящие друг друга выводы.

Следует также отметить, что вся аргументация необходимости создания в библиотеках тематических рекомендательных картотек обосновывается недостатками систематического каталога.

Настоятельно подчеркивается, что «тематическая рекомендательная картотека позволяет преодолеть несовершенство десятичной классификации» (стр. 208), что в систематическом каталоге «может оказаться мало литературы, так как в нем

¹ Кленов А. В. Система каталогов советской библиотеки. М., Госкультпросветиздат, 1953. 32 стр.

отражаются главным образом книги» (там же), что в тематической картотеке можно «произвести более подробный отбор литературы: в большем объеме дать аналитические описания высказываний классиков марксизма-ленинизма, шире представить журнальные статьи» (там же) и, наконец, картотека «позволяет держать читателей в курсе всего нового, что возникает в той области общественной жизни, культуры, производства, которой посвящена картотека» (там же).

Но почему именно лишь картотека может успешно решить все задачи активной пропаганды книги, а систематический каталог не может? Почему нельзя в систематическом каталоге «производить более подробный отбор литературы», в большем объеме отражать высказывания классиков марксизма-ленинизма, шире представить журнальные статьи? Рекомендую создавать тематические картотеки, автор исходит из ложного представления, что только они позволяют держать читателя в курсе всего нового. Но тогда возникает вопрос, какова же ценность систематического читательского каталога если он не отвечает перечисленным выше требованиям? Представляется принципиально неправильным примирять библиотечных работников с имеющимися недостатками каталогов, уводить в сторону от решения важнейшей задачи — сделать каталог действенным средством пропаганды книги и руководства чтением.

Тематические рекомендательные картотеки, при хорошей организации систематического каталога и общей картотеки, должны занять куда более скромное место, чем об этом пишет В. Н. Денисьев.

По-разному решается вопрос и о расположении материала в общей картотеке. Так, например, Е. П. Коршунова пишет: «Внутри рубрик карточки расставляются по годам: впереди ставятся карточки на статьи за текущий год, а внутри года — за текущий месяц (в обратном-хронологическом порядке). Таким образом, на первом месте стоит самый новый материал. Расстановка по алфавиту в данном случае нецелесообразна» (стр. 23). Такой же точки зрения придерживается и М. П. Гастфер. А. В. Кленов в вышеупомянутой лекции для студентов-заочников лишь констатирует: «Внутри рубрик также применяется либо алфавитная, либо обратном-хронологическая расстановка материала» (стр. 19).

В. Н. Денисьев настаивает на давно отвергнутом большинством библиотек алфавитном расположении. Если в крупных библиотеках (Свердловская Публичная библиотека, Кировская областная б-ка и др.) еще применяют алфавитное расположение в рубриках общей картотеки, то в районных библиотеках такого расположения материалов наблюдать не приходилось.

Нет единства во взглядах не только на расположение материалов в общей картотеке, но и на ее наполнение. В методическом пособии Е. П. Коршуновой отмечается, что общая картотека журнальных и газетных статей отражает статьи из периодики. С этой точкой зрения согласен и М. П. Гастфер. «Как правило, — пишет он, — книги в общую библиографическую картотеку включать не следует: библиографическая картотека должна дополнять каталог, а не дублировать его» (стр. 10), но далее автор считает необходимым отступить от этого правила и включить в рубрики общей картотеки высказывания классиков марксизма-ленинизма, партийные и правительственные документы и выступления руководителей партии и правительства.

В. Н. Денисьев, как можно понять из текста его пособия (стр. 206), исходит из того, что в общей картотеке журнальных и газетных статей должны находить отражение и книги.

Такое противоречивое решение в учебной и методической литературе основных принципиальных вопросов, касающихся организации библиографических картотек, не может быть признано нормальным.

Разнобой в вопросах теории дезорганизует работу библиотек, открывает дорогу к кустарщине и путанице.

Единство цели всего библиографического аппарата сближает каталоги, картотеки и рекомендательные библиографические пособия; и то, и другое, и третье решает одну задачу — задачу активной пропаганды книги и руководство чтением.

Единство цели библиографического аппарата, с одной стороны, и большое разнообразие существующих видов каталогов, — с другой стороны, с особой силой подчеркивает важнейшую проблему — установление четкой системы составляемых каталогов и картотек, всего справочно-библиографического аппарата. Пока же в практике работы библиотек нет такой единой системы в библиографическом аппарате; нет единого и четкого решения ряда серьезных вопросов и в теории.

Как показано было выше, одни и те же вопросы, в учебной и методической литературе, решаются по-разному.

Вырисовываются две точки зрения. Одни считают, что библиографический аппарат библиотеки должен быть подчинен единой системе, при ведущей роли систематического читательского каталога; другие разывают библиографический аппарат по частям, не ищут путей усиления роли систематического читательского каталога, как активного средства пропаганды книги и руководства чтением, а толкают библиотеки на создание всевозможных картотек, дублирующих в значительной части материалы из каталога.

При таком разном во взглядах в теории и практике, с особой силой выступает необходимость положительного решения вопроса о создании единого систематического читательского каталога книг и статей, как наиболее эффективного и рационального пути создания такого библиографического аппарата, который обеспечит наилучшее выполнение задач библиотеки по руководству чтением и пропаганде актуальной литературы, применительно к профилю библиотеки, к потребностям читателей в книге. Создание единого читательского каталога положит конец путанице и кустарщине, глубоко проникшим в каталоги и картотеки библиотек, упростит аппарат, сделает его доступным и понятным читателям, усилит его рекомендательный характер.

Н. А. ТАМАНЦЕВ
Кафедра литературы

К ВОПРОСУ О ТИПОВОЙ СХЕМЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО КАТАЛОГА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МАССОВОЙ БИБЛИОТЕКЕ*

Художественной литературе принадлежит исключительно важная роль в воспитании эстетических вкусов и нравственных идеалов советских людей, в формировании коммунистического сознания нашего народа. С каждым годом издательства увеличивают объем и круг изданий художественной литературы, с каждым годом возрастают ее фонды в библиотеках страны. Около одной трети всех книговыдач в библиотеках падает на художественную литературу. Интерес к литературе у нас настолько велик, что читатель зачастую, не ограничиваясь ознакомлением с произведением того или иного автора, стремится составить себе представление о творчестве заинтересовавшего его писателя в целом, а иногда продолжает после этого планомерно знакомиться с литературой эпохи, когда жил и творил писатель. Самый любознательный и требовательный в мире, наш читатель стремится к расширению своих познаний в области истории и теории литературы, и библиотеки должны активно идти навстречу этому законному желанию, квалифицированно руководя чтением. Такое руководство невозможно без наличия в массовой библиотеке научно организованного систематического каталога художественной литературы и истории литературы.

В пропаганде книги, в руководстве чтением и самообразованием читателя систематическому каталогу принадлежит одно из ведущих мест, и поэтому принципы его построения представляют одну из актуальных проблем библиотековедения.

Действующая система десятичной классификации, несмотря на ряд переработок и дополнений (в частности таблицы Л. Н. Троповского), не отвечает передовым научным требованиям и, следовательно, становится серьезным препятствием на пути дальнейшего развития библиотечного дела в стране. Создание единой советской библиотечной классификации, основанной на марксистско-ленинской методологии, является одной из основных задач библиотековедения. Как известно, в

* Печатается в порядке обсуждения.

1948 году решением Всероссийского совещания библиотечных работников разработка новой классификации для научных, областных и районных библиотек была возложена на Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Библиотекой уже создан ряд проектов классификации, некоторые принципы и варианты которой опубликованы в печати.¹

Для того чтобы быть средством пропаганды книги, систематический каталог должен строиться в соответствии с системой той или иной области знания и осуществлять рекомендацию книг не только наполнением каталога, но и таким расположением материала, которое давало бы более или менее точное представление о круге вопросов в их исторической и логической взаимосвязи в данной отрасли знания.² Тем самым, систематический каталог по принципу построения должен приближаться к рекомендательной библиографии, выполняя ту же роль, что и рекомендательные библиографические пособия. Поэтому следует присоединиться к точке зрения Л. Левина о необходимости приближения читательского систематического каталога к библиографическому пособию.³

Своим общим построением, взаимосвязью отделов и рубрик, характером расположения печатных изданий — всей совокупностью этих элементов, наряду с отдельными изданиями или группой книг, в нем отраженных, систематический каталог осуществляет руководство чтением читателя и способствует повышению квалификации библиотекаря и библиографа. Вот почему такое решающее значение приобретает организация систематического каталога не по формальному, а по логическому признаку и его структурное приближение к классификации данной отрасли знания.

Особенно существенным соблюдение этого принципа систематизации оказывается в области гуманитарных знаний и искусства, и в частности, художественной литературы и литературоведения. Классификация этих двух отделов осуществляется в наших библиотеках по национальному и хронологическому признаку.

Однако, несмотря на то, что этот признак в целом выдержан, и систематический каталог массовых библиотек строится в соответствии с периодизацией историко-литературного процесса, все же основной признак нередко нарушается вне-

¹ Тесленко О. П. О проекте библиотечной классификации. — «Советская библиография», вып. 36, 1954; Таблицы библиотечной классификации для массовых библиотек (проект). М., 1955.

² Предлагаемый принцип систематизации не касается расстановки книг на полках, которая может осуществляться по принятой схеме.

³ Левин Л. Систематический каталог как рекомендательное библиографическое пособие. — «Библиотекарь», 1953, № 5—6, стр. 33.

сением в систематизацию материала формального элемента. Принципы организации систематического каталога художественной литературы и литературоведения стали в послевоенные годы предметом исследовательской работы и темой ряда статей,¹ авторы которых разработали многие стороны проблемы. Тем не менее далеко не все вопросы организации систематического каталога художественной литературы поставлены, а те, которые поставлены, не всегда удачно решены.

Так, весьма существенным является вопрос о расположении в каталоге литературы отдельных народов. Во всех библиотеках и в действующих системах библиотечной классификации принята следующая классификация литературы: литература народов СССР (в том числе русская и других народов СССР), литература народов зарубежных стран с последовательным выделением литературы стран народной демократии и других зарубежных стран (капиталистических, колониальных и зависимых) и в конце отдела античная литература.² Подобное комплексование национальной литературы не соответствует историческому месту и функции каждой литературы в мировом литературном процессе. Если выделение литературы народов СССР в первый комплекс не вызывает возражений, то принятое расположение литературы зарубежных стран и место античной литературы в каталоге представляется принципиально ошибочным. Прежде всего, совершенно необъяснимо помещение античной литературы в конец всего отдела. Оно не может быть оправдано никакими соображениями. Необосновано и введение рубрики «литература стран народной демократии». Сторонники включения этой рубрики приводят в качестве аргумента большой интерес читателя к этой литературе, вызывающий необходимость вынесения ее в каталоге на первое место среди другой зарубежной литературы; кроме того, указывается также на значительные достижения социалистического реализма в современной литературе стран народной демократии и на необходимость ее активной пропаганды среди читателей. Аргументы бесспорные, но не имеющие никакого отношения к историческому прошлому этой литературы, отражаемому в том же разделе каталога. Поэтому в инструкции «Об организации читательских каталогов в массовых библио-

¹ Жак Д. К. Художественная литература в каталогах областной библиотеки. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951.

Амбарцумян З. Н. Классификация художественной литературы. Лекция для студентов-заочников. М., 1952.

Его же, Систематический каталог. М., 1954, и др.

² См. Схема библиотечной классификации. М., 1955, с 101—102. С небольшими изменениями эта схема повторена в «Таблицах...», 1955, стр. 38—39.

теках» (1951 г.) и в новой советской классификации книг комплексов литературы стран народной демократии отвергнуто, хотя в «Таблицах классификации для массовых библиотек» допускается возможность выделения этого комплекса.¹ То же самое относится и к рубрикам «Литература колониальных и зависимых стран» и «Литература капиталистических стран». Организованные по тому же внеисторическому признаку, они нарушают логику литературного процесса и, следовательно, дезориентируют читателя.

Другим нарушением исторического принципа построения каталога является произвольность периодизации отдельной национальной литературы. Так, в «Каталоге районной библиотеки» (изд. 1953 г.) отдел Р1 разбит на три раздела: древнерусская литература, литература XVIII века и литература XIX—XX века, из которых последний построен не на исторической основе, а путем механического объединения писателей разных литературных периодов в одну рубрику по формальному признаку дат их жизни. Советская литература (Р2) вообще лишена периодизации, и произведения расположены в алфавите их авторов. Литература других народов СССР и зарубежных стран систематизирована, лишь по национальному признаку.

Раздел «литературоведение» строится либо по той же ошибочной периодизации, либо вовсе ее не имеет, а карточки расположены в алфавите фамилий авторов литературоведческих работ, а не авторов художественных произведений. Если разделами Р1 и Р2 читатель может еще пользоваться, так как в подавляющем большинстве случаев он ищет книгу по фамилии автора, то разделы 8Р, 8И, И, НД представляют пеструю смесь имен, в которой не квалифицированный читатель не способен разобраться, и в этом ему не всегда может помочь библиотекарь, не имеющий специальной подготовки.

В практике массовых библиотек нередко нарушается даже самая общая систематизация литературы. Так, например, в Ленинградской Центральной городской библиотеке им. В. Маяковского классификация соблюдена только в отделе 8, что же касается художественной литературы, то она представлена лишь в алфавитном каталоге всей художественной литературы на русском языке. В каталогах Куйбышевской районной библиотеки им. А. Блока г. Ленинграда систематизация художественной литературы соблюдена, но история и критика литературы расположены в алфавите литературоведческих ра-

¹ «Таблицы... (проект), с. 39. Таким образом, несмотря на очевидную нецелесообразность комплекса литератур НД, вопрос о нем все еще остается нерешенным (см. Амбарцумян З. Н. Классификация художественной литературы, с. 12 и его же статья «Классификация художественной литературы». — «Библиотекарь», 1953, № 7, с. 32).

бот по каждой национальной литературе. Для того, чтобы найти, например, работы Н. Вильмонта и М. Шагинян о Гете, читатель должен пересмотреть весь отдел каталога, насчитывающий не меньше 50 карточек.

Из сказанного очевидно, что коренным пороком построения систематического каталога является практически узаконенная подмена систематического принципа расположения литературы, авторов и их произведений формальным, преимущественно алфавитным. В защиту этого принципа выступает автор упомянутой выше диссертации Д. Жак. Она пишет: «Наличие в каталоге крупных разделов с алфавитным расположением материала внутри них... приближают систематический каталог художественной литературы к алфавитному. Тем самым в значительной степени снижается потребность в самостоятельном алфавитном каталоге художественной литературы».¹

Между тем это приводит к уничтожению всей специфики и назначения систематического каталога, одна из важнейших задач которого сводится к квалифицированной рекомендации книги и руководству чтением и самообразованием читателя. В результате читатель, обращающийся к систематическому каталогу за рекомендацией книги и с целью самообразования, не получает нужного ему руководства, и пользуется систематическим каталогом, как каталогом алфавитным. Не случайно многие библиотеки не организуют у себя алфавитного каталога, предусмотренного «Инструкцией об организации читательского каталога» (1951 г.), рассчитывая в этом смысле на «помощь» каталога систематического. Неверный и опасный расчет!

В качестве довода в пользу столь произвольного и преимущественно алфавитного построения систематического каталога приводится обычно простота пользования каталогом, удобство подобного построения для комплектования. С первым соображением невозможно согласиться, так как алфавитный принцип делает систематический каталог неудобным и даже трудным в использовании его читателем, который предпочтет для нахождения книг известного ему автора алфавитный каталог. Что же касается комплектования книг, то это вообще, не может служить аргументом, поскольку систематический каталог предназначен в первую очередь для выбора книг.

Наконец, систематический принцип в каталоге нарушается так же и тем, что в переработке десятичной классификации и в предложенном Государственной библиотекой им. В. И. Ленина проекте новой классификации для массовых библиотек, художественная литература оторвана от истории литературы и

¹ Ж а к Д. К. Художественная литература в каталогах областных библиотек. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951, стр. 6—7.

критики.¹ Возражая против объединения обоих отделов З. Амбарцумян мотивирует свою точку зрения тем, что подобное комплексирование художественной литературы и критики затруднит будто бы пропаганду литературы, так как «растворит ее в научной литературе по вопросам литературоведения».² Соображение малоубедительное, ибо при несоизмеримости книжных фондов по тому и другому отделу не может быть и речи о каком-либо «растворении» литературы в критике; более того, пропаганда и рекомендация литературы от сближения обоих отделов не только не проиграет, но значительно выиграет.³ Рекомендую книгу в тесной связи с критической литературой о ней, библиотекарь сможет более квалифицированно осуществлять руководство чтением, поставить ознакомление с литературой на прочную историческую основу, привлечь внимание читателя к критической литературе. Рекомендацию художественных текстов, оторванную от марксистско-ленинского осмысления историко-литературного процесса, следует признать и методически и методологически неправильной и совершенно неприемлемой для советских массовых библиотек. Необходимость самого тесного сближения критических работ и художественных текстов очевидна и обязательна не только для массовых, но и для научных библиотек.⁴

Наиболее убедительным доводом против последовательно проведенной систематизации в каталоге по историческому принципу является отсутствие твердо установленной периодизации художественной литературы, с одной стороны, и недостаточная подготовленность библиотекарей массовых библиотек в области истории литературы — с другой. Вот почему, приняв во внимание, что в штате библиотек не всегда предусмотрены библиотекари-отраслевики и что, таким образом, нет возможности рассчитывать на создание каталога силами самих библиотек, Государственная библиотека им. В. И. Ленина приступила к разработке типовой схемы систематического каталога. Однако, в отличие от схемы для научных и специальных библиотек, проект «Таблиц» для массовых библиотек, вводящий

¹ «Таблицы...» (проект), стр. 78.

² Амбарцумян З. Классификация художественной литературы. Лекция для заочников. М., 1952, стр. 10.

³ При этом под критической литературой следует понимать не только книги, но также статьи и рецензии, в которых обычно содержится научно-значительный материал, не уступающий в ряде случаев монографическим исследованиям. Предложение Л. Левина (цит. соч., стр. 30) о слиянии читательского систематического каталога с картотекой журнально-газетных статей следует признать весьма уместным и своевременным.

⁴ В проекте новой классификации для специальных и научных библиотек это сближение предусмотрено, но не проведено с полной последовательностью.

новую классификацию, по существу, повторяет схему ныне действующей десятичной классификации, и построен с теми же ошибками и нарушениями в части систематического принципа, что и все предыдущие классификации.¹

Таким образом необходимость разработки типовой схемы для систематического каталога художественной литературы и литературоведения в массовой библиотеке давно назрела и является одной из неотложных задач библиотекведения, подчиненной общей задаче создания единой советской библиотечной классификации.

Эта типовая схема должна, как нам представляется, опираться на следующие принципы:

1. Классификация литературы отдельных народов соответствует историческому месту и роли ее в мировом литературном процессе, а классификация каждой национальной литературы подчинена исторической периодизации данной литературы.

2. Работы классиков марксизма-ленинизма, произведения русской классической критики, так же как и вся критическая литература даются в самом тесном сближении с художественными текстами.

В соответствии с этим наиболее целесообразной представляется следующая схема, в основу которой положено расположение литературы по национальному и историческому признаку:

Литература народов СССР (русская и других народов СССР).

Античная литература (в том числе литература народов Древнего Востока).

Зарубежная литература

а) литература народов Европы

б) литература народов Азии, Африки и Австралии

в) литература народов Америки.

Внутри каждого из этих разделов литература располагается по алфавиту стран или народов, впредь до разработки иной научно-обоснованной классификации.

Внутри каждого отдела национальной литературы соблюдается историческая периодизация данной литературы. Таким образом, во всех отделах художественная литература начинается произведениями фольклора, а отделы, отражающие художественную литературу стран народной демократии заканчиваются разделом «Литература периода народной демократии».

¹ Ср. «Таблицы...» (проект) с. 38—39 со «Схемой библиотечной классификации», с. 93 и 101.

Например:

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Фольклор.
2. Польская литература 1790—1863 годов.
3. Польская литература 1864—1917 годов.
4. Польская литература 1918—1945 годов.
5. Литература Польской народной республики.

Каждый период истории национальной литературы начинается библиографией, после которой следуют литературоведческие работы:

1. Библиографические материалы.
2. Критическая литература, касающаяся общих проблем литературы данного периода.

а) Произведения классиков марксизма-ленинизма и классиков русской критической мысли.

б) Книги и статьи обзорного характера и рецензии на них, расположенные от более популярных к специальным, и от общих к частным проблемам данного периода. (Возможные расхождения в практике отдельных библиотек не сыграют существенной роли).

За этим следуют художественные тексты:

3. Художественная литература.

В каждом разделе художественных текстов авторы располагаются в соответствии с их местом в литературном процессе данной страны, причем произведения авторов, работающих на протяжении, скажем, двух периодов, отражаются либо в периоде, для которого наиболее существенно творчество писателя, а в другом периоде помещается ссылочная карточка, либо в обоих отделах, соответственно хронологии опубликования произведения. В этом случае на разделителе указывается «до . . . года».

Например:

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Французская литература XIX—XX века
(1871 — 1917)

Э. Потье
Ж. Валлес
Э. Золя
Г. Мопассан
А. Додэ
Ж. Верн
А. Франс
Р. Роллан (до 1917 года)
А. Барбюс (до 1917 года)
и т. д.

Французская литература XX века
(с 1918 года до наших дн.)

Р. Роллан (с 1918 года)
А. Барбюс (с 1918 года)
Ж-Р. Блок
П. Вайян-Кутюрье
Л. Арагон
П. Элюар
и т. д.

Внутри каждого раздела, посвященного тому или иному писателю литература располагается в такой последовательности:

1. Библиографические материалы о данном авторе.
2. Критическая литература о данном авторе.

а) Классики марксизма-ленинизма и классики русской критической мысли.

б) Книги и статьи, а также рецензии на них, касающиеся биографии и творчества автора в целом. В том случае, когда в указанных материалах наличествуют значительные факты и наблюдения, относящиеся к конкретному произведению автора, карточку рекомендуется дублировать в разделе «3» § в).

Материалы о каждом авторе располагаются от работ более популярных к специальным и от общих к частным.

3. Произведения автора.

а) Собрания сочинений с рецензиями на них (в обратном хронологическом порядке изданий).

б) Избранные произведения с рецензиями на них (в обратном хронологическом порядке изданий).

в) Отдельные произведения (в хронологии их опубликования или написания), театральные инсценировки, киносценарии, музыкальные переложения и т. п. с критическими статьями и рецензиями, посвященными отдельным произведениям.

Например:

БАЛЬЗАК ОНОРЕ (1799 — 1850)

1. Библиографические материалы.

О. Бальзак. К 150-летию со дня рождения. Обзор жизни и творчества. Библиография. М., 1949.

2. Классики марксизма-ленинизма
и классики русской критической мысли

Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1953.

Энгельс Ф. Письмо к М. Гаркнесс. Избранные письма. М., 1948.

Пушкин — критик. Сборник. М., 1950.

Резник Р. Белинский о Бальзаке. — Уч. зап. Сарат. ун-та. Т. XXXIII, 1953.

и т. д.

Критическая литература

Пузиков А. Оноре Бальзак. Критико-биографический очерк. М., 1950.

Елизарова М. Оноре Бальзак. Критико-биографический очерк. М., 1951.

Анисимова К. За глубокое изучение творчества Бальзака. — Звезда, 1953, № 1, (рецензия на книги А. Пузикова и М. Елизаровой).

Ивашева В. Бальзак. В кн.: Курс лекций по истории западно-европейской литературы XIX века, кн. 1-я. М., 1950.

Муравьева Н. О. Бальзак. Пособие для учителей. М., 1951. Глава: О. Бальзак.

Рензов Б. Творчество Бальзака. Л., 1939.

Самарин Р. Бальзак и французское рабочее движение 30—40-х гг. XIX века. — Уч. записки Института мировой литературы им. Горького № 1, 1952.

Ловцова Р. Политические и социальные очерки Бальзака 30-х гг. XIX в. — Уч. записки Московского Педагогического Института им. В. И. Ленина, т. 86, вып. 2, 1954.

3. Произведения Бальзака

Бальзак О. Собрание сочинений в 15-ти томах т. 1—15. М., 1951—1955.

Бальзак О. Избранные произведения. М., 1950.

Бальзак О. Об искусстве. М., 1940.

Бальзак О. Шуаны или Бретань в 1799 году. М., 1947.

Рензов Б. Проблемы исторического романа у Бальзака. — Уч. записки ЛГУ 1948, вып. 13.

Бальзак О. Шагреневая кожа. М.—Л., 1936.

Раскин Б. Философская повесть Бальзака «Шагреневая кожа». — Вестник ЛГУ, № 10, 1950.

Бальзак О. Отец Горно. Детгиз, 1950.

Бальзак О. Отец Горно (инсценировка по роману).

Муравьева Н. О. Бальзак. М., 1951 (глава об «Отце Горно») (дубликат карточки).

и т. д.

Указанные принципы построения систематического каталога, думается, могут быть положены в основу дальнейшей работы над составлением типовой схемы классификации художественной литературы и литературоведения для каталогов массовых библиотек.

К составлению такой схемы должны быть привлечены коллективы крупных библиотек и научно-исследовательских институтов страны.

В. Г. АНАСТАСЕВИЧ И ВОПРОСЫ ТЕОРИИ БИБЛИОГРАФИИ

I

В течение длительного времени несколько слов П. И. Кеппена о статье В. Г. Анастасевича, помещенной в первом номере журнала «Улей», были, в сущности, единственным печатным упоминанием о взглядах Анастасевича на библиографию.¹ Развернутое изложение той же статьи «О библиографии», дал в 1915 г. Н. К. Замков.² Наконец, Н. В. Здобнов — опять таки на основании лишь этой статьи — характеризовал взгляды Анастасевича как истолкование библиографии в просветительском духе; при этом Н. В. Здобнов резко разграничил историческую и теоретическую части статьи. Оценивая историческую часть как слабую, он считал, что часть теоретическая положила начало «просветительному течению в русской библиографии, которое впоследствии пользовалось значительным влиянием, поднявшись на большую принципиальную высоту». Иными словами, Анастасевич оказывался прямым предшественником М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. А. Добролюбова, ибо именно о них говорится в книге Н. В. Здобнова в связи с «просветительным течением» в русской библиографии середины XIX в.³

Несомненной заслугой Н. В. Здобнова является его попытка раскрыть передовой смысл теоретической позиции Анастасевича. Но характеристика, данная Н. В. Здобновым, и в целом, и в деталях нуждается в уточнении и даже в серьезных поправках. Взгляды Анастасевича заслуживают более подробного изучения. Ни разрывать статью «О библиографии» на две части, ни ограничивать ею рассмотрение взглядов Анастасевича никак не приходится.

¹ См. Кеппен П. И. Материалы для истории просвещения в России. № 1. Обзорные источники для составления истории российской словесности. СПб., 1819, стр. 53.

² См. Замков Н. К. «Улей». Журнал В. Г. Анастасевича. — В кн.: *Sertum bibliologicum*... Пб., 1922, стр. 52—54.

³ Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до XX века. М., 1944—1947. Т. I, стр. 111—114, 127—128; Т. II, стр. 7—8, 30—32, 37—38. Во 2-м издании ряд мест на этих страницах радикально переделан. (Срв. стр. 137—140, 156, 254—255, 279—281, 287—288).

П. А. Ефремов считал, что «Анастасевич первый положил начало русской библиографии в своем журнале».¹ Это, понятно, неслыханное преувеличение. Н. К. Замков назвал «Улей» первым русским литературно-библиографическим журналом. И это неточно. Однако названия «литературно-библиографического» он, действительно, заслуживает.

Согласно программе, опубликованной Н. К. Замковым, для библиографии в «Улье» должен был быть выделен специальный отдел «Био и библиографические замечания или известия о жизни и трудах писателей Российских и Польских». Реально библиографическое содержание журнала было значительно шире. Во-первых, в самом этом отделе Анастасевич вовсе не ограничился био-библиографическими замечаниями, во-вторых, библиография пронизывала и прочие отделы.

Некоторые статьи, посвященные истории, воспитанию, лингвистике представляли собой, в сущности, обзоры основной литературы по данному вопросу. Таковы, например, статьи «Не-что об истории вообще», «О словарях» (переводная) и др. Много библиографических примечаний встречаем мы при других статьях и даже при некоторых стихотворениях. Особенно насыщены библиографией примечания к переводам польских историков. Переводы эти печатались тематически, с сопоставлением мнений разных авторов (как польских, так и русских) об отдельных исторических событиях. Поэтому примечания превращались здесь подчас в прямую библиографию вопроса.

Таким образом, для истории русской отраслевой библиографии «Улей» представляет определенную ценность. Репутация Анастасевича как ученого библиографа в значительной степени сложилась в результате появления конкретных библиографических материалов в «Улье»; именно с начала десятых годов встречаются в печати упоминания о нем как авторитетном библиографе.

Но основное было сосредоточено в названном уже отделе «Био и библиографические замечания», которым, как явствует из программы журнала, Анастасевич собирался продолжать и дополнять «Опыт» Н. И. Новикова. Н. К. Замков характеризовал этот отдел весьма неточно: «Кроме двух статей историко-библиографического характера — писал он — (...), Анастасевич поместил в этом отделе множество библиографических очерков и статей: о Княжнине, Хераскове, Богдановиче, Сумарокове, Кантемире, гр. Д. И. Хвостове и о многих других русских и иностранных, преимущественно польских писателях и ученых».² Однако кроме перечисленных Н. К. Замковым имен

¹ «Голос», 1863, № 302.

² З а м к о в Н. К. Указ. соч., стр. 52.

в «Улье» даны справки не о «многих» русских писателях, а только о двух: ничем не замечательном члене Российской Академии Г. И. Шиповском (справка написана Хвостовым) и ректоре Харьковского университета И. С. Рижском. Итого — за оба года в журнале были помещены всего лишь восемь очерков и справок о русских деятелях.

Конечно, в условиях отсутствия точных фактических данных о многих крупных писателях конца XVIII—начала XIX вв., при отсутствии доброкачественных учебников по истории русской словесности (за исключением книги И. Борна «Краткое руководство к Российской словесности», 1808), даже эти случайные 8 справок сыграли бы некоторую роль, если бы журнал имел более широкий круг читателей. Некоторые из библиографических сведений в этих справках оставались ценными для специалистов довольно долго. И все же нельзя не отметить, что часто эти очерки были лишь указателями к изданиям сочинений писателей, даже просто оглавлениями этих изданий. Но и там, где давалось больше, чем оглавление, отсутствие какого-либо критического подхода, ограничение простым перечнем произведений и внешних событий в жизни писателя делало эти очерки абсолютно непохожими на «Опыт» Новикова, несмотря на многочисленные заимствования из него и отсылки к нему.

Подавляющая же часть библиографических очерков и справок в «Улье» была посвящена польским писателям и ученым. Для польского читателя эти очерки и справки представляли некоторый интерес, так как в большинстве случаев они были посвящены деятелям XVIII—начала XIX в.в., о которых в польской библиографии не было еще сведений. Русским же читателям справки эти давали мало. Правда, ряд значительных явлений в польской литературе был освещен Анастасевичем, но, в целом, выбор имен писателей и размещение справок—случайны, оценка либо вовсе отсутствует, либо ограничивается общими фразами, а множество деталей излишне. В одном из примечаний Анастасевич писал: «О польской словесности издатель надеется поместить со временем особенную статью и между тем собрал уже алфавит, содержащий около тысячи имен польских писателей, известных по изданным в свет своим сочинениям».¹ Очерки и справки, напечатанные в «Улье», были беспорядочной публикацией этого «алфавита».

Неизмеримо большее значение имеют помещенные в этом же отделе четыре статьи Анастасевича: «О библиографии», «Из французской библиографии. Барбье», «О начале ведомостей и повременных изданий (газет и журналов) в Европе» и «О повременных изданиях». Не только первую, но все эти

¹ «Улей», 1811, ч. 1, стр. 178—179.

статьи в совокупности надо рассматривать как зарождение теории в русской библиографии. Дополнением к ним является статья «О словесности (Литературе)», помещенная Анастасевичем в «Трудах Казанского общества любителей отечественной словесности». Все эти статьи — явный результат многолетних размышлений автора и его знакомства с многочисленными источниками.¹

Не случайно статьи по истории периодических изданий оказались помещенными в отделе «Био и библиографические замечания». В этих статьях Анастасевич развивал важнейшее свое положение — о критической библиографии как истинном начале библиографической деятельности.

В сущности, это же — центральный вопрос и статьи «О библиографии».

Анастасевич отказывается от привычной традиции вести начало библиографии от первых росписей книг «по названиям», хотя и не отрицает их пользы, и даже видит в них некие зародыши «сей науки и памятники успехов тиснения». Но поскольку задачу библиографии он определяет как «изображение сущности всех сочинений по их предметам», то наукой о книгах, по его мнению, библиографию можно назвать только с момента возникновения журналов. «А сии-то трудолюбивые пчелы, с умножением книгохранилищ и по мере вновь издаваемых творений, посвятившие свои труды и время, чтоб извлекая содержание или сущность оных, судом своим предохранить других от обмана по пышным только названиям книг, могут почестся основателями Библиографии». Исходя из этого, Анастасевич рассматривает парижский «Журнал ученых» («Journal des Savans») как первое издание положившее основание подлинно научной библиографии, и затем перечисляет аналогичные издания в разных странах, особенно отмечая немецкие «ученые ведомости»; вскользь, в примечании, упоминает он и русские журналы (Академии наук), содержащие «ученые известия».

Вместе с тем, Анастасевич подчеркивает ответственность библиографии и высокие требования к ней. Тонкость вкуса, ученость и вежливость, «одна любовь к науке» должны руководить библиографом; ученый журнал должен быть «судилищем критики и вкуса». Хотя Анастасевич и видит начало истинной библиографии в критических журналах, но вовсе ими не ограничивается, распространяя эти серьезные требования на

¹ «Улей», 1811, ч. I, стр. 14—28; ч. II, стр. 184—186; 1812, ч. III, стр. 99—106, 196—217. Все последующие цитаты из этих статей в данном параграфе приводятся без ссылок. — «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», кн. 1. Казань, 1815, стр. 296—308.

все виды библиографии; тем более существенное значение имели и имеют теоретические рассуждения Анастасевича.

Библиография как средство учета успехов просвещения, причем учета, обеспечивающего и облегчающего критическое рассмотрение литературы — основной тезис Анастасевича. «Если бы дан был вопрос: какая часть наук преимущественно возделана в России?, то разрешающему оный необходимо нужно было бы сперва знать, по какой части находится у нас больше сочинений, и каким образом какой предмет представлен. Но как для сего неудовлетворительны будут одни названия книг, то ему предлежало бы иметь по крайней мере точное об них понятие, дабы сделать сравнение, а из того вывести свое заключение, которое послужило бы ответом. Поелику же самому извлечь из множества книг содержание и дать об них суд — есть труд несоразмерный с силами немногих людей, а тем паче одного человека, то следовало бы ему искать готового пути, то есть: изображения сущности всех сочинений по их предметам. И сие то называется Библиографией, или книго-описанием, однако же только в теснейшем смысле».

Анастасевичу удалось найти слова, ярко и образно выражающие убеждение в общественной ценности труда библиографа, — слова, и сегодня звучащие с той же силой: «Таковых трудов их [библиографов], по видимому легких, чтоб только выписывать готовое, ни мало нельзя без несправедливости называть ремеслом *компиляторов* или, как просто говорится, живущих чужим добром. Но паче должно почесть истинною услугу для облегчения писателей и читателей, словарем творений, ручным и удобоносимым книгохранилищем, нитью Ариадны, руководствующею в неисходном лабиринте толико многих и толико различных мнений разных веков и умов, иногда об одном предмете, — мнений, коих всякому занимающемуся познанием оных надлежало бы самому искать в горах книг, для сличения с ними своего собственного, дабы вывести из того какое либо заключение. Разве трудолюбивая пчела не заслуживает наше уважение за собирание меду с толикою неуспеюсностию из бесчисленных полезных и вредных цветов, для составления приятного своего сота? — Разве искусный библиограф не достоин всей нашей благодарности за сбережение своим бдением нашего времени, за доставление нам средства, в краткие часы отдохновения, прейти обширное поприще сведений, собранных им под одну точку зрения?»

Бегло касается Анастасевич литературной критики в России, считая, что подлинное ее начало — в журналах Карамзина, и резко выступая против распространенных в журналистике начала XIX века методов разбора книг. «Выписки *строк и слов*, по крайней мере, можно назвать весьма сбивчивыми по-

нениями о *разбираемой* книге, и такой разбор похож на *разбор типографский*, а не библиографический...»; «Выписать несколько строк, *раскрыв книгу наудачу*, схватить несколько слов и так сказать осиротить их, оторвав от смысла, поставить при них целый строй восклицательных и заключить тем, что книга дурно написана, не значит еще дать об ней надлежащее понятие, которого ищет читатель в разборе (анализе) или в рецензии; и если иногда автор молчит, то в таком случае молчание не всегда бывает знаком согласия, а по несчастию не всякий читатель имеет удобность поверить сам совесть или знание такового судьи. Без того же что вышло бы, если бы кто захотел по таковым суждениям составить Библиографию? Лучше не иметь никакого проводника, нежели иметь ложного». Но основное внимание Анастасевича направлено на «ученую критику». С этим связана его высокая оценка реферата как лучшего средства дать точное понятие о сочинении. «... Извлечения не что иное, как безобразный отрывок — клочок. Точное понятие о сочинении дает только *сокращение*, или уменьшение целого по размеру, дабы сохранить, как в миньюре, надлежащее сходство всего с подробными частями». Это позволяет ему назвать библиографию «сокращенною библиотекою, систематически представляющею ученые труды какого либо народа или вообще всего ученого света».

А отсюда — постановка Анастасевичем вопроса о компетентности библиографа, о его специальных знаниях. «Всякий журнал словесности и критический, чтоб мог назваться справедливым и заслужить доверенность, должен быть писан по примеру оного [«Журнала ученых»], сего произведения общества ученых, разделивших между собою предметы и предлагавших свое мнение о том, в чем кто был сам силен; ибо *всеобщности* вовсе нет»; «... огромные примеры [библиографического разбора] известны на французском и немецком языках, собранные многими летами и многими сотрудниками, не *полиграфами*, но приобретшими особенное имя, каждым по своей науке, и не обинуясь подписывающими оное на своих приговорах». Впоследствии, в 1820 г., предлагая в «Благонамеренном» создание библиографического общества (см. ниже, стр. 152), Анастасевич указывал: дело не только в том, что задуманный им труд превышает силы одного человека. Необходимо общество, «которое разделило бы такой библиографический труд между своими членами по способностям и знаниям каждого в отношении к разным отделениям наук».¹

Поэтому понятно, что Анастасевич рассматривает библиографию как часть «ученой истории». В статье «О словесности»,

¹ См. «Благонамеренный», 1820, ч. X, № VII, стр. 32—42.

определяя «внешнюю» и «внутреннюю» историю словесности, он писал: «Оба сии отделения составляют вместе общую ученую историю и порознь обыкновенно называются био и библио-графией (описанием жизни и творений ученых) и «Историею наук».¹ Впоследствии, в «Росписи» Плавильщикова, Анастасевич поместил библиографию в отдел «История и география», рядом с «Историей ученой».

Существеннейшим моментом в разбираемых статьях Анастасевича надо считать также его трактовку систематического расположения материала в библиографических трудах. Из самого определения библиографии, данного Анастасевичем: «Книгописание или наука знать книги и по их содержанию полагать в приличных разрядах по общей или принятой системе» вытекало не просто указание на систематическое расположение в библиографии вытекало из этого определения, как основной библиографический метод, как единственный, позволяющий добиться главной ее задачи — «изображения сущности всех сочинений по их предметам». Собственно только благодаря систематическому порядку, по Анастасевичу, библиография и превратилась в науку, поскольку способ расположения книг «по содержаниям их или по материям ... без сомнения труднее, но он, привлекая внимания на разные сочинения, приносит ту выгоду, что представляет читателю успех просвещения во всяком роде». Другой же способ, «азбучный порядок, — пишет Анастасевич, — необходимо должен казаться обыкновенным словарем».

Заслуживает особого внимания постановка Анастасевичем, применительно к русской действительности, вопросов об издании библиотечных каталогов и библиографической регистрации на основе обязательного экземпляра: «Таковой недостаток, весьма чувствительный, можно бы сколько нибудь вознаградить изданием описей известнейших и даже частных Российских книгохранилищ. Теперь только благоразумное учреждение Цензурного порядка, а особливо распоряжение, ознаменовавшее нынешнее Министерство народного просвещения, чтоб доставлять в Департамент оного экземпляры всяких печатаемых книг, составляет знаменитые эпохи, обещающие по крайней мере с сего времени основание и у нас своей Библиографии».²

¹ «Труды Казанского общества...», стр. 302.

² Н. В. Здобнов почему то отнес эти слова Анастасевича к обязательным экземплярам Публичной библиотеки, и «Современная русская библиография» Н. И. Греча, составлявшаяся, как известно, по обязательным экземплярам этой библиотеки, оказалась, по Н. В. Здобнову, выполнением предложения Анастасевича (см. Н. В. Здобнов, указ. соч., изд. 2, стр. 156—157, 172).

Через несколько лет сам Анастасевич, в каталоге Плавильщикова, дал и опись важнейшего частного книгохранилища, и замену ежегодной библиографической регистрации.

Поднимал он (правда, не в печати) и проблему репертуара русской книги, причем характерно обосновывая и связывая культурно-историческое значение такого свода с широкими, типично просветительскими чаяниями победы разума над заблуждением. В 1814 г. Анастасевич писал Н. И. Гречу по поводу его «Современной русской библиографии»: «Вы премного одождаете любителей науки помещением современной библиографии, по порядку издания в свет книг. Может быть сие кого либо побудит в таком же порядке расположить и издать погодно все доселе вышедшие у нас книги, тем паче, что едва только протекло сто лет от введения у нас гражданской печати, которою начались предаваться тиснению так называемые светские книги. Г. Сопиков изданием своего опыта рос. библиографии 1-й части о изданиях церковной азбуки и рачительным трудом для изданий гражданских по алфавиту, заслуживает истинную признательность в ином отношении. На первый случай, в каком бы порядке ни были собраны наши рассеянные памятники успехов просвещения, сие собрание всегда будет драгоценно, и легко уже из готовых вещей строить по каталогу системы, которые только перемещают вещи, а не переменяют существа оных. *(Нрзб.)* приятною надеждою, что со временем люди больше будут доискиваться точного по странам года и места издания какой-либо полезной книги, нежели выигранного даже оружием своей нации славнейшего сражения. Если то истинно, что у солнца не могут отнять света чрез все время тенистые, закрывающие его облака — и разум должен когда либо восторжествовать над заблуждением».¹

Наконец, Анастасевич ставит в записных книжках и в переписке вопрос о библиографировании журнальных статей. В частности, в этом же письме к Н. И. Гречу он размышлял: «Вознаградить потерянное у нас для библиографии отечественной время должно *(нрзб.)* поставить в числе первых стараний наших ученых. *(Нрзб.)* воскрешение забытых занимательных отрывков, погребенных на журнальных могилах, принесло бы немалое удовольствие для читателей, как и честь для наших словесников. Может быть мы многое напрасно повторяем то, что прежде нас лучше сказано, или выписываем готовое и выдаем за свое только потому, что трудно теперь различить давних покойников, тлеющих на оном кладбище, с новорожденными. Г. Шторх успел только за 5 лет, с 1801—805 г. привести в систематический порядок некоторые такие отрывки и тем поло-

¹ ГПБ, арх. Анастасевича, К2, переплет 1796 г., л. 145—146.

жил хорошее начало, но не видно подражателей. Час от часу начинают умножаться собрания разных стихотворений и образчиков прозы; <...> по моему мнению <...> гораздо естественнее сперва представить *список* нашей словесности, а по оному любители чтения могли бы сами избирать, что кому нужно».¹

Мы видим, таким образом, что суждения исторического и теоретического характера отражают одну и ту же принципиальную позицию Анастасевича в вопросах библиографии.

II

В развитии европейской библиографии и особенно ее теории, как и во всех областях культуры, период французской буржуазной революции был переломным. В конце XVIII и в первые годы XIX вв. теоретические вопросы библиографии успешно разрабатывались во Франции, причем существенно, что вопросы эти не только трактовались в библиофильской, книготорговой и библиотечной среде, как это имело место прежде, но и привлекали внимание Национального института наук и искусств, а в первой половине 90-х годов даже фигурировали в докладах Конвенту. Именно во Франции в это время имели место первые опыты преподавания библиографии и первые попытки создания учебников по библиографии. Было бы, конечно, странно, если бы Анастасевич, так серьезно размышлявший над вопросами библиографии, не использовал огромного и полезного материала, который предоставляла ему современная французская библиография; если бы он не опирался, в значительной степени, на положения французской библиографии, складывавшейся в это время и завоевывавшей гражданские права в качестве особой дисциплины, хотя еще и весьма туманно очерченной. И, действительно, лежащее в основе всех статей Анастасевича различие «библиографии в теснейшем смысле» — т. е. описания книг и классификации, и библиографии в широком смысле — как знания книг (включая сюда то, что в наше время понимается под историей книги) — это различие, общепринятое в европейской библиографии XVII—XVIII вв., наиболее подробно было развито во Франции в конце XVIII — начале XIX вв. Анастасевич сам не скрывал того значения, которое играла для его позиции французская библиография и подчеркивал, что именно «во Франции библиография вообще вошла в круг публично преподаваемых наук и чрез то доведена, так сказать, до возмужалости».²

Н. В. Здобнов, естественно, не обошел вопроса о соотношении взглядов французских библиографов и Анастасевича.

¹ ГПБ, арх. Анастасевича, К2, переплет 1796 г., л. 146—147.

² «Улей», 1811, ч. 1, стр. 22.

Однако он не увидел в статье Анастасевича «О библиографии» ничего, что отличало бы ее от понимания библиографии Пенью и Барбье. Таким образом, подчеркивая (на наш взгляд, даже неумеренно) роль теоретической части этой статьи в истории русской библиографии, Н. В. Здобнов в то же время полностью лишил ее какого-либо самостоятельного значения, сводя все к «очевидному влиянию французских библиографов».¹ Между тем, сопоставляя работы французских библиографов (тех, на кого ссылается Анастасевич, и тех, кого он не называет — Амейлона, Ашара, Барбье, Брюне, Буляра, Грегуара, Дону, Камю, Лера, Парана, Пенью, Фурнье) со статьями о библиографии, помещенными в «Улье», мы видим, насколько в своих суждениях отошел от них — и, как мы понимаем, ушел вперед — Анастасевич.²

При всем старании, с которым большинство перечисленных французских библиографов подчеркивало, что библиографическое знание книг, это — знание не только их титулов и внешне-

¹ См. Здобнов Н. В. Указ. соч., изд. 1, т. 1, стр. 111—114. Редакция 2-го издания полностью исключила эти соображения, и вопрос о какой-либо роли западно-европейской библиографии для развития в России теории библиографии перед читателем 2-го издания даже не встает. (Срв. стр. 137—140).

² Срв.: Ameilhon. Projet sur quelques changements qu'on pourrait faire a nos catalogues de bibliothèques, pour les rendre plus constitutionnels; avec des observations sur le caractère, les qualités et les fonctions d'un vrai bibliothécaire. — Mémoires de l'Institut National des sciences et arts. Littérature et beaux-arts, t. 2, P., an VII, стр. 477—492. — Achard C. F., Cours élémentaire de bibliographie, ou la science du bibliothécaire. T. 1—3. Marseille, 1806—1807. — Barbier A. Quelques idées sur les divisions du catalogue de la Bibliothèque du Conseil d'Etat (P., 1803). Перепеч.: «Bulletin du bibliophile», 1845, № 3, стр. 119—121. — Boulard M. S. Traité élémentaire de bibliographie, contenant la manière de faire les inventaires [...] et la manière d'apprécier des livres rares et précieux. P., 1804, 140 стр. — Brunet J. Ch. Préface. — В кн.: Brunet J. Ch. Manuel du libraire et de l'amateur des livres. T. 1, P., 1810, стр. V—XV. — Camus A. G. Observations sur la distribution et le classement des livres d'une bibliothèque. — Mémoires de l'Institut National des sciences et arts. Littérature et beaux-arts, t. 1, P., an VI, стр. 643—666, 675—676. — Fournier F. J. Précis sur les bibliothèques et sur la bibliographie. — В кн.: Fournier F. J. Nouveau dictionnaire portatif de bibliographie, 2 éd. P., 1809, стр. 11—20. — Grégoire. Rapport sur la bibliographie, présenté à la Convention Nationale [...]. P., 1873, 72 стр. — Parent aîné. Essai sur la bibliographie et sur les talents du bibliothécaire, P., 1801, 54 стр. — Peignot G. Dictionnaire raisonné de bibliologie. T. 1—3, P., 1802—1804.

Изложение взглядов Daunou («Mémoire sur la classification des livres d'une grande bibliothèque») см.: Système bibliographique de M. Daunou. — «Bulletin du bibliophile», 1840—1841, № 9—10, стр. 402—407; Laire см.: Ch. Schmidt. Un cours de bibliographie à la fin du XVIII siècle. — «La bibliographie moderne», 1894, № 2, 4; А. М. Белов. Публичный курс библиографии, читанный в VII году французской республики. — «Библиография», 1929, № 1, стр. 57—63. (В статье ряд ошибок и неточностей).

сти, но и их содержания; как ни иронизировали они над библиографами — «зарывателями книг» и библиоманами, ценящими книги только за фронтисписы или старинные даты, — все же налет библиофильства окрашивал их рассуждения. Только очень немногие — и как раз наименее популярные, больше ученые, нежели библиографы (Амейлон, Дону, Камю), — были свободны от интереса к курьезам и редкостям. Подытоживший всю эту теоретическую работу в своем «Толковом библиологическом словаре» Пеньо — скорее даже библиофил, чем библиограф.

Система же взглядов Анастасевича, как мы видели, не оставляла никакого места библиофильству.

Да и само понятие содержания книги Анастасевич трактует глубже, чем большинство французских библиографов, сводивших знание содержания (*le contenu*) к знанию предмета книги (*la matière*).¹ Только Камю, вообще опередивший своих современников в требованиях к библиографии, говорил о знании того, «какие книги лучше всего годятся для обучения, в каких предмет представлен наиболее ясно и рассмотрен наиболее глубоко; с помощью каких работ можно постичь начало наук, проследить за их развитием, достичь нынешней ступени совершенства».²

Трактовку Анастасевича, помимо всего, что было уже сказано выше («изображение сущности всех сочинений»), можно выразительно иллюстрировать его словами о самом себе в письме к Евгению Болховитинову. Развивая соображения о способах просвещения крестьян и резко критикуя содержание церковных проповедей, подчеркивая, что крестьянам нужны не догматы веры и жития святых, а естественнонаучные, сельскохозяйственные, медицинские и педагогические знания, Анастасевич прибавлял: «Вы улыбнетесь, что к сему изъяснению помогла мне снова библиография, а с тем вместе заметите, что я не списываю только названия авторов и книг, не занимаюсь

¹ Срв., например, у Амейлона: «... недостаточно иметь смутное представление о предмете, который в них [книгах] трактуется; необходимо еще хорошо знать все разделы, вплоть до самых мелких ответвлений этого предмета, если хотят следовать за их связью, за их последовательностью и помещать каждую часть на то место, которое ей наиболее соответствует» (*Mémoires de l'Institut National...* t. 2, p. 486—487).

Еще более наглядно у Дону: «Знание книг, поскольку оно заключает в себе анализ и исследование того, что они содержат, и поскольку оно простирается даже до истории жизни и взглядов их авторов, значительно превосходит библиографию, ограничивающуюся одними лишь типографическими, техническими и коммерческими обстоятельствами, тем, что относится к их изданию, существованию, распространению, к их каталогам» (цит. по «*Bulletin du bibliophile*», t. 4, 1840—1841, № 9—10, стр. 405).

² *Mémoires de l'Institut National...* t. 1, p. 664.

одним механизмом, но стараюсь всякий в ней шаг применять на пользу рода человеческого. Во всех науках (можно?) ее найти. Искусный испытатель природы, ботаник не для того лазит по крутым горам, чтобы обогатить свой травник новою травою. Он испытывает ее врачебную силу и радуется сугубому своему открытию, когда может вместе умножить сведения ботаники и прибавить одну каплю (пользы?) для человечества дального».¹

Вся постановка вопроса об оценке литературы, о критическом отношении к книгам и выявлении их достоинств у Анастасевича — во всяком случае, в его теоретических высказываниях — неизмеримо более острая, чем у французских авторов. «Беспристрастие», которого требует Анастасевич от библиографа, неотделимо, в его представлении, от «отваги сказать пред ученым светом свой суд», «предохранить других от обмана» и также предполагает «общественную пользу». Это беспристрастие очень далеко от требований, например, Парана (повторенных Пеньо) не следовать никакой школе, не отстаивать никакой системы.² Только у Лера мы находим как будто нечто близкое тому, что писал Анастасевич, однако курс библиографии Лера не мог быть ему известен.³

В наиболее же распространенном представлении смысл библиографии определялся, помимо классификации книг, как установление сравнительной ценности изданий. Очень характерно — именно потому, что оно принадлежит рядовому французскому библиографу, — рассуждение Фурнье, раскрывающее, как понималась эта сравнительная ценность. «В самом деле, — писал он — каков предмет библиографии? Это — соблазны методический порядок при распределении по классам; это — указать лучшие издания». И далее он перечисляет, какие вопросы могут встать перед неискушенным читателем. Лучше ли первопечатное издание, чем следующие? Предпочесть ли издание, подготовленное одним ученым, опубликованному другим? Нужно ли, при выборе книг, обращать внимание на даты их выхода в свет? Несколько изданий появилось последовательно в разных странах — какое из них до-

¹ ГПБ, арх. Анастасевича, К2, переплет 1796 г., л. 118.

² «Он не служит никакому культу, никакой секте; не предводителю какой партии; не примыкает ни к какому кружку; не состоит членом или кандидатом никакой академии; не поклоняется никакой системе» (Parent *op. cit.* Указ. соч., стр. 51). Правда, это говорилось о библиотекаре, но требования к библиографу и к библиотекарю, как правило, были одни и те же (срв. у того же Пеньо, у В. С. Сопикова).

³ Курс библиографии, читанный Лером, не сохранился. Известны только его программа и частично конспект. Впервые они были обнаружены в конце XIX века.

стойно большего внимания? Какие важные признаки позволяют отличить подлинное издание от хорошо выполненной контрафакции? Наконец, сколько надо затратить средств на приобретение избранной библиотеки, какие цены могут быть предложены за книги, отсутствующие в продаже и случайные попадающиеся любителям?¹ Узко-филологическое и ограниченно-библиофильское понимание оценки книг библиографом продемонстрировано в этом рассуждении очень ярко.

Анастасевич не исключал, разумеется, из библиографии суждений о сравнительной ценности изданий, а распределение книг по их «материям» считал первой обязанностью библиографа. Но, в конечном счете, цель библиографии — «означение их [книг] достоинства не в отношении к продаже, но в смысле словесном и ученом»; поэтому даже в понимании им библиографии «в теснейшем смысле» — как говорили французские авторы, *bibliographie proprement dite* — мы видим существенную разницу. Мы уже приводили эти слова: «Поелику же самому извлечь из множества книг содержание и дать об них суд — есть труд несоразмерный с силами немногих людей, а тем паче одного человека, то следовало бы ему искать готового пути». Таким путем и является, по Анастасевичу, библиография «в теснейшем смысле».

Но основное, на что необходимо обратить внимание — это принципиально иное отношение Анастасевича к роли литературно-критической периодики. Конечно, и у современных ему французских библиографов можно прочесть об ее значении для знания книг, но для них это скорее материал для библиографа, нечто вроде тех предварительных сведений, которыми должен обладать библиограф (филологические, палеографические, полиграфические и др.). В «Толковом библиологическом словаре» Пенью даже не нашлось места для слов «журнал» и «газета»; все литературно-критические и ученые журналы надо в этом словаре искать под словом «Салло» (основатель «Журнала ученых»). В учебном курсе Ашара вообще ничего не было сказано о критической библиографии, так же как, видимо, и у Лера. Совершенно иную позицию Анастасевича в этом вопросе мы уже попытались очертить выше.

Высокая оценка, данная Анастасевичем немецкой ученой критико-библиографической периодике, не оставляет сомнений в том, что, обосновывая свою точку зрения, он в большой мере опирался на тот фактический материал, который предоставляла ему современная и предшествовавшая немецкая критическая библиография. Срв., например: «В той же науколюбивой стране (Германии), изобильной писателями, одаренными осо-

¹ См. Fournier F. J, указ. соч., стр. [19—20].

бенною неусыпностью и терпеливостью, чего необходимо требует Библиография, заслуживают внимания Иенские и Гальские ученые ведомости (*Allgemeine Literatur Zeitung*). Сколь огромное уже заключается в них книгохранилище и, так сказать, дневная записка успехов разума, трудолюбия ученых и самого тиснения».¹

Не только критико-библиографическая периодика в Германии вызывала уважение Анастасевича. «Ученым немецким, — писал он, объединяя, в духе времени, библиографию и историю литературы, — должно воздать особенную честь, что они словесность в сем смысле [т. е. изучение «словесности одной науки или одного искусства»] во всех частях оной обогатили более или менее предметов объемлющими сочинениями; они издавна отличаются основательностью, точностью и ученым в собирании прилежанием, разборчивым исследованием и философским духом. Кому из словесников не известны имена и ученые в сем роде труды, столь часто упоминаемые: Моргофа (*Morhoff*), Геснера (*Gesner*), Геймана (*Heimann*)» [и т. д.].² И всё же, требования Анастасевича давать «точное понятие» о книгах в целях их сравнения и соответствующих выводов, требования «всякий [в библиографии] шаг применять на пользу рода человеческого» — это нечто большее, чем задачи, которые ставила перед собой академическая немецкая библиография.

В конце XVIII — начале XIX в. в немецкой библиографии господствовали относившиеся еще к третьей четверти XVIII в. взгляды М. Дениса; сколько-нибудь серьезных попыток обобщения, обоснования библиографии, ни в ее отдельных отраслях — в частности, критической библиографии, — ни в целом, как самостоятельного явления, в это время мы не знаем. Лишь в 1821 г., как известно, появляется предисловие Ф. А. Эберта к его «Всеобщему библиографическому словарю», оказавшее сильное влияние на последующую западноевропейскую библиографию. Понимание Анастасевичем библиографии, как «внешней истории» словесности народа, как средства выявления успехов просвещения, очень близко определению библиографии, данному Эбертом (*Codex diplomaticus* литературной истории, надежнейший измеритель степени и высоты литературной культуры и деятельности). Но при этом Анастасевичу совершенно чуждо деление Эберта на «чистую» библиографию и «прикладную».³

¹ «Улей», 1811, ч. 1, стр. 24.

² «Труды Казанского общества...», стр. 304.

³ См.: Ebert F. A. *Allgemeines bibliographisches Lexicon*, B. 1. Leipzig, 1821, стр. IX. О том же в ст. Эберта «Библиография». — *Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Künste*, T. X, 1823, стр. 47–48.

Для понимания Эбертом «чистой» библиографии, сводившейся, в сущности, к номенклатуре, очень характерно то, что он писал о задачах библиотекаря — а тем самым и библиографа — в книге «Воспитание библиотекаря». Эберт считал, что в новой, сравнительно с прошлыми веками, обстановке, когда все науки, по его словам, переживают кризис и каждый день «высоко вздымаются волны» меняющихся мнений, — в этой обстановке библиотекарь работает лишь для потомства, для которого он собирает и хранит всё, что находит достойным; общение же его с современниками «является большей частью только механическим». Тезис о беспристрастии библиотекаря сформулирован у Эберта еще более резко и отчетливо: «Тот, кто работает для потомства, должен ... стать над современностью {...}, не затемняя свой спокойно-испытующий взгляд местными и временными склонностями и мнениями».¹

Правда, Эберт ощущал узость и замкнутость «чистой» немецкой библиографии, связанной лишь с представителями отдельных наук. Он сам признавался: «Когда моя теперешняя должность ввела меня в учреждение [Королевская публичная библиотека в Дрездене], где я нашел соединенными научную основательность и роскошь собирательства ..., тогда только стало мне совершенно ясно, что есть библиография для школы и библиография для жизни и что каждая из них не может обойтись без помощи другой; в еще более усердном продолжении моей работы намерением моим стало осмелиться на попытку объединить обе эти библиографии». Но под «библиографией для жизни» Эберт понимал лишь удовлетворение интересов коллекционеров, обслуживание антикварного книжного рынка. Новые задачи «прикладной» библиографии он видел в том, чтобы обращать внимание ученых на лучшие, наиболее полные и неискаженные издания, а внимание собирателей — на внешние особенности книг, ставшие «звонкими мотивами» (*klingende Motiven*) для коллекционирования и установления цен. Важнейшим образцом для Эберта явилось, поэтому, «Руководство для любителя книг» Брюне, а замыслом «Всеобщего библиографического словаря» было «подчинить тенденцию работы Брюне более возвышенной, именно научнообоснованной тенденции, причем с такой широтой, чтобы та же самая работа удовлетворяла и строгую основательность исследователя, и веселые, даже легкомысленные причуды диллетанта, не изменяя

Срв.: G. Schneider. Handbuch der Bibliographie. 3. Aufl., Leipzig, 1926, стр. 3—7. — К. Р. Симон. Общая иностранная библиография. М., 1941, стр. 36.

¹ См.: Ebert F. A. Die Bildung des Bibliothekars. 2. Ausg. Leipzig, 1820, стр. 8—10, 12—13.

при этом научной серьезности и, при всей разносторонности, не становясь плоской и лишенной характерности».¹

Приступая в те же годы к большой библиографической работе (мы имеем в виду «Роспись» Плавильщикова), Анастасевич ставил перед собой совершенно иные задачи.

Н. В. Здобнов высказал предположение, что к библиографической деятельности Анастасевич пришел под влиянием преподавания библиографии в Кременецком лицее (Волынской гимназии) польским библиографом П. Янковским, что так называемая кременецкая школа оказала через Анастасевича влияние на развитие русской библиографии.² На первый взгляд это предположение как будто правдоподобно. Однако Анастасевич посетил Кременецкий лицей лишь в середине 1810 г., когда Янковский только начинал чтение курса библиографии; взгляды же Анастасевича в основном к этому времени сложились — через полгода уже печатались его статьи.

К тому же, ни одного упоминания о Янковском ни в записных книжках, ни в переписке Анастасевича мы не встречаем.³ Курс библиологии, читавшийся Янковским, построен был по известному труду 2-й половины XVIII века М. Дениса «Введение в книговедение». Таким образом, он не только не мог явиться стимулом для переосмысления Анастасевичем задач и традиционного представления о развитии библиографии — он даже отставал от последних теоретических построений французских библиографов (хотя, в то же время, следует отметить внимание Янковского к выделению лучших книг, получивших в науке положительную оценку).⁴ Некоторые положе-

¹ Ebert F. A. Allgemeines Bibliographisches Lexicon, B. 1, стр. X—XI.

² Здобнов Н. В. Указ. соч., изд. 1, стр. 93—94, 126. Во втором издании это предположение сохранено в общей форме, без упоминания об Анастасевиче (срв. стр. 117—118, 155).

³ Правда, нам осталась неизвестной переписка Анастасевича с кременецким нумизматом Ф. Скарбек-Рудзским, хранящаяся в Краковском университете. См.: M. Danilewiczowa. Życie naukowe dawnego Liceum Krzemienieckiego. Warszawa, 1937, стр. 80.

⁴ Рукопись курса Янковского, читанного им в Кременце в 1814 г., сохранилась. До 1946 г. она находилась в библиотеке Оссолинских во Львове. Рукопись эта кратко охарактеризована А. Лысаковским в его переводе на польский язык вступительной части первого тома книги В. Живного. «Rukovět bibliografie». (W. J. Živný. Bibliografija i bibliologja. Warszawa—Wilno. 1936, стр. 33—34).

Кроме того, подробный план лекций Янковского обнаружен недавно Р. И. Розетт в бумагах И. Лелевеля в Вильнюсском университете, и мы могли им воспользоваться. (Ныне опубликован в сб. «Советская библиография», 1956, № 42. Срв.: также: M. Denis. Einleitung in die Bücherkunde. T. 1—2, 2. Aufl. Wien, 1795—1796. В литературе имеются указания, будто сохранились рукописи еще двух работ Янковского о библиографии. Обнаружить эти рукописи нам не удалось.

ния, отражающие взгляды Ярковского (в частности, его антибиблиофильскую позицию), имеются в его книге о библиотеке Кременецкого лица; ничего особо близкого Анастасевичу в этих положениях мы не видим.¹

Польская библиография начала XIX в. в области теории вообще представляла мало оригинального, сравнительно с западноевропейской. Лишь позже, в 20-е годы, у И. Лелевели, мы встречаемся с оригинальными и противопоставленными взглядам западноевропейских библиографов суждениями, а в 1829 г. его продолжатель, А. Богаткевич, знакомый уже с работами Анастасевича и Сопикова, подчеркивает в своей лекции культурно-исторические и образовательные задачи библиографии и ее критическую функцию.²

Не удивительно, что в ссылках на библиографические труды в «Улье» нет польской библиографии. При том внимании, с которым Анастасевич относился к польской литературе и ее деятелям, просто немислимо представить себе отсутствие упоминаний о преподавании библиографии в польских учебных заведениях, если бы оно хоть в какой-то степени ему импонировало.

Зная о польских связях Анастасевича, естественно искать истоки его взглядов в польской библиографии. Тем не менее предположение Н. В. Здобнова надо отвергнуть.

Каковы же истоки позиции Анастасевича, столь непохожей на традиционную?

В ответе на этот вопрос должно заключаться и объяснение — в чем прогрессивность этой позиции.

Своеобразие рассматриваемого нами периода истории России состоит, в частности, в том, что передовая русская демократическая мысль крепла в условиях феодального государства, при отсутствии революционно настроенной буржуазии, в обстановке складывавшихся капиталистических отношений, которые противоречили всему сословно-полицейскому строю и не находили в его рамках нормальных путей для развития. Одним

¹ См.: Wiadomość o bibliotece Liceum Krzemienieckiego i onej porządku. udzielona przez jej bibliotekarza Pawła Jarkowskiego. Rowne. 1935.

² Срв.: J. Lelewela bibliograficznych ksiąg dwoje T. 1—2, Wilno, 1823—1826. — A. Bohatkiewicz. Rzecz o bibliografii powszechney ..., Wilno 1823. — K. Estreicher. O bibliografii. Warszawa, 1865. — J. Muszkowski. Katedra bibliografii w szkole głównej Warszawskiej. Warszawa-Lwów, 1918. — S. Ptaszycki. Encyklopedia nauk pomocniczych historii i literatury polskiej. Lublin, 1921. — M. Brensztejn. Biblioteka uniwersytecka w Wilnie do roku 1832-go. Wilno, 1922. — St. Vrtel—Wierczyński. Bibliografia, jej istota, przedmiot i początki. Lwów, 1923. — W. J. Živny. Указ. соч., стр. 33—35. — Нами использована также неопубликованная работа Р. И. Розетт о Богаткевиче.

из проявлений этих противоречий явилось высокое общественное звучание литературной критики, незнакомое Западной Европе. В полной мере для данного периода можно это сказать только о критике В. Г. Белинского, — однако предшествующие десятилетия подготовили для него почву.

Проблема становления критики — центральная проблема русской журналистики первых двух десятилетий XIX в., и не только критики литературной, но и научной, — проблема, выходящая далеко за рамки узко литературных и академических споров. Не случайно так тесно переплетались между собой проблемы становления критики и народности литературы. Конечно, была реакционная критика, как была и реакционная журналистика. Но борьбу за журналистику, за ее развитие, борьбу за критику, за ее право на существование вел именно передовой лагерь. Не случайно так часто писал Анастасевич о пользе периодических изданий — не меньше (если не больше), чем о пользе библиографии.

Неразрывная связь в его печатных выступлениях вопросов журналистики, критики и библиографии, вся его теоретическая позиция имеют своей основой живой общественный интерес к современной ему русской действительности. В свою очередь, теоретическая позиция Анастасевича в отношении библиографии не только не позволяла отгораживаться от этой действительности, но сама по себе толкала к критической оценке её и к вскрытию её противоречий (этот вопрос уже выходит за рамки данной статьи).

Вернувшись через десять лет к теме о неотложных нуждах русской библиографии, Анастасевич в статье «О необходимости в содействии русскому книговедению»¹ выдвигает, как первоочередную задачу, организацию библиографирования журнальных материалов силами специального общества. Статья в «Благонамеренном» развивала дальше то, что было высказано Анастасевичем в «Улье». Постановке им этого вопроса в печати предшествовали длительные рассуждения, беседы, письма и различные проекты, отраженные в записных книжках Анастасевича. Он выдвигает идею отбора лучших статей из повременных изданий с 1755 г. Фигурирующий несколько раз в этой статье термин «обозрение» выражает основную идею статьи и свидетельствует о дальнейшем углублении понимания Анастасевичем библиографии; конкретные же его предложения обогащали возможности эпохи.

Одобрительно ссылаясь на опыты П. И. Кеппена, Щорха и Аделунга, на указатели к «Трудам Вольного экономического

¹ «Благонамеренный», ч. X, 1820, № VII, стр. 32—42.

общества» и оглавления «Духа журналов», Анастасевич имеет в виду, однако, главным образом обозрения иного типа, приближающиеся к критическим. Таким образом, формально в статье поставлен лишь вопрос о составлении библиографии журнальных материалов, но фактически речь шла о том же «проницании» в существо книг, трактуемом более конкретно и оценочно.

Расширив в предшествовавшие годы (1814—1820) круг своих интересов, втягиваясь в активную деятельность в Вольном обществе любителей российской словесности, Анастасевич теперь еще более четко, чем в «Улье», ставит вопрос об образовательной роли библиографии. Он противопоставляет нужным и полезным сочинениям «сочинения не столь важные, например баллада и шарада, которые влекут за собою стадо смешных, даже до жалости, обезьян», и из этого исходит в своих предложениях.

Помимо важности намечаемого им труда для рационализации — употребляя термин сегодняшнего дня — литературной и научной работы, Анастасевич подчеркивает в этой статье важность библиографии журнальных статей для выяснения состояния научной и художественной литературы на русском языке, о чём, по его словам, не только иностранцы, но и русские имеют весьма недостаточное представление. Кроме того — и это вновь возвращает нас к взглядам Анастасевича на место критической библиографии — он отмечает: «... при недостатке у нас исключительно критического обозрения российских книг, оно составилось бы из многих сего рода статей, помещенных в разных наших журналах». Так Анастасевич намечает связи между библиографией и критикой.

Исследователей не раз смущала сбивчивость терминологии Анастасевича. В частности, Н. В. Здобнов обратил внимание на противоречие в статье «О библиографии». В последнем абзаце, разъясняя понятие «библиология», Анастасевич писал, что именно она [«теория библиографии», «философия библиографии», «вышняя библиография»] «проникает в существо оных [книг] и простирается до означения их достоинства, не в отношении к продаже, но в смысле словесном и ученом», в отличие от библиографии, ограничивающейся «вещественностию и техническим описанием книг».¹ Такое представление о библиографии явно не соответствует тому, что сказано о её задачах в других местах этой же статьи и в других статьях Анастасевича.

Противоречие это объясняется тем, что библиология, как некая энциклопедическая наука о человеческом знании (которую пытались строить некоторые французские библиографы),

¹ «Улей», 1811, ч. 1, стр. 27—28.

сама по себе мало интересовала Анастасевича. Но считая, очевидно, невозможным обойти это понятие, Анастасевич в последнем абзаце своей статьи использовал — хотя и значительно видоизменив — определение библиологии, данное в «Толковом библиологическом словаре» Пеньо.¹ Пеньо, однако, в своем объяснении библиологии иначе, чем Анастасевич, понимал библиографию — значительно уже, сводя её только к описанию и классификации. Анастасевич же не удосужился привести эту, по существу, почти что выписку из Пеньо в должное соответствие со всем остальным — вполне самостоятельным — содержанием своей статьи.

Подтверждением того, что толкование библиологии Пеньо не входило органически в систему взглядов Анастасевича, служит и то, что в 1820 г., печатая названную выше статью «О необходимости в содействии русскому книговедению», Анастасевич перевел на русский язык слово «библиология» и употребил, впервые в русской литературе, термин «книговедение». Но при этом он имел в виду только то, что он вкладывал в понятие библиографии, отбрасывая таким образом попытки построения энциклопедической науки Пеньо. В «Росписи» Плавильщикова соответствующий раздел так и назывался: «Книговедение или библиография». Анастасевич не предполагал, конечно, сколько будет впоследствии (в конце XIX и начале XX в.) нагромождено идеалистических и механистических рассуждений и построений вокруг термина «книговедение».

III

Придавая столь большое значение статьям Анастасевича о библиографии, мы все же никак не можем согласиться с тем толкованием, которое дал им Н. В. Здобнов. Характеризовать взгляды Анастасевича на библиографию следует по их совокупности, по общему духу, а не по одной-двум отдельным, вырванным из общего контекста, фразам.

По Н. В. Здобнову, Анастасевич рассматривал библиографию «как воспитательно-образовательное средство» и «требовал от библиографа принципиальности и определенной целеустремленности». «Это значит, — утверждал Н. В. Здобнов, — что Анастасевич был далек от расцветшего в позднейшей библиографии эклектизма».² Таков комментарий, основанный на двух фразах из статьи в «Улье»: «Библиография содержит в себе другие премногие пользы и выгоды не только для посвятивших себя ученому состоянию, для коих она необходима, но и для ищущих одного удовольствия в чтении книг, как путеше-

¹ Сrv.: Peignot G., указ. соч., т. 1, стр. VIII—IX.

² Здобнов Н. В. Указ. соч., изд. 2, стр. 138.

дательница и наставница в выборе оных» и «Разве искусный библиограф не достоин всей нашей благодарности ... за доставление нам средства прейти обширное поприще сведений, собранных им под одну точку зрения?»¹

Признание высокого достоинства статей Анастасевича вовсе не должно вести, однако, к модернизации их или к тому, чтобы Анастасевич оказывался похож на Чернышевского, требовавшего от науки обрабатывать предмет «с общей точки зрения».

Ни о какой воспитательной роли библиографии Анастасевич и не помышлял. Единственная фраза о библиографии, как «путеводительнице и наставнице» в выборе книг для «ищущих удовольствия» в их чтении этого еще не доказывает. И понимать эту фразу надо не буквально — вернее, не надо вкладывать в неё нашего понимания слов «путеводительница и наставница». В свете всего, что было приведено выше о взглядах Анастасевича на роль периодических изданий и задачи ученой критики, о «трудолюбивых пчелах», сберегающих время читателей, и о способах достоверной информации о литературе, — нет решительно никаких оснований видеть в его высказываниях о библиографии больше, чем пропаганду только ее образовательной роли. Этого не так уж мало для того, чтобы, подходя исторически, понять большую заслугу Анастасевича перед русским просвещением.

Собирание сведений «под одну точку зрения» также не означает вовсе требований принципиальности и целеустремленности. Уж в чем, в чем, а в эклектизме Анастасевич повинен достаточно. Означает это не больше, чем классификацию литературы, отнесение её к «приличным разрядам по принятой системе». Это он и применил на практике в «Росписи» Плавильщикова.

Поэтому о просветительских тенденциях взглядов Анастасевича на библиографию, конечно, можно говорить, но говорить с величайшей осторожностью, вкладывая в это понятие реальное — и очень ограниченное — содержание. Утверждать, будто Анастасевич «не рискнул применить на практике свои взгляды на библиографию как «путеводительницу и воспитательницу в выборе книг»² — более чем рискованно.

Что же касается его взглядов на значение критической библиографии, на связи библиографии и критики, то, конечно, это была плодотворная позиция, поднимавшая общественное значение русской библиографии. Анастасевич уловил тенденции реального библиографического развития, что вторая чет-

¹ «Улей», 1811, ч. 1, стр. 15, 20.

² См. Здобнов Н. В., указ. соч., изд. 2, стр. 156.

верть XIX века в большой мере доказала. Однако сам Анастасевич этой стороны своей теоретической позиции не реализовал. Как в начале 20-х гг. его практическая деятельность мало соответствовала статье «О необходимости в содействии русскому книговедению», так и еще раньше, в «Улье», его био-библиографические очерки ни в какой мере не соответствовали напечатанной здесь же статье «О библиографии». Трудно утверждать, была ли этому причиной несомненная личная склонность Анастасевича к академической учености, с годами все развивавшаяся, или столь же несомненное отсутствие критических способностей и мелочной педантизм при рецензировании. Но дело даже не в том, что он сам оказался не в состоянии применить на практике эти свои теоретические суждения. Дело в том, что путей подлинно передовой критики, которые шли через отдельные критико-библиографические выступления декабристов к «Обозрениям» А. А. Бестужева, Анастасевич не понял. Его раздражал близкий к декабристам «Невский зритель»; в левом крыле «Вольного общества любителей российской словесности» он видел лишь обижавшую старших молодежь. Участие в журналах, находившихся под влиянием декабристов, не привело Анастасевича к сближению с ними. А между тем именно в декабристских кругах созревало то представление о критической библиографии, которое действительно легло в основу ее дальнейшего развития.

Поэтому утверждать, будто Анастасевич «ограничился формальной библиографической регистрацией» (что само по себе тоже неточно), так как он, мол, учел «кампанию против просветительских тенденций» в «Опыте» Сопикова да полученный им самим «урок» за «либерализм в связи с книгой Стройновского»,¹ утверждать это — более чем поверхностно.

Нельзя также не обратить внимания на поразительную недооценку Анастасевичем всего сделанного в русской библиографии до него. Статью «О библиографии» он начинал с постановки задачи — содействовать лучшему учету и выявлению успехов русской науки, русского просвещения. Он завершал статью патристической концовкой: «День начинается зарею. Один чужелюб, один пасынок Отечества может сказать, что у нас нечего описывать; сыну оного свое ничто должно быть милее чужих сокровищ. Отечества и дым приятен».² Но из уже имевшихся «особенных сочинений в сем роде» он счел возможным упомянуть только «Опыт нового библиографического порядка для Санктпетербургской императорской библиотеки» А. Н. Оленина и одну книгу об Академической библиотеке (эвид-

¹ См. Здобнов Н. В., указ. соч., изд. 2, стр. 156.

² «Улей», 1811, ч. 1, стр. 28.

но, «Опыт о библиотеке...» Бакмейстера). Трудно предположить, что Анастасевичу не были знакомы труды Бантыш-Каменского, Демидова и многих других, а уж на «Опыт» Новикова и «Систематическое обозрение» Шторха он сам в других случаях ссылался. Среди литературно-критических журналов XVIII в. он не упомянул ни «Санкт-Петербургский вестник», ни даже специальные библиографические издания Новикова «Санкт-Петербургские ученые ведомости» и И. Ф. Буле «Московские ученые ведомости». В. С. Сопиков поступил гораздо благороднее, перечислив в своем «Предуведомлении» целый ряд русских библиографов и создателей классификационных систем.

Все это, однако, не умаляет роли теоретических выступлений Анастасевича по вопросам библиографии. Мы видим в них проявление самостоятельной и прогрессивной для своего времени библиографической мысли.

Подобных суждений о библиографии до Анастасевича в России никто не высказывал. С такой широтой о библиографии вообще никто в России в XVIII и в первом десятилетии XIX в. не писал. Хотя отдельные замечания о пользе критической библиографии и рефератов известны, лишь М. В. Ломоносов в своем «Рассуждении о должности журналиста» выдвигал требования столь же высокой компетентности при критическом разборе сочинений. «Рассуждение» это появилось на русском языке (в сокращении) только в 1895 г.; знал ли о нем Анастасевич, мы не можем сказать. О пользе критических журналов и специальных знаний библиографов можно также найти кое-что во введении Шторха к его части «Систематического обозрения» и в «Московских ученых ведомостях».

Подобных суждений не высказывал никто и после Анастасевича в течение почти всей первой половины XIX века. Конечно, не только малым распространением «Улья» можно объяснить то обстоятельство, что взгляды Анастасевича не были подхвачены и развиты. К. М. Базили, В. Р. Зотову, В. М. Ундольскому, И. П. Сахарову, Г. Н. Геннади статьи Анастасевича были известны, и тем не менее их работы по вопросам библиографии (конец 30—50 гг.) — это движение вспять, это полное игнорирование тех прогрессивных тенденций, которые отличают взгляды Анастасевича. Лишь П. И. Кеппен в какой-то мере солидаризировался с Анастасевичем — но не до конца и не всегда.

Более того! Даже В. С. Сопиков, обращая внимание, в отличие от Анастасевича, на воспитательную роль библиографии, на ее рекомендательные функции, не ставил так разносторонне и внутренне-связанно ее теоретические вопросы.

Взгляды же В. Г. Белинского на библиографию — это следующий, иной этап. Чтобы подойти к нему исторически, необходимо изучить отношение к библиографии со стороны декабристов. Но эта тема находится уже за рамками настоящей работы.

КНИГА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БРЮСОВА

I

Сложный творческий путь В. Я. Брюсова — поэта и ученого — наглядно свидетельствует об огромной оплодотворяющей силе пролетарской революции, превратившей бывшего вождя символистов в активного деятеля советской литературы.

Многолетняя неутомимая работа Брюсова, которого А. М. Горький называл «самым культурным писателем на Руси», оставила свой след не только в истории русской литературы, но и во многих отраслях науки. В частности, с именем Брюсова связана история книжного и библиотечного дела в России, в первой четверти XX века.

Анализируя отношение Брюсова к книге, нельзя ограничиваться узко-биографическим планом, как это сделал проф. Б. С. Боднарский в своей статье «Брюсов как библиограф»¹.

Как издатель, как библиограф, как организатор библиотек Брюсов немало потрудился в своей жизни, в то же время его библиофильские интересы широко и разнообразно отразились в его творчестве.

Литературные и научные интересы Брюсова начали формироваться очень рано. Первое стихотворение («Соловей») написано им в 1881 году, т. е. в 8-летнем возрасте. Еще до поступления в гимназию он пишет также исторические и географические очерки. Тематика детских опытов Брюсова почти целиком определяется влиянием прочитанных книг.

«Больше знаний, чем из школ, я почерпнул из чтения. Выучившись читать еще трех лет отроду, я с тех пор непрерывно поглощал книги, прочитав еще до поступления в гимназию огромное их количество. У отца постепенно составила порядочная библиотека, и мне с ранних лет предоставлено было читать все в ней без всякого выбора»², — вспоминает впоследствии писатель.

Уже детское и юношеское чтение Брюсова имело углублен-

¹ Боднарский Б. С. Брюсов как библиограф. — «Советская библиография», 1933, № 1—3, стр. 33—65.

² Брюсов В. Я. Автобиографическая записка. — В кн.: Избранные стихотворения. М., 1945, стр. 3.

ный и серьезный характер. В его архиве сохранилось более сорока черновых тетрадей, относящихся к 1889—1898 гг.; наряду с набросками произведений в стихах и прозе, они заполнены выписками из прочитанных Брюсовым книг.

Черновые тетради Брюсова позволяют наблюдать раннее появление у него склонностей, определившихся позднее как библиографические интересы. Он довольно тщательно указывает источники своих сочинений и статей по истории, географии, математике, составляет подробное оглавление каждой тетради. В некоторых случаях к черновикам дается систематический указатель. Так, три тетради 1889—1891 годов, объединенные общим оглавлением, снабжены выпиской, указывающей, «какие произведения взяты из собрания сочинений и книг (числом 34), какие из газет и журналов (числом 34), сколько из них переводных (5), сколько на иностранных языках (5) и сколько оригинальных (51), сколько стихотворений (45), сколько научно-философского содержания (6), а также сколько заметок (3) и шуток (6)»¹.

Формирование библиографических навыков Брюсова проявляется и в том, как он собирает и переписывает свои собственные юношеские стихотворения. В 1891 году Брюсов тщательно собирает и переписывает в двух тетрадях все свои сохранившиеся стихотворения за 10 лет, приводят к ним позднейшие варианты, указывает первоначальные и окончательные редакции и сопровождает следующей ссылкой: «Здесь собраны все мои сохранившиеся стихи, хотя бы незначительные, неотделанные отрывки или первый стихотворный лепет восьмилетнего ребенка (я родился в 1873 году)». Здесь же приложен перечень всех сохранившихся прозаических произведений. Нельзя не согласиться с выводами описавшего эти тетради Н. К. Гудзия, который считает, что «в этом тщательном собирании всех своих вещей, во внимании к вариантам собственных стихов и фиксировании их перед нами, уже в эту пору, обрисовывается будущий поэт, печатающий собрания своих произведений по типу академических изданий»². Следует лишь добавить, что обрисовывается не только будущий поэт, но и будущий текстолог и библиограф русской поэзии.

Еще в период литературного ученичества определилась огромная роль книги в формировании культурного и творческого кругозора поэта. Тема книги наметилась уже в ранней, подчеркнуто-декадентской, сугубо индивидуалистической лирике Брюсова 90-х гг. Книга здесь прежде всего — «том поэта», но-

¹ См. Ильинский А. А. Литературное наследство Валерия Брюсова. — «Литературное наследство», № 27—28. Л., 1935, стр. 490.

² Гудзий Н. К. Юношеское творчество Брюсова. — Там же, стр. 201.

ситель «спокойной красоты» («Сонет к форме» 1894). Именно так изображена роль книги в одном из стихотворений 1899 года (сборник «Tertia vigilia»).

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Усмиряет усталые взоры.—
Мне слышится счастья привет.
Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величия небес.
Опустись, опустись занавеска!
Весь мир отошел и исчез.
Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
Да, я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.

В соответствии с реакционной эстетической программой декадентства, одним из активных деятелей которого становится в 90-х годах Брюсов, книга рассматривается здесь как способ ухода от действительности в мир «чистого искусства». Однако такая чисто декадентская трактовка значения книги впоследствии преодолевается поэтом.

Своего расцвета творчество Брюсова достигает в 900-х годах, когда в его поэзии появляются большие социальные темы и истинно человеческие чувства. Теперь его творчество приобретает живую связь с современностью, во многих случаях выходя за пределы символизма. Широкий размах приобретает и деятельность Брюсова — журналиста, критика, исследователя. Идейное обогащение поэзии Брюсова и расширение его литературно-научной работы непосредственно отражается на интересах Брюсова-читателя. На первом плане для него по-прежнему художественная литература, особенно поэзия, за новинками которой Брюсов систематически следил с необычайной тщательностью. — «Источником этой феноменальной образованности была почти нечеловеческая страсть, — вспоминает К. И. Чуковский. — Для того, чтобы столько знать о литературе, о литературах всего мира, о Вергилии, о Верхарне, о Тютчеве, о Каролине Павловой и о самом последнем символистике парижских мансард, который даже на родине никому неизвестен, нужно было всепожирающее любопытство, неутомимый апетит ко всему, что связано с поэзией, с теорией литературы, с теорией литературного творчества, и нужна вера, что в жизни человека это — главное»¹. Однако несомненное преобладание литературных интересов не исключало глубокого охвата Брюсовым и других областей человеческого знания. Разнообразие и глу-

¹ Чуковский К. И. Репин, Горький, Маяковский, Брюсов. Л., 1940, стр. 179.

бина читательских интересов зрелого Брюсова отразились на объеме и характере его личной библиотеки, которой он, в основном, пользовался для всех своих произведений и работ.

Подбор библиотеки начался еще в юности, и ядром ее первоначально были сочинения классиков русской поэзии. Об этом свидетельствует сам Брюсов, снабдивший свои выписки и переводы из русских и иностранных поэтов в тетради 1889 года следующим примечанием: «Некоторые удивлялись, не встречая здесь стихотворений Лермонтова, Пушкина и т. д. Спешу сообщить, что сюда я помещаю из тех стихотворений, которые мне нравятся, только те, которых у меня нет»¹.

Позднее покупка книг становится в полном смысле слова страстью Брюсова, которой он оставался верен всю жизнь. В своих дневниках он постоянно отмечает посещения букинистов, приобретение тех или иных любопытных или редких книг, и в среде московских библиофилов скоро становится известным лицом. «Купил Лермонтова», «пошел под Сухаревку и, прельстившись, купил Оссиана и Нибелунгов», «купил Катулла», «ездил в Сокольники, где продаются старые журналы»², — аналогичными записями буквально пестрят дневники поэта.

Во время своих путешествий по Германии (1897 и 1909 гг.), Италии и Франции (1902, 1903, 1908), Швеции (1906), Голландии (1913) он посещает книжные магазины, завязывает деловые отношения с книготорговыми фирмами. «Сколько я помню, — рассказывает жена поэта, И. М. Брюсова, — книги покупались Валерием Яковлевичем всю жизнь. Открытый счет в книжных магазинах у Ланга, Вольфа, Готье, Дейбнера, Гирземана в Лейпциге позволял выписывать и покупать необходимую книгу во всякое время. Кроме того книги приобретались у букинистов «на вербе», «на Сухаревке», по воскресеньям и т. п.»³ Наряду с покупкой книг библиотека Брюсова в значительной мере обновлялась путем поступления дарственных экземпляров, поскольку ее владелец был связан личными или литературными отношениями с большинством литературных деятелей своего времени. В числе таких книг — произведения Блока, Бунина, Вересаева, Верхарна, Роллана; труды русских литературоведов и критиков Сакулина, Венгерова, Чуковского и т. д. Наконец, значительную роль в комплектовании личной библиотеки Брюсова играл обмен книгами издательства «Скор-

¹ Опубликовано А. А. Ильинским. «Литературное Наследство Валерия Брюсова». — В сб.: «Литературное Наследство», № 27—28. Л., 1935, стр. 488.

² Брюсов, В. Дневники. М., 1927, стр. 5, 9, 84.

³ Ашук и Н. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М., 1929, стр. 265.

япон» с другими русскими издательствами. О налаживании и аккуратном ходе этого обмена Брюсов лично и неустанно заботился. Так, переписываясь в 1910—1913 гг. с Е. В. Аничковым, редактировавшим в то время «Библиотеку русских писателей», задуманную петербургским издательством «Деятель», Брюсов предлагает Аничкову высылать издания «Скорпиона» взамен изданий «Деятеля»¹.

Систематически пополнявшаяся и пересматривавшаяся библиотека Брюсова насчитывала около 5000 томов.

Любопытные данные о составе личной библиотеки Брюсова сообщает В. А. Пуришева, обследовавшая ее в 1936—37 гг. На первом месте стоит современная русская поэзия и проза, представленная 1135 томами. За ней следует русская журналистика и альманахи первой четверти XX века. Журналов и оттисков из них — 1098 томов; альманахов — 233. Богат отдел литературоведения (230 книг) и особенно пушкиноведения (224 книги), тщательно подобраны словари и справочники (200 томов). В известной мере представлены европейские литературы в подлинниках — 188 книг. Кроме того, в библиотеке Брюсова имеются книги по истории и литературе античного мира (241 экз.), искусству (220 экз.), философии (143 экз.), армянской истории и литературе (80 экз.), математике (54 экз.), естественным наукам (47 экз.) и т. д.²

Подбор книг непосредственно отражает деятельность Брюсова, не только как поэта-символиста и редактора «Весов», но и как историка русской поэзии, мечтавшего создать такую «фактическую историю русской поэзии, к которой прибегали бы все во все времена»³, как ученого-пушкиниста, оставившего около восьмидесяти работ о «полубоге русской поэзии». На составе библиотеки Брюсова отражались также его исследования по истории римской литературы и его работа над созданием антологии «Поэзия Армении» (1916 г.), которая в условиях шовинистической национальной политики самодержавия имела большое общественное значение.

Самое серьезное внимание Брюсов уделял учету и классификации своей библиотеки. Сохранился целый ряд списков книг его, с чрезвычайной точностью и тщательностью составленных им самим. Первый из них озаглавлен «Список моих книг к осени 1898 года», затем следует «2-й список моих книг. Составлен осенью 1899 г.» и третий «Список моих книг. Состав-

¹ Письма В. Я. Брюсова к Е. В. Аничкову хранятся в архиве Института Русской литературы Академии наук. Ленинград.

² Пуришева В. А. Библиотека Валерия Брюсова. — «Литературное наследство», № 27—28, стр. 665—666.

³ Неопубликованное предисловие Брюсова к задуманной им в 1898 году «Истории русской лирики» хранится в архиве Брюсова. Москва.

лен в самом начале 1900 года». Характерная особенность этих списков — внесение в них элементов библиотечной классификации. В списках 1898 и 1900 гг. в начале помещен перечень отделов, отражающий взгляды Брюсова на систему классификации применительно к частной библиотеке; в рамках намеченных отделов перечислены книги.

Решая для себя вопросы классификации наук, Брюсов высказал свои соображения и в специальной заметке, обнаруженной В. А. Пуришевой в одной из книг его библиотеки: «Насколько для большой библиотеки необходимо подразделение по отделам, соответствующим научному, строго-логическому подразделению всех отраслей знания и литературы, настолько для маленькой частной библиотеки такая система неуместна... Частные библиотеки имеют свои собственные задания и известные отделы в них с необходимостью даны, или отсутствуют, или пополняются случайными изданиями. Поэтому для частных библиотек предпочтительнее деление на отделы не с одной, а с нескольких точек зрения... Считался с этим и я, собирая книги преимущественно по литературе, распределяя главнейшее на несколько отделов, называя, например, отдел для книг, относящихся к Пушкину, но очень возможно записать в один отдел все естествознание, выделив (однако) в особую рубрику математику, которая записывается библиотекарем специально.

Вторую особенность для расстановки составляет отсутствие разделения сочинений по языкам. Читая безразлично на нескольких языках, я не видел надобности разделять сочинения, тесно между собой связанные по содержанию, на основании таких внешних признаков, как язык, на каком они написаны. Соответственно с этим переводы непосредственно следуют за оригиналами того же автора... Занумерование всех книг под порядковыми №№ казалось мне неудобным в виду жизненности моей библиотеки, пополняющейся новыми сочинениями»¹.

На основе этих принципов и осуществляется систематизация книг в списках 1898—1900 гг., где все виды естественных наук представлены общей рубрикой, а художественная литература разделена на поэзию и прозу, причем стихи, в свою очередь, подразделяются на русские и иностранные, а книги писателей античного мира составляют самостоятельную рубрику. Таким образом характер библиотеки Брюсова, как специальной литературоведческой библиотеки, выступает вполне отчетливо и в подборе книг, и в принятой им классификации.

Некоторые факты организационно-административной деятельности Брюсова позволяют говорить и о том, что его интерес к вопросам комплектования, классификации и использова-

¹ Там же, стр. 662—663.

ния книги не ограничивался только личной библиотекой. Б. С. Боднарский указывает на роль Брюсова в организации библиотеки Московского литературно-художественного кружка, обслуживавшей научную и художественную интеллигенцию Москвы: «По инициативе В. Я. как председателя Кружка была организована прекрасная библиотека, в которой велись специальные библиографические работы»¹.

В первом же выпуске «Известий Литературно-Художественного Кружка», выходявших с 1913 по 1917 год под редакцией Брюсова и при его деятельном сотрудничестве, ставилась задача пропаганды книжных фондов библиотеки. «Библиотека кружка, на пополнение которой общее собрание никогда не жалело ассигнований, включает в себе немало книжных редкостей — среди которых есть уника — ожидающие своего описания и изучения. Редакция «Известий» предполагает кроме помещения списков вновь поступивших в кружок книг давать подробные библиографические сведения о наиболее замечательных изданиях, хранящихся в его библиотеке»².

Впоследствии была помещена статья С. К. Шамбинаго о библиотечном экземпляре редкого первого издания «Слова о полку Игореве»³. Списки новых поступлений библиотеки регулярно публиковались в каждом номере.

Руководимая Брюсовым Дирекция Кружка через своих обязательных представителей в комиссии по пополнению библиотеки решала вопросы комплектования, на которое отпускалось около 4.000 рублей в год — сумма применительно к тогдашнему уровню книжных цен довольно значительная⁴. В 1914 году книжный фонд библиотеки оценивался, согласно финансовому отчету дирекции, в 64 000 рублей⁵, и председатель дирекции — Брюсов с полным основанием писал: «Неизменно возрастала наша Библиотека, являющаяся теперь одной из наиболее больших и наиболее замечательных по подбору книг в Москве»⁶. Дирекция устанавливала порядок выдачи книг членам клуба и тщательно следила за сохранностью фондов библиотеки: вопреки настояниям отдельных членов Кружка вынос книг и журналов из читальни в гостиные и салоны не разрешался.

В отчете дирекции за 1915—1916 год приводятся следующие данные об обслуживании библиотекой Кружка своих чи-

¹ Боднарский Б. С. Брюсов как библиограф. — «Сов. библиография», 1933, № 1—3, стр. 153.

² «Известия Лит. Худ. Кружка». Вып. I, М., 1913, стр. 2.

³ Там же, Вып. 3, 1914, стр. 26—36.

⁴ По смете 1913/14 г. 4000 р. — «Известия Лит. Худ. Кружка. Вып. 1, стр. 16; По смете 1914/15 г. — 4.500 р. — то же, Вып. 6, стр. 19.

⁵ Там же. Вып. 6, стр. 14.

⁶ Там же. Вып. 1, стр. 3.

тателей: «Библиотека Кружка пополнилась 290 томами периодических изданий и 645 книгами и брошюрами, при этом в месяц из библиотеки выдавалось от 1500 до 2580 книг, а читальню посещало ежемесячно от 500 до 1250 человек»¹.

Поскольку библиотека Кружка обслуживала узкий круг буржуазной интеллигенции, эти цифры посещаемости свидетельствуют об ее популярности и сравнительно широком использовании фондов. Все эти данные о библиотеке Литературно-Художественного Кружка позволяют считать Брюсова организатором одной из общественных библиотек предреволюционной Москвы.

II

В период творческой зрелости разворачиваются не только организационно-библиотечные, но и библиографические интересы Брюсова. Студенческие рефераты, серьезные занятия классической филологией помогли закреплению библиографических навыков, намечавшихся в детстве. Еще в 1895 г. Брюсов вступает в члены Русского Библиографического Общества при Московском университете. Б. С. Боднарский, на основе личных воспоминаний, дает следующую характеристику деятельности Брюсова-студента в этом обществе: «В. Я. сразу примкнул к существовавшему в составе членов Общества кружку молодых библиографов-литературоведов, среди которых были: А. А. Курсинский, П. С. Коган, В. М. Фриче, В. М. Шулятиков, Е. А. Ляцкий, В. Я. Муринов и др. Наибольшим энтузиастом среди них был В. Я., который старался увлечь своих товарищей, подчас терявшихся между библиографией и литературой, на пути чистой библиографии. Его идеей было составить библиографический словарь деятелей русской литературы в виду того, что начинания в этой области Д. Д. Языкова и С. А. Венгерова его не удовлетворяли.

Результатом опытов молодого библиографа был целый ряд составленных им библиографических записей, который В. Я. передавал в картотеку составлявшегося тогда Обществом «Национального библиографического репертуара»².

Недовольство Брюсова пособиями Языкова и Венгерова, как и его идея создания библиографического словаря русских писателей, несомненно, были связаны с той большой подготовительной работой к созданию «Истории русской лирики», которой был занят Брюсов в конце 90-х гг. Осуществить этот грандиозный труд ему так и не удалось. Оставаясь на позициях

¹ Там же. Вып. 14—15. М., 1916, стр. 56.

² Боднарский Б. С. В. Я. Брюсов как библиограф. — «Советская библиография», 1933, № 1—3, стр. 157.

теории «чистого искусства», нельзя было создать подлинно научную обобщающую работу по истории русской поэзии. Подготовительными этюдами к задуманному труду явились разыскания Брюсова, посвященные народному стихосложению, творчеству Баратынского, Тютчева, Фета. Занятия библиографией русской литературы в 900-х гг. были подчинены этим историко-литературным задачам.

В дальнейшем также Брюсов рассматривал задачи библиографии как ученый — историк и филолог, постоянно опирающийся на опыт и данные библиографии. Недаром его единственная статья, посвященная библиографии как таковой, была озаглавлена «О значении библиографии для науки». Опубликованная уже после смерти автора, эта статья формулировала взгляды, которых Брюсов придерживался постоянно, начиная от студенческих занятий и кончая тем периодом, когда стал одним из создателей Книжной палаты. «Справедливо было сказано, что знание состоит не столько в запасе сведений, сколько в умении найти нужные сведения в книгах. В самом деле, область человеческого знания за последние века разрослась безмерно. Никакой ученый не в силах работать даже в пределах своей специальности, не обращаясь к помощи книг — трудов других ученых, предшествовавших и современных... Отсюда вытекает огромное значение библиографии в современной науке... Каждая наука основывается на библиографии»¹.

В полном соответствии с этими положениями, по мере того как расширялась литературоведческая деятельность Брюсова, множились и его библиографические труды. Большую роль в укреплении интереса к библиографии сыграло его сотрудничество в «Русском Архиве» П. А. Бартенева. Редакция «Русского Архива» хранила огромное количество неопубликованных материалов, на страницах журнала уделялось большое место библиографическим изысканиям. «Затем предался я библиографии. Баратынский и Пушкин, вернее издатели их, заняли все мое время»², — пишет Брюсов в 1899 году, т. е. в год, когда он стал секретарем редакции «Русского Архива». Некоторые из работ Брюсова конца 90-х гг. относятся именно к типу библиографических разысканий. Таковы его статьи «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» (1898), «О собрании сочинений Е. А. Баратынского» (1899), «Что дает Академическое издание сочинений Пушкина» (1899), «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (1900), напечатанные в «Рус-

¹ Брюсов В. Я. О значении библиографии для науки. — «Библиографические известия», 1919, № 1—4, стр. 5.

² Брюсов В. Дневники. М., 1927, стр. 77.

ском Архиве», и его доклад «Материалы по био-библиографии Каролины Павловой», прочитанный в общем собрании Библиографического Общества 9 апреля 1901 года.

Особенно привлекала Брюсова-библиографа, начиная с 1899 года и до последних лет его жизни, «Пушкиниана». Библиография занимает значительное место в его примечаниях к отдельным произведениям Пушкина, опубликованных в I и II томах сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Библиографические разыскания в области лицейских стихотворений Пушкина вошли также в книгу Брюсова «Лицейские стихи Пушкина. К критике текста». (М., 1907).

Позднее Брюсовым был задуман и частично осуществлен ряд указателей по пушкиноведению. Уже после смерти Брюсова в его архиве были обнаружены следующие начатые им указатели литературы о Пушкине и произведений Пушкина: «Перечень стихотворений Пушкина по мере их поступления в печать с 1814 по 1916 гг.», «Систематический указатель источников для библиографии А. С. Пушкина», «Перечень рукописей Пушкина»¹. Брюсов имел все основания считать себя специалистом-библиографом в области пушкиноведения, о чем он писал еще в 1902 году, когда работал над статьей «Из жизни Пушкина». «Из всевозможных областей, из самых неожиданных источников, известных лишь мне, как библиографу, я отыскиваю новые черты Пушкина, как человека и поэта»².

И другие свои литературоведческие труды, очень разнообразные по тематике и жанрам, Брюсов постоянно сопровождает библиографическими разысканиями в той или иной форме. Так, в историко-литературном очерке о римском поэте Авсони дается обзор литературы о его жизни и творчестве³.

Редактируя собрание сочинений Каролины Павловой, Брюсов насыщает библиографическими материалами свои примечания: «В примечаниях указаны издания, в которых стихотворения К. Павловой были напечатаны при ее жизни или (после ее смерти) — в первый раз. Нами значительно пополнены данные «Библиографического словаря русских писательниц»⁴. Кроме того, во II томе приводится перечень изданий сочинений К. Павловой и ее работ, не вошедших в данное собрание⁵. Библиографический аппарат занимает видное место в сборнике переводов Брюсова из французской поэзии, где помещен указатель общих сочинений по истории французской поэзии XIX

¹ Ашуккин Н. Пушкиниана в архиве В. Я. Брюсова. — В сб.: В. Я. Брюсов. Мой Пушкин. М., 1929, стр. 305—306.

² Перцов П. Брюсов в начале века. — «Знамя», 1940, № 3, стр. 249.

³ Брюсов В. Я. Великий ритор. М., 1911, стр. 46—48.

⁴ Павлова К. Собрание сочинений. Т. I. М., 1915, стр. 308.

⁵ Там же, т. II, стр. 419—422.

века и, кроме того, даются библиографические справки о каждом из упомянутых в антологии поэтов¹. Необходимо упомянуть также об активном участии Брюсова в составлении ежегодных каталогов книгоиздательства «Скорпион». Наконец, под его личным руководством составлялась библиография его собственных произведений, также изданная «Скорпионом»².

Перенесение вырабатывавшихся годами библиографических навыков на свои собственные произведения характерно для Брюсова, поэта и ученого. К своим стихам он относится не только как автор, но и как ученый текстолог и искушенный библиограф, понимающий все значение датировки, вариантов текста, определения источников и первых печатных редакций. Особенно наглядно это выступает при анализе тех изданий избранных стихотворений Брюсова, которые составлялись им самим. Так, в 1908 году Брюсов составляет три тома своих стихов под общим заглавием «Пути и перепутья» (изданы «Скорпионом»). В предисловии к каждому тому автор указывает, из каких его сборников вошли те или иные произведения в данный том, какие стихи опущены, какие печатаются впервые. В каждом томе имеется библиография, хронологически охватывающая тот период творчества, к которому относится данный том, систематизированная по следующим отделам: I. Книги. II Сотрудничество: а) альманахи и сборники, в) журналы, с) предисловия. III. Переводы стихотворений на иностранные языки. IV. Музыка. V. Критика.

Те же самые принципы положены Брюсовым и в основу работы над собранием его собственных сочинений, которое должно было выпустить в 1913—15 гг. издательство «Сирин». Все вышедшие тома снабжены примечаниями чисто библиографического и текстологического характера. В предисловии к I тому Брюсов писал: «Мы видим печальные примеры, что писатели, которые должны были бы относиться более строго к написанному ими за их уже долгую жизнь, решаются выпустить в свет свои «собрания сочинений» в виде простой перепечатки разных своих книг, соединенных в совершенно случайном порядке. Мне всегда казалось, что в таком отношении к своей работе есть значительная доля неуважения к самому себе и своему делу.

Вот почему, решившись впервые соединить все написанное мною в форме «собрания сочинений», я счел своим долгом внимательно обдумать и план, и состав издания... К некоторым томам — это относится особенно к сборникам стихов — я приложил не только «библиографические примечания» (которые,

¹ Брюсов Валерий. Полное собрание сочинений и переводов. Том XXI. Французские лирики XIX века. СПб, 1913, стр. 232—237 и 237—281.

² Библиография Валерия Брюсова. М., 1913.

конечно, самому мне составить было легче, чем кому либо другому), но и небольшое собрание «вариантов»...¹

Не только сборники стихов, но и основные прозаические произведения Брюсова снабжались библиографическим аппаратом. Во втором издании «Огненного Ангела» помещены сведения о том, где первоначально печатался роман и на какие иностранные языки он переведен². Примечания к роману имеют не только исторический, но и библиографический характер, поскольку в большинстве из них указана книга, послужившая Брюсову источником для той или иной сцены или детали. На основании этих примечаний можно составить очень полный и точный список источников романа, куда войдут основные труды по позднему средневековью.

Библиографически оснащены и примечания ко второму историческому роману Брюсова «Алтарь Победы». Перерабатывая журнальный текст (первоначально роман печатался в «Русской мысли» 1911—12 гг.) для полного собрания сочинений, Брюсов присоединяет к нему обширные примечания, содержащие перечень всей важнейшей литературы по римской истории IV века³. Здесь он сам раскрывает библиографическую основу своей работы над романом, сопровождая его, кроме примечаний, особым «Списком источников». «Чтобы дать возможность желающим проверить мои цифры и чтобы указать объем материалов, которыми я пользовался, я привожу здесь список сочинений, на которые сделаны ссылки в примечаниях. Список разделен на три части: 1) издания античных авторов, 2) новые исследования, 3) справочные издания»⁴, — писал Брюсов. Список, насчитывающий более 100 названий, снабжен основными выходными данными и указанием принятых в примечаниях сокращений. Он приобретает вполне самостоятельную научно-библиографическую ценность как указатель основной литературы по данной исторической эпохе.

При характеристике Брюсова как библиографа, несомненно, должно быть учтено и то обстоятельство, что одним из любимых жанров Брюсова-критика был жанр критико-библиографического обзора. То в виде информации о книжных новинках, то в форме обзора книг на определенную тему, или за определенное время, то, наконец, как отзыв о деятельности

¹ Брюсов Валерий. Полное собрание сочинений и переводов. Том I, СПб, 1913, стр. IX.

² Брюсов Валерий. Огненный Ангел. Повесть в XVI главах. Издание второе, М., 1909, стр. 368. Примечания см. на стр. 332—368.

³ Брюсов Валерий. Полное собрание сочинений и переводов. Том XII. Алтарь Победы. Повесть IV века. (Книга I и II), стр. 238—282; т. XIII (книги III и IV), стр. 299—340.

⁴ Там же, т. XIII, стр. 341—353.

того или иного издательства, этот тип критической библиографии систематически использовался Брюсовым на страницах журналов, в которых он сотрудничал, разумеется, органически связываясь с его общими литературно-эстетическими позициями. Однако широкие познания Брюсова-литературоведа и его большая любовь к родной литературе позволяли ему подчас в своих критико-библиографических обзорах выходить за рамки декадентско-символистических воззрений и реакционной теории «чистого искусства».

Уже в «Весах» (1904—1909), идейным вдохновителем и неутомимым редактором которых был Брюсов, им систематически велись отделы: «О книгах» и «В журналах и газетах». Направленность этой библиографической информации диктовалась программой журнала — боевого органа русских символистов, воевавшего с реализмом и идейностью в искусстве с позиций рафинированного эстетизма и реакционной мистики. Но многие черты библиографического отдела «Весов» отражали особенности мировоззрения самого Брюсова и его существенные расхождения с лагерем декаданса. С одной стороны — нападки на книги реалистов, особенно «знаньевцев», восхваление европейских и русских декадентов, с другой стороны — относительная полнота книжной информации, ее своевременность и систематичность, внимание к научным трудам в области истории, математики, литературоведения, особенно пушкиноведения.

Брюсов не прекращает своей активной работы рецензента-библиографа и после ликвидации «Весов», вызванной полным идейно-творческим распадом символизма. Перейдя в кадетскую «Русскую мысль» (над политической платформой которой он неоднократно издевался, а впоследствии порвал с этим журналом окончательно), он энергично налаживает и здесь свое любимое дело. Б. С. Боднарский отмечает большую работу В. Я., которую он по должности редактора литературного отдела «Русской мысли» вел в течение нескольких лет — с 1908 по 1911 гг. «Работа эта вначале заключалась в составлении разного рода библиографических списков для нужд редакции, а с 1910 года — в составлении обширных указателей, ежемесячно публиковавшихся под скромным заглавием «Книжные новости», фактически же дававших прекрасно классифицированные перечни книг по всем отделам»¹. Эти указания надо уточнить, т. к. и после 1911 года, отказавшись от заведывания отделом «затхло-либерального», по его определению, журнала, Брюсов время от времени помещает там критико-библиографи-

¹ Боднарский Б. С. Брюсов как библиограф. — «Сов. библиогр.», 1933, № 1—3, стр. 164.

ческие обзоры литературы¹. Одновременно он, как председатель дирекции Московского литературно-художественного кружка, становится редактором «Известий» кружка, где и находят свое преимущественное выражение его библиографические интересы. В отделе библиографии «Известий» неизменно помещаются коротенькие отзывы о новых книгах и отдельные тематические обзоры².

Рецензии и обзоры Брюсова, печатавшиеся во всех журналах, где он сотрудничал, очень содержательны и чрезвычайно сжаты. Разделяя буржуазные представления о надклассовости, беспартийности науки и искусства, он, однако, часто скатывается к объективизму. Его стилистически отточенные отзывы и аннотации сплошь и рядом не дают ответа на вопрос о том, какие положения автора приемлет или отвергает сам Брюсов, не раскрывают общей историко-литературной перспективы, лишены идейной четкости и принципиальности оценок. Правда, в своих обзорах русской поэзии 1912—1917 гг. он правильно отмечает тот формалистический тупик, в который попала декадентско-символистская литература в силу своего разрыва с жизнью, но он еще не в состоянии увидеть будущее русской литературы в молодой пролетарской революционной поэзии.

III

При тех широких размерах, которое принимает в 900-х годах деятельность Брюсова — библиофила-библиографа, вполне естественно, что тема книги входит и в его творчество. В поэзии и прозе Брюсова этого периода можно найти ряд образов, описаний, целых произведений, посвященных книге. Библиофильские пристрастия Брюсова определили содержание стихотворения «Терцины к спискам книг», впервые напечатанного в каталоге издательства «Скорпион» на 1902 год.

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной были близки.
Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названия неизвестных книг,
Следить за именами, слог за слогом
Впивать слова чужого языка,

¹ Сегодняшний день русской поэзии. — «Русская мысль», 1912, № 7, стр. 17—28; Новый французский журнал. — Там же, 1913, № 7, стр. 24; Новые течения в русской поэзии. — Там же, 1912, № 8, стр. 71—86; Новости пушкинской литературы. — Там же, 1912, № 3, стр. 14—20.

² Рецензии помещались в каждом номере и перечислить их по многочисленности невозможно. Из обзоров указываем: Новые издания Н. А. Некрасова. — Известия Литературно-Художественного кружка, 1915. Вып. 10, стр. 51—53.

Угадывать великое в немногом;
 Воссоздавать поэтов и века
 По кратким, повторительным пометам:
 «Без титула», «в сафьяне» и «редка».

Эти «Терцины» передают настроения утонченного знатока «редкой» книги, умеющего обратить и книжные каталоги в объект эстетического наслаждения. Они связаны с общей программой издательства «Скорпион», ориентировавшегося на «избранных» читателей, да и написаны «Терцины» в самом начале 900-х годов, когда Брюсов еще ведет активную литературную борьбу за утверждение декадентской «новой поэзии». Но и здесь сквозь пассивно-гурманское восприятие книги прорывается голос ученого, исследователя, который не только любит редкой книгой, но и пытается, проникая в нее, «воссоздать поэтов и века». Тема познавательного значения книги, лирический пафос грандиозных перспектив познания, открывающихся человеку посредством книги, воплощаются в одном из лучших образцов ранней философской поэзии Брюсова — в стихотворении «L'ennui de vivre» (Скука жизни. 1902). Несомненно автобиографическое, это произведение подчеркивает огромное значение книги в жизни самого поэта:

А книги... Чистые источники улады,
 В которых отражен родной и близкий лик,
 —Учитель, друг, желанный враг, двойник—
 Я в вас обрел все сладости и яды! . . .
 . . . С какою жадностью, как тесно я приник
 К стоцветным стеклам, к окнам вещей книг
 И увидел сквозь их просторы и сиянья
 Лучей и форм безвестных сочетанья,
 Услышал странные родные имена. . .

Здесь холодное любованье книжными редкостями уступает место глубокой искренней страсти, благородной жажде познания, заставляющей человека «приникнуть» к «вещим» книгам, искать у них ответа на вопросы жизни, находить пути к новым «просторам» мысли.

Тема книги как источника знания еще полнее развертывается в значительно более позднем стихотворении «Библиотеки» (1917 г.).

Власть времени сильнее затаена
 В рядах страниц, на полках библиотек:
 Пылая факелом во мгле, она
 Порой язвит, как ядовитый дротик. . . .
 . . . Мы дышим светом отжитых веков,
 Вскрывающих пред нами даль дорог,
 Повсюду отблеск вдохновенных слов,—
 То солнце дня, то месяц серебророгий!
 Но нам дороже золотой колчан
 Певучих стрел, завещанный в страницах.

Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах.
Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки,—
Там дротик мстительный бессмертных книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.

Брюсов подчеркивает значение книги для преемственности мировой культуры: гений человека преодолевает «власть времени» с помощью книги, связывающей опыт целого ряда поколений. Образы этого стихотворения раскрывают и новое по сравнению со строфой из *«L'ennemi de vivre»* восприятие темы: книга не только «окно в мир», но и «оружие» в борьбе со всем отжившим, ложным, мешающим движению передовой мысли. Эта основная идея — «книга — оружие человечества» — развивается в виде целой системы метафор: «колчан», «стрела», «дротик», «тетива». Свойственный им оттенок некоторой архаичности типичен для зрелой поэзии Брюсова: мифологические и библейские образы, архаизированная лексика широко применялись поэтом, эстетически отталкивавшимся от будничной и пошлой буржуазной действительности. Торжественный, патетический стиль произведения в данном случае вполне соответствует брюсовскому пониманию темы: «книга и библиотека» для него великое явление человеческой деятельности.

Как источник знания и хранилище мысли, книга в понимании Брюсова неразрывно связана со всей культурой человечества, представляет собой ее неотъемлемую часть. Обращаясь в своих романах к переходным эпохам истории, пытаясь из крушения цивилизаций прошлого извлечь уроки истории в обстановке приближающегося крушения буржуазного уклада в России, Брюсов уделяет большое место книге и библиотеке. В его исторических романах воссоздается с археологической точностью не только городской пейзаж, домашняя утварь, одежда и обстановка средневековой Германии или «Золотого» Рима, но и культурная, особенно же литературная, атмосфера данной эпохи. Одним из любимых приемов, которыми Брюсов добивается этой цели, является описание библиотеки или книжной лавки, отражающих своим подбором и характером умственные интересы и идейную борьбу того времени, о котором идет речь. Так в романе *«Огненный Ангел»*, где показана одна из самых мрачных сторон жизни позднего средневековья — процессы ведьм, иступленный фанатизм церковников и мистические искания героев романа — дается описание лавки старого букиниста Якова Глока в университетском городе Кельне, набитой трактатами об оккультизме, астрологии, магии и сочинениями отцов-инквизиторов против ведьм и еретиков. Теми же причинами объясняется введение Брюсовым в ход повество-

вания развернутого описания библиотеки графа фон Веллена.

Библиотека графа, украшением которой являются рукописи античных авторов и произведения гуманистов, характеризует не только своего владельца, ученика и последователя гуманистов, смело вступающего в борьбу с инквизицией, но и подчеркивает другую, затронутую в романе, сторону идейной жизни позднего средневековья — пробуждение пытливой человеческой мысли, освобождающейся как от оков богословской схоластики, так и от заблуждений магии и алхимии.

Ту же культурно-историческую роль и композиционную функцию выполняют описания библиотеки и книги в другом романе Брюсова «Алтарь Победы». Книга — неизменный спутник цивилизации, достигшей высокого уровня — постоянно упоминается автором при описании римских жилищ, загородных вилл, школ известных риториков. Своеобразным средством художественного обобщения противоречий рабовладельческого Рима становится в романе Брюсова изображение главной родовой библиотеки дома Аврелиев, находящейся в состоянии полного упадка.

«Но главной драгоценностью дома была бесспорно библиотека, составившаяся за несколько столетий. Она занимала несколько комнат, куда редко кто заглядывал и, вероятно, никто на свете не знал, какие богатства она в себе таит. Только незначительная часть свитков была расположена по местам, в стенных нишах и армариях, множество лежало прямо на полу, грудками, словно груды овощей у уличного торговца. Здесь в одну кучу были свалены старые издания знаменитых писателей, в наши дни замененные новыми, как уверяют, более исправными, и сочинения всеми забытых авторов, которых никто не хочет перечитывать. Здесь же лежали бумаги рода Аврелиев, собрания старых писем к великим предкам Симмахам... Все это лежало, как пожива для мышей и книжных червей, гнило, покрывалось пылью, истлевало. К библиотеке было приставлено несколько рабов, но они довольствовались тем, что время от времени пытались стереть накопившуюся пыль, да перекладывали груды книг с места на место».

Книга, ставшая достоянием немногих, гибнет, не принося пользы обществу. Подобная картина становилась в романе как бы символом вырождения высокой, но внутренне противоречивой римской цивилизации, обреченной на скорую и неизбежную гибель под натиском возмущившихся рабов и восставших варваров.

Однако образы книги и библиотеки в творчестве Брюсова отражали не только его большую и разностороннюю культуру, но и противоречия его мировоззрения. Ощущая крайнее политическое напряжение своей эпохи, предчувствуя приближение

социальной катастрофы, поэт не смог своевременно оценить общественную роль той великой силы, которая несла гибель старому миру. «Чистые источники улады» — книги не могли спасти его от той трагической изолированности, на которую он сам себя обрек, оставшись в стороне от нарастающего революционного движения, в плену порочной концепции «чистого искусства».

«Окно из книг», сквозь которое смотрел на «просторы» Брюсов, отгораживало его от жизни. Книга становилась в его творчестве не только способом познания и показа социальной действительности, но и средством ухода от нее в стилизацию, в экзотику. Упрек в «книжности», безжизненности творчества, который часто бросала Брюсову современная критика, поэтому был в значительной мере справедлив. Поэт, мучительно ощущавший свою изолированность, одиночество даже в стане символистов, «среди своих», подчас тяготился грузом культуры, созданной старым обществом и связывавшей Брюсова с ним. Он признавался, что оторванность от жизни — основной порок «новой поэзии», жаловался в беседе с А. М. Горьким на свою собственную замкнутость «в мире книг»: «Можете ли вы прожить 20 лет среди книг и только книг? спрашиваю, — передает Брюсов эту беседу, — Нет, что вы. Этого нельзя. Я не могу. — Да и я не могу, а вот прожил же»¹.

Приведенное признание подкрепляется и лирическими мотивами поэзии Брюсова, особенно полным отчаяния и горечи финалом его строфы о книгах в *«L'ennui de vivre»*.

И годы я стоял, безумный, у окна.
Любуясь солнцами, душа моя ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла. . .

В связи с этими характерными противоречиями творчества Брюсова, книга также часто поэтически воспринимается им как символ оторванной от масс, изживающей себя культуры старого собственнического мира, вместе с ним обреченной на гибель. Именно так изображена истлевающая библиотека в Риме эпохи упадка. Аналогичные образы рассеяны и в лирике Брюсова:

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободный крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Этот отрывок из поэмы «Замкнутые» показывает, как представляет себе Брюсов гибель ненавистного ему, «неправого», «некрасивого», по его словам, общественного строя старой Рос-

¹ Брюсов В. Дневники, М., 1927, стр. 93.

сии. Воспевая «восторг освобождения», поэт разделяет буржуазное представление о гибели капитализма как гибели всей накопленной человечеством культуры, о ее полном уничтожении. Тем не менее, Брюсов был готов приветствовать «детей пламенного дня», особенно в 1905 году, когда они показали всю свою мощь и величие. Поэт призывает их крушить «устои вековы», даже если погибнет и он сам, и то, что ему дороже жизни — культура, и ее символ — книга.

В 1905 году он обращался к «грядущим гуннам»:

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме—
Вы во всем неповинны, как дети!

Идея закономерности и справедливости революции, пусть даже связанной с полной гибелью сокровищ культуры, в том числе библиотек и книг, столь дорогих поэту, полнее и ярче всего звучит в отрывках незаконченного Брюсовым утопического романа «Семь земных соблазнов».

«Я вдруг представил себе миллионы людей, которые поколение за поколением роются в шахтах, льют расплавленный чугун, присматривают за ткацкими и прядильными машинами, шлифуют алмазы, набирают книги, работают в сотнях других производств, все это лишь затем, чтобы столько-то тысяч счастливых, по прихоти рока родившихся в других условиях, смогли всячески услаждать свое тело и свой дух... Пусть же рушится великая столица, пусть обращаются в прах каменно-стальные дворцы, пусть гибнут библиотеки и музеи, исчезают памятники искусства, горят кострами книги ученых и поэтов, пусть совершается тысяча новых несправедливостей, только бы освободиться от этой, которая, как чудовищный кошмар, давит мир тысячелетие за тысячелетием».

IV

Великая Октябрьская революция освободила русский народ от «чудовищного кошмара» капиталистического строя. Но, вопреки утверждениям идеологов буржуазии, победивший пролетариат не только не уничтожил старую культуру, но сохранил и использовал ее для создания новой, подлинно народной культуры. В числе тех лучших представителей старой интеллигенции, которая активно участвовала в великом деле культурной революции, оказался Брюсов — поэт и ученый. Разносторонняя и добросовестная работа Брюсова сблизила его с советской общественностью и помогла ему решительно разорвать со старым буржуазным окружением. Вступив в 1920 году в члены партии большевиков, поэт закрепил свой окончательный раз-

рыв с либеральной интеллигенцией, скатившейся в лагерь врагов революции.

В советский период деятельности Брюсова на новой основе развернулись его библиографические и организационно-библиотечные начинания. В феврале 1917 года Брюсов приветствует свержение самодержавия, он предвидит новые перспективы книжного и издательского дела, отныне освобожденного от нестерпимых оков царской цензуры, и строит планы переиздания произведений, искалеченных цензорами. «Многое переменится и в «Летописи», и в «Парусе». Только теперь они станут сами собой, — писал он Горькому в марте 1917 года. — Надо ли говорить, насколько легче и радостнее будет для них работать!»¹ Как опытный журналист и издатель, Брюсов принимает непосредственное участие в реорганизации книжного дела; он возглавил созданный 9 апреля (27 марта) в Москве Комиссариат по регистрации произведений печати, перед которым стояла тогда важнейшая задача отделения государственной регистрации произведений печати от цензурных функций.

Еще в 1905 году поэт заявил о своем отвращении к «полумерам», к лицемерной политике буржуазного либерализма. Когда в октябре 1917 года пролетарская революция уничтожила правительство министров-капиталистов, Брюсова не испугал могучий размах народного движения. «После Октябрьской революции, в конце 1917 г., я предложил свои силы советскому правительству»,² — вспоминал он впоследствии.

Московский комиссариат по регистрации произведений печати получал 8 обязательных экземпляров всех периодических и непериодических изданий, выходивших в самой Москве. Периодические издания регистрировались в алфавитном списке и в ежедневной ведомости поступлений. Книги и брошюры учитывались также в ежедневной ведомости и в особом каталоге. Один экземпляр поступивших изданий оставался в комиссариате, другой передавался в библиотеку Румянцевского музея, шесть экземпляров пересылались в Петроград, в Книжную палату³.

После Великой Октябрьской социалистической революции Московский комиссариат стал отделением Петроградской книжной палаты, и работа Брюсова протекала под руководством директора последней — С. А. Венгерова. Придавая огромное значение научной регистрации произведений печати, как

¹ Горький. Исследования и материалы, т. I. Л., 1937, стр. 188.

² Брюсов В. Автобиографическая записка. — В кн.: Избранные стихотворения. М., 1945, стр. 5.

³ Данные взяты из доклада Брюсова о восстановлении Московского округа по делам регистрации произведений печати. — Архив Брюсова. Москва.

основе для создания всех видов библиографии, Брюсов очень много времени и внимания уделяет своей работе в Московском отделении Книжной палаты. «Наибольшее число печатных произведений стало поступать в палату с первых же дней ее существования из Москвы», — свидетельствует А. Г. Фомин, который объясняет активность Московского отделения личными заслугами Брюсова, «положившего много энергии и труда на организацию этого дела».¹ Такая точка зрения подтверждается и многочисленными неопубликованными письмами Брюсова к Венгерову во второй половине 1917—начале 1918 года, в которых обсуждаются вопросы финансирования, штатов, объема деятельности Московского отделения Книжной палаты.

Эти обязанности осознавались Брюсовым как дело большого государственного значения, о чем он прямо писал Венгерову, оправдываясь в невыполнении к сроку взятой на себя литературной работы. «В конце концов мне было поручено определенное государственное дело и нельзя было не принести ему в жертву свои личные, хотя бы и связанные с чужими, интересы».²

Свое понимание задач государственной регистрации Брюсов высказывает и в печати. «Для науки, литературы и всей культуры представляет огромную важность сохранение всех без исключения, даже малейших, произведений печати в государственных книгохранилищах и правильный учет их в научно-библиографических списках».³

Рассматривая регистрацию произведений печати как важнейшее государственное дело, Брюсов борется за доставку Московскому отделению восьми обязательных экземпляров каждого издания, за присылку в Московское отделение изданий, выходящих в Московской губернии, за сроки поступления книг, что отразилось в целом ряде отчетов, проектов, докладных записок, писавшихся Брюсовым и сохранившихся в его архиве.⁴

В октябре 1918 года Брюсов, еще ранее привлеченный Луначарским к активной деятельности в Наркомпросе, оставляет работу в Московском отделении Книжной палаты. «Хо-

¹ Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной палаты», Л., 1925, стр. 24.

² Письмо от 20 мая 1917 г. Хранится, как и вся переписка Брюсова с Венгеровым с 1900 по 1918 г. в архиве Института русской литературы в Ленинграде.

³ Брюсов В. Отчет о деятельности Комиссариата по регистрации произведений печати в Москве с 27 марта по 15 мая 1917 г.—Известия испол. комитета Моск. общ. организаций, 1917, № 3—4.

⁴ Доклад о восстановлении Московского округа по делам регистрации произведений печати. Архив Брюсова. Москва.

тя мною было получено от Коллегии Народного Комиссариата по просвещению разрешение совмещать две должности, но практика показала мне, что в некоторые периоды работы это крайне затруднительно. Именно сейчас на мне, как заведующем Московским библиотечным отделением, лежат разные крайне спешные обязанности. Поэтому я сделал в Отд. Книжной Палаты заявление, что в течение ближайших 2—3 недель не имею возможности в полном объеме выполнять свои обязанности¹, — писал Брюсов Венгерову 30 октября 1918 года, прося освободить его от заведывания Московским отделением Книжной палаты.

Позднее Брюсов неоднократно возвращался к проблемам государственной библиографии. По свидетельству Б. С. Боднарского, Брюсов был членом Библиографической комиссии при Государственном издательстве в Москве весной 1920 года.² В связи с этим была написана упоминавшаяся выше статья «О значении библиографии для науки», выдвигавшая как первоочередную задачу — создание общей русской библиографии.

В конце 1920 года Брюсов поддерживает решение Б. С. Боднарского перевести «Книжную Летопись» на десятичную классификацию. «Приняв в душе решение в корне реформировать «Книжную Летопись», вернее — интернационализировать ее как в смысле описания (по международным каталогическим нормам), так равно и в смысле классификации (по десятичной системе Международного библиографического института), я сильно колебался, сознавая, какой серьезный шаг предстоит сделать, связывая библиографическую регистрацию громаднейшего государства с совершенно новыми методами, имевшими к тому же у нас ярых противников. В. Я. ободрил меня, доказав, что я не только обязан, но даже и не имею права не произвести этой радикальной реформы, многие годы подготавливая к ней молодое поколение библиографов. Жребий был брошен, и с 1921 года «Книжная Летопись» стала выходить в новом, реформированном виде».³ В начале 20-х годов переход на единую систему классификации имел большое прогрессивное значение в связи с тем разнообразием, который господствовал в области классификации книг в частных и государственных библиотеках царской России.

Продолжалась в новых советских условиях и активная работа Брюсова по критической и рекомендательной библиогра-

¹ Цитирую по черновику письма, сохранившемуся в архиве Брюсова.

² Боднарский Б. С. Брюсов как библиограф. — «Сов. библиография», 1933, № 1—3, стр. 161.

³ Боднарский Б. С. Брюсов как библиограф. — «Сов. библиография», 1933, № 1—3, стр. 162—163.

фии. Он печатает целый ряд критико-библиографических обзоров, посвященных наиболее близким ему областям поэзии и пушкиноведения.¹

Послереволюционные обзоры Брюсова позволяют говорить о начинающемся преодолении того ложного объективизма, который свойствен его более ранним работам, оформлявшимся под общим давлением буржуазной библиографии. Брюсов часто дает теперь очень заостренные критические оценки, определяя, например, в 1922 г. поэзию символистов как «загнивающее болото», «разбитую армию», или лирику Маяковского — как «живительный фермент» современной литературы.²

Активное участие Брюсова в культурно-созидательной работе молодого советского государства было значительным стимулом в той идеологической перестройке, под знаком которой прошел советский период его литературного творчества. Борьба поэта, принципиально и решительно разорвавшего с буржуазным миром, за новое материалистическое и партийное мировоззрение отразилась и в его лирике 1918—24 г.г., и в его эстетических взглядах, и в издательском труде, и в общем понимании задач культуры и книги. В прошлом, часто ограничивавшийся эстетским любованием редкой изысканной книгой, Брюсов теперь рассматривает книгу как могучее средство просвещения масс, поднятия культурного уровня всего народа. «Распространить великое создание литературы в самых широких кругах народа — это, вне всякого спора, одна из достойнейших задач нашего времени. Нет надобности доказывать, что знакомство с произведениями великих писателей развивает, облагораживает, учит — лучше и глубже, чем любой прослушанный курс наук. Пусть сочинения Пушкина, Некрасова, Тургенева, Достоевского, Толстого, всех родных «классиков» и наиболее видных из иностранных писателей появляться в каждом доме, или по крайней мере пройдут через каждый дом, и половина работы по введению «всеобщего образования» будет исполнена. Эти сочинения, эти книги — подлинный источник знаний, черпая из которого каждый желающий может учиться беспредельно».³

Так революция уничтожила разрыв между сокровищами культуры и широкими массами трудящихся, отразившийся в

¹ Обзоры Брюсова помещались в журнале «Печать и революция»; среди них укажем: *Вчера, сегодня и завтра русской поэзии*. — 1922, № 7, стр. 38—67; *Пушкиноведение в 1922 и 1923 гг.* — 1923, № 5, стр. 65—73.

² «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», стр. 41, 49, 56.

³ Из незаконченной статьи, написанной, согласно примечанию самого Брюсова, под впечатлением заседаний по вопросам издания классиков при Литературно-издательском отделе Наркомпроса. Архив Брюсова.

поэзии и прозе Брюсова дооктябрьского периода. Подсказанное революцией новое понимание книги воплотилось и в некоторых поэтических образах его последних произведений. Тема книги связалась теперь с темой труда, воодушевляющего массы и предназначенного для их блага,—труда, торжество которого особенно ценил Брюсов в политической программе пролетариата.

Все искусства, знания книги—
 Воплощенные труды!
 Единое счастье—работа,
 В полях, за станком, за столом;
 Работа без лишнего счета,—

 Часы за упорным трудом. . .
 Посеянный хлеб разойдется
 По миру; с гудящих станков
 Поток животворный польется,
 Печатная мысль отзовется
 Во глубь бесчисленных умов.

Нельзя не почувствовать тесной связи между этим программным стихотворением Брюсова «Работа» и приведенными выше его соображениями о роли книги в процессе культурной революции.

Стремясь перестроить все свое мировоззрение на новых началах материалистической марксистской философии, Брюсов в последние годы своего творчества особенно выдвигал проблемы так называемой «научной поэзии», отстаивал право поэта на постановку в образной форме вопросов философии, естествознания, истории. Этой линией его творчества определяется характер последнего написанного им стихотворения о книге (1922 г.):

Сцепень белых параллелограммов
 В черных черточках — в свое жерло
 Тянет Аустерлицов и Ваграмов,
 Бури, вплоть до шторма Ватерло.
 В дуги лампы (двадцать пять амперов!),
 Над столом воспоминаньем влей
 Мысли тысячи великих, перов
 В царстве знаний, духа королей...

Наряду с философской углубленностью созданного здесь Брюсовым образа книги как символа преемственности мировой культуры, в стихотворении отчетливо выступают и слабые стороны «научной поэзии» Брюсова: перегруженность философскими, историческими, географическими терминами, срывы к идеализму, которые не позволили самому Брюсову поэтически решить закономерно поставленную им задачу обогащения лирики идеями современной науки. Но стихотворение

«Книга» интересно как наглядное доказательство того, насколько органически была связана тема книги со всеми «путями и перепутьями» творчества Брюсова.

Большой заслугой Брюсова как деятеля советской книжной культуры была организация и охрана книжных фондов в первые годы после Октябрьской революции. С октября 1918 года по 1920 год Брюсов возглавлял Московское Библиотечное отделение, вскоре реорганизованное в Библиотечный отдел Наркомпроса. Здесь проявились его любовь к книге и понимание ее культурного значения. Деятельность Брюсова как руководителя Библиотечного отдела Наркомпроса показывает, что он теперь рассматривает книгу как общенародное достояние. «Результатом деятельности Отдела и Отделения (имеются в виду отдел Государственных библиотек и Московское библиотечное отделение. Э. Л.) должно быть *объединение* всего книжного богатства России, приведение его в известность (учет), более правильное его распределение по областям, и, наконец, возможная его общедоступность... Книга приблизится к читателю и станет, действительно, *общим достоянием*, чем она, по существу, и должна быть»,¹ — писал Брюсов в одной из сохранившихся в его архиве заметок о библиотечном деле 1918—1919 гг.

Самое беглое знакомство с этими заметками и докладами, сравнительно небольшая часть которых была в свое время опубликована,² свидетельствует об активности и разносторонности библиотечной работы Брюсова советского периода. Он уделяет большое внимание сохранению книг, находящихся в общественных и частных библиотеках, которые теперь также рассматриваются как общенародное имущество. Брюсов добивается возможно более полной регистрации таких библиотек, устанавливает определенный порядок выдачи им охранных грамот, протестует против необоснованных и неплановых реквизиций, вырабатывает инструкцию по взятию на учет частных библиотек, отпечатанную Наркомпросом в 1919 г.

Одновременно он создает проект организации новой общедоступной Народной библиотеки в Москве (неопубликованный доклад под заглавием «О новой Народной библиотеке») и разрабатывает план ее античного отдела, намечает перспективы развития сети научных и академических библиотек.

¹ Рукопись без названия, начинается словами: «Библиотечное дело не может считаться новым в России». Отмеченные в тексте места были подчеркнуты самим Брюсовым.

² О значении научных библиотек. Записка заведывающего Библиотечным отделом НКП В. Я. Брюсова, представленная в коллегию НКП, как материал при обсуждении вопроса о реорганизации библиотечного дела. — «Народное просвещение», 1919, № 13—14, с. 108—110.

В своих заметках по библиотечному делу Брюсов неоднократно говорит о необходимости налаживания междубиблиотечного абонементов и выдвигает проблему создания сводного каталога государственных книгохранилищ республики.

Далеко не все эти разнообразные начинания были осуществлены и доведены Брюсовым до конца, далеко не все вопросы реорганизации библиотечного дела, требовавшие специальных познаний и большого практического опыта, он мог разрешить. Но в истории развития библиотечного дела в Советском Союзе должна быть отмечена работа поэта и ученого, горячо любившего книгу, и его усилия, направленные на сохранение книги и ее превращение в мощное оружие культурной революции.

СООБЩЕНИЯ

Е. П. ЩЕРБАКОВА
Кафедра библиографии

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

(МАРТ—АПРЕЛЬ 1917 г.)

В период с марта по октябрь 1917 г. В. И. Лениным было написано около 300 произведений, которые сыграли большую роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

В произведениях 1917 г. В. И. Ленин обосновал стратегию и тактику Коммунистической партии в борьбе за победу социалистической революции и завоевание Советской власти в нашей стране, развил марксистскую теорию пролетарской революции, обогатил ее новыми положениями и выводами, сделанными на основе научного обобщения опыта русского и международного рабочего движения конца XIX и начала XX в.в. Такие гениальные работы В. И. Ленина, как «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы), «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Государство и революция», «Удержат ли большевики государственную власть?» и другие, — имели не только огромное практическое значение для того периода, но и представляют величайший вклад в марксистскую теорию пролетарской революции.

Произведения В. И. Ленина, написанные в 1917 г., широко распространялись среди членов партии, рабочих и солдат, призывая их на борьбу за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Важнейшим средством распространения произведений В. И. Ленина в марте—октябре 1917 г. была большевистская периодическая печать, получившая относительную свободу в результате победы Февральской революции. Коммунистическая партия, вышедшая из подполья, повсюду начала возобновлять и создавать новые печатные органы. Как известно, 5 марта был возобновлен выход Центрального органа партии,

газеты «Правда». Вслед за «Правдой» были созданы большевистские газеты в Москве, Харькове, Кронштадте, Гельсингфорсе и т. д. К VI съезду РСДРП(б) партия имела 41 печатный орган (30 газет и 11 журналов), из них 27 изданий выходило на русском языке и 14—на национальных языках. Ежедневный тираж газет составлял 320 тысяч экземпляров.¹

Публикация произведений В. И. Ленина занимала большое место на страницах большевистских газет, выходивших в 1917 году.²

Первым и основным источником распространения произведений В. И. Ленина была газета «Правда», опубликовавшая с 21 марта по 5 июля 1917 г. 160 ленинских работ.

Вместе с газетой «Правда» произведения В. И. Ленина распространялись в самых различных городах России, на фронте, в деревне. Из «Правды» местные партийные организации перепечатывали произведения В. И. Ленина на страницах своих газет, издавали отдельными брошюрами и распространяли их среди широких масс рабочих, солдат и крестьян.

Первым произведением В. И. Ленина, опубликованным в «Правде» после Февральской революции (21 и 22 марта 1917 г.), было «Первый этап первой революции» (Письма из далека. Письмо 1), написанное 7 марта в Швейцарии.

В этом произведении В. И. Ленин вскрыл причины победы Февральской революции и ее характер как революции буржуазно-демократической. В. И. Ленин писал, что свержение самодержавия является лишь первым этапом революции; задача партии — готовить пролетариат ко второму этапу, победа которого обеспечит переход власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов.

В день, когда вышел номер «Правды» с опубликованным ленинским письмом, в Петрограде были проведены заводские митинги, собрания, на которых рабочие читали это письмо. Как свидетельствует один из старых большевиков Путиловского завода, «Правда» с письмом В. И. Ленина была главным агитационным и пропагандистским материалом для большевиков.

Местные партийные комитеты, получив «Правду» с письмом В. И. Ленина, перепечатывали его на страницах своих газет. В течение марта и в начале апреля 1917 г. произведение «Первый этап первой революции» было перепечатано большевист-

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б). Партиздат, 1934, с. 142—143.

² См. Ленин В. И. Сочинения, т.т. 23—25.

скими газетами Москвы,¹ Харькова,² Киева,³ Кронштадта,⁴ Гельсингфорса⁵ и Казани.⁶

Таким образом, вождь революции находился еще в Швейцарии, но слова его, призывающие рабочих совершить второй этап революции, звучали во всех концах революционной России и поднимали трудящиеся массы на борьбу за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

3 апреля В. И. Ленин приехал в Петроград, а 4 апреля выступил с докладом «О задачах пролетариата в данной революции» на собрании большевиков, и в тот же день—на собрании большевиков и меньшевиков—делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Это были знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина.

Величайшее историческое значение Апрельских тезисов состояло в том, что в них был изложен гениальный план борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. «Тезисы» В. И. Ленина давали партии новую ориентировку.

«В знаменитых Апрельских тезисах Ленин сделал новое открытие, обогатившее марксистскую теорию, — он пришел к выводу, что наилучшей политической формой диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика..., а республика Советов. Это гениальное открытие имело величайшее значение для обеспечения победы социалистической революции в октябре 1917 г., для победы Советской власти в нашей стране».⁷

Апрельские тезисы, под заглавием «О задачах пролетариата в данной революции», были опубликованы 7 апреля 1917 г. на страницах «Правды», выходившей 85-тысячным тиражом, и стали достоянием партийных организаций и всего революционного народа.

Редакция «Правды» организовала широкую пропаганду ленинской платформы; газета из номера в номер разъясняла задачи партии, изложенные в Апрельских тезисах. На страницах газеты ежедневно печатались статьи В. И. Ленина, в которых развивались отдельные положения «Тезисов» и разоблача-

¹ «Социал-демократ», 24 марта.

² «Пролетарий», 30 марта и 1 апр.

³ «Голос социал-демократа», 25 и 28 марта.

⁴ «Голос правды», 28 и 29 марта.

⁵ «Волна», 8 апр.

⁶ «Рабочий», 2 апр.

⁷ Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953). М., 1953, стр. 16.

лись контрреволюционный характер Временного правительства и соглашательство меньшевиков и эсеров. Такие произведения В. И. Ленина, как «Луиблановщина»,¹ «О двоевластии»,² «Война и Временное правительство»³ и многие другие, сыграли большую роль в распространении Апрельских тезисов.

Одним из средств пропаганды Апрельских тезисов была публикация на страницах «Правды» материалов, освещающих ход обсуждения «Тезисов» в партийных организациях. Так, 16 апреля «Правда» (№ 34) сообщала о состоявшихся 9 и 10 апреля собраниях членов Пороховской и Василеостровской организаций РСДРП(б), обсудивших и одоббивших Апрельские тезисы и избравших делегатов на общегородскую партийную конференцию, поручив им отстаивать ленинскую платформу. 25 апреля «Правда» (№ 40) писала об общегородской Петроградской конференции, состоявшейся 14—22 апреля, где докладчиком по вопросу о текущем моменте выступал В. И. Ленин и по докладу которого была принята резолюция об отношении к Временному правительству. Резолюция о войне, написанная Лениным, легла в основу проекта для предложения его Всероссийской конференции.

Подобные материалы газета «Правда» печатала из номера в номер.

Наряду с этим «Правда» публиковала многочисленные приветствия В. И. Ленину и резолюции партийных, рабочих и солдатских собраний и митингов, призывавших трудящиеся массы к борьбе за осуществление задач и лозунгов, изложенных в Апрельских тезисах.

Рабочие и солдаты, читая свою любимую газету «Правда», убеждались, что партия большевиков проводит единственно правильную политику, направленную на защиту интересов трудящихся масс.

Популярность «Правды» после опубликования в ней Апрельских тезисов В. И. Ленина и материалов, связанных с ними, значительно возросла.

В своих воспоминаниях об этих днях секретарь редакции «Правды» М. И. Ульянова писала, что ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как «Правду» апреля—июня 1917 г.⁴

О большом распространении «Правды» в этот период свидетельствует рост числа подписчиков на газету в апреле, мае

¹ «Правда», 8 апр.

² «Правда», 9 апр.

³ «Правда», 13 апр.

⁴ «Правда», 1925, 5 мая.

и июне 1917 г. Так, в марте на «Правду» подписалось 8 тыс., в апреле—13 тыс., в мае—18 тыс., в июне—21 тыс. человек.¹

«Правда» с Апрельскими тезисами распространялась далеко за пределами Петрограда. На третий день после опубликования «Тезисов» газета «Правда» была получена рабочими Надеждинского завода (Урал), и чтение «Тезисов» произвело на них огромное впечатление. «Трудно описать тот восторг, — писал в своих воспоминаниях токарь-инструментальщик этого завода, — который меня охватил. Вот он ясный путь, по которому должна пойти наша революция».² На собрании рабочих было принято решение не допускать на территорию завода ни одну из буржуазных газет.

Номер «Правды», в котором были опубликованы Апрельские тезисы, широко распространялся в армии и флоте. Например, «Тезисы» обсуждались всеми партийными коллективами Балтийского флота. 20 апреля состоялось общее партийное собрание Кронштадта. На собрании были приняты резолюции о войне и об отношении к Временному правительству и Советам, в основу которых были положены «Тезисы» В. И. Ленина.³

Подобные факты, число которых можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что «Правда», в которой были опубликованы Апрельские тезисы и другие материалы, посвященные им, распространялась и читалась в партийных организациях, среди рабочих, в солдатских казармах, на фронте и т. д.

Газета «Правда» была первым и основным, но не единственным источником распространения Апрельских тезисов.

«Тезисы» В. И. Ленина в апреле 1917 г. были опубликованы также в Москве,⁴ Харькове,⁵ Красноярске,⁶ Тифлисе,⁷ Баку,⁸ Казани,⁹ Киеве,¹⁰ Уфе.¹¹ Общий тираж Апрельских тезисов, опубликованных в апреле 1917 г. на страницах большевистских газет, составляет более 175 тыс. экземпляров.

По примеру «Правды» местные большевистские газеты помещали на своих страницах резолюции с одобрением ленинской платформы, изложенной в «Тезисах», приветствия В. И. Ленину и другие материалы.

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б). Партиздат, 1934, стр. 41.

² «Пролетарская революция», 1925, № 36, стр. 51—52.

³ «Голос правды», 22 апр.

⁴ «Социал-демократ», 12 апр.

⁵ «Пролетарий», 13 апр.

⁶ «Красноярский рабочий», 16 апр.

⁷ «Кавказский рабочий», 25 апр.

⁸ «Бакинский рабочий», 22 апр.

⁹ «Рабочий», 1 мая.

¹⁰ «Голос социал-демократа», 15 апр.

¹¹ «Вперед», 20 апр.

Распространение «Тезисов» В. И. Ленина не ограничивалось большевистскими газетами. Этому способствовало также издание «Тезисов» в качестве приложения к брошюре В. И. Ленина «Письма о тактике», вышедшей 27 апреля в издательстве «Прибой» при ЦК РСДРП(б).

Выпустив в свет брошюру, издательство организовало широкую пропаганду ее. С 27 апреля «Правда» из номера в номер помещала объявления от издательства о выходе в свет брошюры «Письма о тактике». Такие объявления неоднократно были также опубликованы в газете «Солдатская правда» и в местных большевистских газетах; в них сообщался адрес издательства и условия заказа. Эти издательские объявления способствовали широкому распространению большевистской литературы.

«Солдатская правда», на страницах которой систематически помещались аннотированные рекомендательные списки, 30 мая 1917 г. рекомендовала брошюру В. И. Ленина «Письма о тактике» в списке «Что читать солдатам и рабочим».

Спрос на брошюру «Письма о тактике» был так велик, что только издательством «Прибой» с апреля по 5 июля 1917 г. брошюра была дважды переиздана.¹ Кроме Петрограда «Письма о тактике» были изданы в Москве, Харькове, Красноярске.

Газеты «Социал-демократ», «Пролетарий» и «Красноярский рабочий», по примеру «Правды», неоднократно сообщали об издании брошюры В. И. Ленина. Общий тираж брошюры «Письма о тактике» установить не удалось. Тираж второго петроградского издания этой брошюры составлял 60 тыс. экземпляров: тираж брошюры, изданной в Москве, — 100 тысяч.

Такой тираж в период, когда партия, только вышедшая из подполья, насчитывала в своих рядах 80 тысяч членов и не имела своих типографий, бумаги и денежных средств, свидетельствует о том большом значении, которое придавали большевики изданию и распространению этой ленинской работы.

Замечательным комментарием к Апрельским тезисам является работа В. И. Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции», созданная накануне 7-й Всероссийской конференции РСДРП(б). «Брошюра написана, — указывал В. И. Ленин в послесловии, — как проект платформы для пропаганды моих взглядов *перед* Всероссийской конференцией нашей партии...»²

Все основные положения ленинского плана, кратко сфор-

¹ Третье издание (второе переиздание) не вышло в свет. Оно погибло при разгроме типографии «Труд» 6 июля 1917 г.

² Ленин В. И. Сочинения. Т. 24, с. 66.

мулированные в Апрельских тезисах, получили свое развитие и обоснование в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции». Сразу после написания работа была сдана в издательство «Прибой», и с 14 апреля «Правда» ежедневно сообщала о подготовке брошюры к изданию. Однако из-за типографских трудностей, которые партия в то время испытывала, брошюра вышла в свет только в сентябре 1917 г. Накануне и в дни конференции работа распространялась среди делегатов в рукописи. «Переписанная на пишущей машине, — писал В. И. Ленин, — и розданная членам партии в нескольких экземплярах, брошюра сделала все же некоторую часть своей работы».¹

В апреле 1917 г. была написана также работа В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата». Эта работа должна была явиться пояснением к проекту платформы партии большевиков перед 7-й Всероссийской конференцией, но по тем же причинам, что и «Задачи пролетариата в нашей революции», ее издание было задержано. Брошюра была издана только в конце июня и распространялась после июльских событий. В дни Апрельской конференции РСДРП(б) работа В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата» была опубликована в газете «Волна»² — органе Гельсингфорсского Комитета РСДРП(б).

В газете «Волна» работа В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата» широко распространялась среди моряков Балтийского флота, сыграв большую роль в разоблачении соглашательской политики меньшевиков и эсеров и способствовав пробуждению политического сознания солдат и матросов.

Накануне 7-й Всероссийской конференции РСДРП(б) В. И. Лениным был написан также целый ряд важнейших документов, которые получили широкое распространение и оказали влияние на ход конференции и дальнейшее развитие революции. Эти документы посвящены событиям в Петрограде, которые были вызваны опубликованием 18 апреля 1917 г. «Ноты Милюкова». 20 апреля Центральный Комитет РСДРП(б) принял «Резолюцию о кризисе в связи с ногой Временного правительства», написанную В. И. Лениным. ЦК партии призвал рабочих и солдат к протесту против империалистической политики Временного правительства.

21 апреля резолюция ЦК была опубликована в «Правде» (№ 37); с 20 по 23 апреля в «Правде» было опубликовано

¹ Ленин В. И. Сочинения. Т. 24, с. 66.

² «Волна», 23, 26 и 27 апр.

14 статей и документов ЦК, написанных В. И. Лениным. В них разоблачалась империалистическая политика Временного правительства и поведение меньшевистско-эсеровского исполнительного комитета Петроградского Совета.

Многие из этих произведений В. И. Ленина были опубликованы также в местных большевистских газетах и изданы в виде листовок. Так, например, «Воззвание к солдатам всех воюющих стран» было опубликовано в восьми газетах¹ и издано листовкой на русском, немецком, французском и английском языках.

Большевистские газеты не только публиковали ленинские документы, но и разъясняли их трудящимся, призывая к протесту против Временного правительства.

Из «Правды», «Солдатской правды» и других большевистских газет революционному народу всей страны было известно о событиях, происходивших в Петрограде, и о той оценке, которую дал этим событиям Центральный Комитет партии большевиков. В редакцию «Правды» в эти дни поступали десятки резолюций рабочих и солдатских собраний, в которых содержался протест против империалистической политики Временного правительства и выдвигались требования о переходе всей власти в руки Советов.

События 20—21 апреля 1917 г. означали, что Петроград и вся Россия пережили крупнейший политический кризис. Этот кризис ускорил переход мелкобуржуазных элементов на сторону революции, теснее сплотил пролетариат вокруг партии большевиков и, тем самым, подтвердил ленинскую платформу, изложенную в Апрельских тезисах и других работах, написанных в апреле 1917 г. «Наша общегородская с.-д. конференция,— писал В. И. Ленин, — сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность нашей позиции. Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали».²

Приведенные факты издания и распространения произведений В. И. Ленина в марте—апреле 1917 г. свидетельствуют о том, что партия большевиков, стремясь сделать их достоя-

¹ «Правда», 21 апр.;
«Солдатская правда», 21 апр.;
«Голос Правды», 22 апр.;
«Социал-демократ». [М.], 25 апр.;
«Пролетарий» (Харьков), 25 апр.;
«Вперед» [Уфа], 4 мая;
«Кавказский рабочий», 9 мая;
«Бакинский рабочий», 9 июня.

² Ленин В. И. Сочинения. Т. 24, стр. 161.

нием членов партии и всего революционного народа, несмотря на огромные издательские трудности, организовала широкое распространение этих изданий различными путями: публикацией на страницах большевистских газет произведений В. И. Ленина и материалов, посвященных им; изданием произведений В. И. Ленина отдельными брошюрами и листовками и, наконец, публикацией рекомендательных списков литературы и неоднократных объявлений о выходе брошюр В. И. Ленина из печати.

Таким широким распространением ленинских работ Коммунистическая партия показывала глубокую жизненность идей, изложенных в произведениях В. И. Ленина, и мобилизовала трудящихся на борьбу за осуществление ленинского плана перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Г. В. ПИРУССКАЯ
*Кафедра детской литературы и
библиотечной работы с детьми*

ПРОПАГАНДА ЛИТЕРАТУРЫ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ДЕТСКИХ БИБЛИОТЕК
В ПОМОЩЬ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ ОБУЧЕНИЮ)

Одной из важнейших задач, которую призваны решать школа и все внешкольные детские учреждения, в том числе и детские библиотеки, является политехнизация школы.

Известно, какое значение в расширении политехнического кругозора учащихся имеет внеклассное чтение. Систематическое чтение школьниками доступной их возрасту литературы о достижениях науки и техники, о применении этих достижений в промышленности и сельском хозяйстве помогает усвоению школьной программы по отдельным предметам и способствует лучшей подготовке учащихся к их будущей трудовой деятельности.

Детские библиотеки могут много сделать для развития политехнического кругозора юных читателей. Отобрать из книжного фонда лучшую литературу, содействующую политехническому обучению, и широко пропагандировать ее среди школьников — такова задача библиотеки.

За последние годы советская детская литература обогатилась рядом научно-художественных книг. В 1954 году на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей Б. Полевой в своем докладе «Советская литература для детей и юношества» отмечал: «Научно-художественная литература заняла сейчас по праву значительное место в планах детских издательств. Без этих книг невозможна глубокая политехнизация школы».¹

Проблема научно-популярной книги для детей и вопрос о роли писателя в создании ее явились предметом внимания научной сессии Академии педагогических наук и Министерства просвещения (1952), посвященной обсуждению педагогических требований к советской детской литературе.

«Писатели окажут неоценимую услугу школе, если создадут большое количество самых разнообразных книг по всем раз-

¹ Полевой Б. Советская литература для детей и юношества. — «Литературная газета», 1954, 17 декабря.

делам школьных программ, ярких художественных, научно-художественных и научно-популярных книг, восполняющих учебники, помогающих усвоению основ наук, расширяющих во внешкольном чтении границы школьного программного минимума, воспитывающих у детей материалистическое мировоззрение», — читаем мы в докладе Л. В. Дубровиной «Советская детская литература в свете задач коммунистического воспитания».¹

Ряд писателей (М. Ильин, О. Писаржевский, К. Меркульева и др.) выступили со статьями, в которых подняты серьезные вопросы популяризации науки.

«Никто так не нуждается, — писал покойный М. Ильин, — в увлекательной художественной книге о науке, как дети. И нигде не чувствуется такого недостатка в людях, обладающих и даром слова и большими знаниями, как именно в научно-художественной литературе для детей».²

О. Писаржевский в своей статье «Детям о науке»³ обращает внимание на то, что задача писателя, создающего научно-художественную книгу, не только сообщать полезные сведения, но и учить читателя, по словам Горького, «воображать, предвидеть, создавать».

Несмотря на некоторые достижения в создании научно-художественной книги для детей, в этой области много еще предстоит сделать. Научно-художественная и научно-популярная литература для детей часто еще трудна для восприятия, написана без учета возрастных особенностей читателей, охватывает узкий круг тем. Библиотека часто вынуждена отказывать в книгах по математике, физике, химии и др., так как популярной литературы по многим вопросам или нет совсем, или она слишком сложна для учащихся 6—7 классов. Это создает трудности в работе детских библиотек по пропаганде научно-художественной и научно-популярной литературы среди школьников.

Малоутешительные данные о чтении школьниками научно-популярной литературы приведены в статье Н. Вержбицкого «Детская литература о преобразовании природы».⁴ По сведениям, полученным автором в детском отделении Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в 1951 году, из общего числа 637 519 книг, выданных этим отделением, только

¹ «Известия Акад. пед. наук РСФСР», 1952, № 44, стр. 38.

² Ильин М. О научно-художественной книге и ее возможностях. — В кн.: Советская детская литература. М.—Л., 1953, стр. 169.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Вопросы детской литературы. М.—Л., 1953, стр. 81—82.

129 759 — научных, т. е. 20,4 %; книг по естественным наукам, сельскому хозяйству и географии было взято 38 723, т. е. 6 %. Автор, ссылаясь на данные, приведенные на научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, пишет, что в результате опроса 120 ленинградских школьников 5-го и 6-го классов четырех школ выяснилось, что 90 школьников (75 %) ничего не читают по естествознанию.

Не случайно Л. В. Дубровина в статье «О внеклассной и внешкольной работе с детьми»¹ пишет, что в настоящее время необходимо обратить самое серьезное внимание «на ознакомление детей и школьной молодежи с научно-художественной и научно-популярной литературой, научить их обращаться к книге, искать и находить в книгах ответы на вопросы из области техники, сельского хозяйства, искусства, спорта и т. д.»²

Главным недостатком в работе по руководству чтением пионеров и школьников является слабое знание учителями, пионервожатыми, а часто и библиотечными работниками, научно-популярной литературы. Это вызывает серьезные затруднения в пропаганде научно-популярной литературы среди детей. О фактах недостаточного знания работниками библиотек научно-популярной литературы говорит Т. Давиденко в своей статье «Как мы пропагандируем научно-популярную литературу среди учащихся (из опыта Краснодарской городской библиотеки имени братьев Игнатовых)».³ Для устранения этого недостатка библиотека решила не реже двух раз в месяц проводить для своих сотрудников библиографические обзоры научно-популярной литературы.

Писательница К. Меркульева бросает справедливый упрек тем библиотекарям, которые до сих пор относятся к познавательной книге со скрытой неприязнью, т. к. с научно-художественной книгой надо больше поработать, ее надо «продвигать» к читателю, научить его читать такие книги, разбираться в них. «Трудно бывает, — пишет К. Меркульева, — проложить первую тропу к юному читателю, и очень важно, чтобы первые же познавательные книги, которые он возьмет в руки, его увлекли».⁴

Сейчас, когда воспитательная роль школы значительно возрастает в связи с осуществлением политехнического обучения,

¹ Вопросы внеклассной и внешкольной работы с детьми. Сб. статей. М., 1955, с. 3—59.

² Там же, с. 18.

³ Работа детских библиотек в помощь политехническому обучению. Сб. статей. М., 1955, с. 40—41.

⁴ Меркульева К. По горьковскому пути (заметки). — В кн.: Ленинградские писатели детям. М.—Л., 1954, с. 324.

библиотечная работа с детьми требует большой целеустремленности и конкретности. Детские библиотеки накопили известный опыт пропаганды научно-популярной литературы среди школьников.

К обобщению этого опыта приступила Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина;¹ некоторые предварительные итоги были также доложены отдельными библиотеками на третьей научно-практической конференции выпускников Ленинградского библиотечного института имени Н. К. Крупской.² Однако это только первые шаги на пути обобщения опыта работы детских библиотек в помощь политехническому обучению. Этот вопрос требует глубокого как теоретического, так и экспериментального исследования. В настоящий момент речь может идти лишь о предварительных выводах, и только в этом плане следует рассматривать настоящее сообщение.

Как известно, работа детской библиотеки в помощь политехническому обучению направлена на закрепление и расширение теоретических знаний о научных принципах производства в сочетании с овладением трудовыми навыками.

В детских библиотеках наметились следующие пути решения этого вопроса: во-первых, пропаганда научно-популярной литературы в помощь изучению в школе тех дисциплин, которые закладывают основы политехнического образования (биология, физика, химия); во-вторых, пропаганда литературы в помощь детской самостоятельности в различных областях естествознания и техники, организуемой в школе, внешкольных и в пионерских организациях (кружковая, экскурсионно-туристская, краеведческая работа).

Как известно, большое значение в осуществлении политехнического обучения имеет ознакомление учащихся с научными принципами социалистического сельского хозяйства, овладение учащимися навыками сельскохозяйственного труда, воспитание в них глубокого интереса к сельскому хозяйству.

Многочисленные материалы показывают, что именно в этом направлении детские библиотеки работают систематически и наиболее целеустремленно. Поэтому на опыте работы детских библиотек по пропаганде сельскохозяйственной литературы можно наиболее конкретно осветить такие вопросы работы детских библиотек в помощь политехнизации школы, как осуще-

¹ Работа детских библиотек в помощь политехническому обучению. Сб. статей. М., 1955. 75 с. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Пропаганда литературы о Родном крае. Из опыта детских библиотек. М., 1954. 48 с. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

² Третья научно-практическая конференция выпускников Института 5—6 мая 1955 г. 123 с. (Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н. К. Крупской. Ротатор).

ствление связи между знаниями, полученными из книг, и трудовой деятельностью ребенка, принцип наглядности в работе детской библиотеки и, наконец, особенности методов рекомендации научно-популярной литературы.

Помогая школе в осуществлении политехнизации обучения, детские библиотеки пропагандируют книги, которые, не повторяя учебника, пополняют знания ребят, полученные в школе. Об этом свидетельствует опыт работы детской библиотеки имени Г. А. Усиевич¹ и ряда других библиотек. Так, например, с помощью книг Н. Третьякова «Как ухаживать за домашней птицей», Н. Корчагина «Юным натуралистам летом», А. Дроздовой и М. Тетерина «Юные натуралисты, готовьтесь к участию в ВСХВ», в которых школьник находит большое количество фактов и широкие обобщения, помогающие ему установить связь между смежными дисциплинами и проявить себя в качестве будущего исследователя и преобразователя природы, Островская детская библиотека Псковской области помогла школьникам не только ознакомиться с историей домашних птиц и с опытом работы птицеводов, но и вызвала у ребят желание помочь в уходе за домашней птицей.²

Об особо живом интересе ребят, живущих в условиях сельской местности, к вопросам естествознания свидетельствует ряд библиотекарей (напр., работники Орической детской библиотеки Кировской области).

Наряду с этим замечено, что в таких условиях пропаганда биологической и сельскохозяйственной литературы быстрее вызывает у ребят потребность применить полученные знания на практике. Сами условия создают большие, нежели в городе, возможности ощутить материальный результат своего труда, что, как известно, имеет огромное воспитательное значение и облегчает работу детской библиотеки.

Ворошиловская сельская библиотека Фрунзенской области в беседах на абонементе при рекомендации сельскохозяйственной литературы подчеркивает возможность практического использования ее. Отмечая, как еще часто при рекомендации этой литературы получаешь ответ: «Эти книги я не люблю, они неинтересные», библиотекарь находит пути к читателю, когда говорит ему: «А разве у вас в саду не растет смородина, малина, клубника? А знаешь ли ты, как ухаживать за ней,

¹ Милицина Е. и Ключкова Н. Рекомендации книг о природе детям 9—10 лет. — В кн.: Пропаганда книг среди детей. Л., 1953, с. 26—33.

² Смирнова Л. Пропаганда литературы в помощь политехническому образованию школьников. — В сб.: Третья научно-практическая конференция выпускников Института 5—6 мая 1955 г. (Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н. К. Крупской) с. 84.

чтобы получить хороший урожай и крупную, сочную ягоду?» — и обращает внимание читателя на книгу И. Верховцева «Как выращивать клубнику», характеризуя при этом возможность ее практического использования. Такая рекомендация явилась толчком к возбуждению интереса к другим книгам этого же автора, посвященным выращиванию смородины и малины.

Наблюдения работников этой детской библиотеки на основе работы с книгой И. Верховцева показали, что рекомендация литературы находит особый отклик у читателя тогда, когда она во времени совпадает с теми или иными работами в саду, в огороде или в поле. Это заставляет библиотеку учитывать сезонность сельскохозяйственного производства, и в весенний период рекомендовать литературу о высадке рассады, яровизации семян, подготовке к высаживанию в грунт и др.; в летний период — о проведении летних работ по уходу за растениями; осенью — об уборке урожая, о заготовке семян на следующий год, об обработке почвы. И, наконец, зимой — о сохранении семян, о сортировке их.

Сезонность работ учитывается также при рекомендации литературы о животноводстве и птицеводстве.

В результате большой работы, которой эта библиотека стремится охватить всех учащихся 5—7 классов, у ребят повысился интерес к сельскохозяйственной литературе, и чтение ее помогло детям в практической работе на учебном участке, в уголках живой природы, в юннатских кружках, на полях колхоза. Юные овощеводы получили высокий урожай картофеля, капусты, лука, моркови, вырастили такие новые культуры, как например, земляной орех.

В городских детских библиотеках пропаганда научно-популярной книги по сельскому хозяйству чаще всего связывается с рекомендацией книг учащимся в помощь усвоению программы по биологии. Между тем и в условиях города сельскохозяйственная книга может служить юннатам в их работе на опытных участках, может помогать ребятам выращивать домашние растения. Поэтому усиление пропаганды сельскохозяйственной книги является одной из важных задач городской детской библиотеки.

Работа библиотек в помощь политехнизации школы потребовала применения новых методов пропаганды книги. Таким новым методом явилась организация, в тесном контакте со школой, экскурсий на сельскохозяйственное производство. Например, Нижне-Салдинская детская библиотека Свердловской области, зная, что в программу по биологии для 5-х классов входит знакомство с сельскохозяйственными машинами, организовала экскурсию в МТС, где специалист провел беседу о преимуществе тракторов «Сталинец-80» и «Беларусь» перед

другими сельскохозяйственными машинами и познакомил ребят с сельскохозяйственной техникой колхоза. Об интересе, вызванном экскурсией, свидетельствуют многочисленные вопросы ребят и проявленная ими инициатива в оформлении альбома газетных вырезок на тему «Новые сельскохозяйственные машины».

Успех работы детской библиотеки в помощь политехнизации во многом зависит от педагогически умелого использования методов наглядной пропаганды. В этом плане интересен опыт Дновской детской библиотеки Псковской области, оформившей выставку на тему: «Лен нужен стране, как хлеб, как металл». На выставке экспонировались лен и продукция из льна: веревка, нитки, кудель, масло, кружева, брезент и т. д.¹

Такие выставки, на которых книга рекомендуется параллельно с показом продукции сельскохозяйственного производства и применения ее в промышленности, могут быть использованы библиотекой для привлечения внимания ребят к вопросам сельского хозяйства и к сельскохозяйственной книге.

Наряду с такими новыми, не применявшимися ранее, элементами наглядной пропаганды, детские библиотеки широко используют книжные выставки, плакаты, рекомендательные списки, внося в них политехническое содержание.

Примером тщательного отбора материала, подчиненного задачам политехнизации, может служить картотека на тему: «Как получить высокий урожай кукурузы», разработанная 5-й Вологодской городской детской библиотекой.

Картотека рекомендует книги, а чаще отдельные главы из книг, подобранные с таким расчетом, чтобы чтение их могло, с одной стороны, помочь учащимся при прохождении ботаники, с другой стороны — вооружить юннатов практическими навыками. Последнее подчеркнуто привлечением книг о продвижении кукурузы на Север, что направляет внимание ребят на решение тех конкретных практических задач, которые стоят перед сельским хозяйством Вологодской области.²

¹ Смирнова Л. Пропаганда литературы в помощь политехническому образованию школьников. — Третья научно-практическая конференция выпускников [Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской] 1955, стр. 86.

² Приводим содержание картотеки:

1. Об увеличении производства продуктов животноводства. Постановление Пленума ЦК КПСС 31 января 1955 года по докладу Н. С. Хрущева. — «Комсомольская правда», 1955, 2 февраля.

2. Сафонов В. В краю жизни. — В кн.: Сафонов В. Земля в цвету. М.—Л., 1949, стр. 396.

3. Меркульева К. Мастера урожая. — В кн.: Меркульева К. За страну изобилия. М.—Л., стр. 85.

Это — один из примеров многочисленных, разнообразных по тематике картотек, которые составляются детскими библиотеками в помощь политехнизации школы.

Во многих детских библиотеках можно встретить рекомендательные альбомы газетных вырезок. В отдельных библиотеках такие альбомы составляются по инициативе актива читателей и вызывают большой интерес у школьников. Например, Нижне-Салдинская детская библиотека Свердловской области оформила альбом газетных вырезок на тему: «Люди колхозных полей», в который были отобраны материалы, разъясняющие детям решения Сентябрьского Пленума ЦК КПСС, статьи и иллюстрации о передовиках сельскохозяйственного производства.

Политехническая направленность этого альбома была подчеркнута подбором материалов о работе школьников на пришкольных участках и о помощи детей колхозам.

Эта же библиотека, вызвав у ребят экскурсией в МТС особый интерес к сельскохозяйственным машинам, оформила альбом газетных вырезок на тему: «Машины на службе у человека». В альбоме были помещены статьи и иллюстрации о новейшей сельскохозяйственной технике (о тракторах новых марок, о посадочных, пропашных и других машинах).

Эта же библиотека организовала книжную выставку на тему «Тракторы в сельском хозяйстве», у которой проводились обзоры демонстрируемых книг.

Задавшись целью помочь школьникам в усвоении биологии как дисциплины, лежащей в основе сельскохозяйственного производства, библиотека пропагандирует литературу, связанную по содержанию с материалом, изучаемым в школе. Чтобы подчеркнуть связь этой пропаганды с прохождением школьной программы, рекомендация книг по той или иной теме, проводимая библиотекой, во времени совпадает с изучением данного вопроса в школе. На постоянной книжной выставке, организованной с этой целью, материал сменяется соответственно последовательности прохождения дисциплины.

4. Прохорова Л. Как получить высокий урожай кукурузы. М., 1954, стр. 12.

5. Мар Е. Путешествие «кутузовки». — В кн.: Мар Е. Мы встретимся в Москве. М., 1954, стр. 24—29.

6. Михайлов Н. П. Сдвиги. — В кн.: Михайлов Н. Над картой Родины. М.—Л., 1948, стр. 158—159.

7. Сафонов В. Слуги. — В кн.: Сафонов В. Земля в цвету. М.—Л., 1949, стр. 27—28.

8. Меркулева К. Стекланный домик. — В кн.: Меркулева К. Хозяйка зеленого мира. М.—Л., 1953, стр. 14—16.

9. Сафонов В. Спутники жизни. — В кн.: Сафонов В. Земля в цвету. М.—Л., 1949, стр. 162—163.

Например, изучение учащимися 7-го класса раздела программы по зоологии «Птицы», библиотека сопровождала рекомендацией книг: С. Туров «Жизнь птиц», С. Туров «Перелеты птиц», Н. Данилов «Полезные и вредные птицы Урала», Н. Третьяков «Как ухаживать за домашними птицами», К. Соколов «Как привлекать и содержать птиц» и др.

Такая пропаганда книг, непосредственно направленная на усвоение школьной программы, не только повышает спрос на рекомендуемую литературу,¹ но и приучает учащихся систематически обращаться в библиотеку за дополнительным материалом, дающим возможность лучше усвоить изучаемую в школе дисциплину.

Опыт библиотек показал, что такие массовые формы пропаганды книги, как читательские конференции, дающие возможность использовать силу коллектива читателей и имеющие большое воспитательное значение, также могут быть использованы в помощь политехнизации школы.

Для этого на читательских конференциях освещается как теоретическая, так и практическая сторона обсуждаемой темы. Примером может служить конференция «Лен — наше богатство», организованная Дновской детской библиотекой Псковской области, на которой поставлены были интересные сообщения читателей не только об истории возникновения льна в России, о его значении в наше время, о продуктах, изготовляемых из льна, но и о подготовке семян к посеву, об уходе за посевом, условиях повышения урожайности льна, уборке и первичной обработке его.

В таком же направлении была проведена Порховской детской библиотекой Псковской области конференция «Великий преобразователь природы И. В. Мичурин и его последователи».

Особенно ценным явился тот факт, что в процессе подготовки к этой конференции работники библиотеки ознакомили читателей с достижениями юннатов Псковской области, рассказывали о юных участниках ВСХВ. С этой целью была оформлена иллюстрированная выставка на тему: «Юннаты Псковской области — участники ВСХВ». Это привело к тому, что в своих выступлениях ребята большое внимание уделили вопросу о том, как книги о Мичурине и его последователях помогают учащимся в практической работе.

Выступающие на конференции пользовались фактами из окружающей жизни, опытом своей работы на пришкольном участке и в колхозе.

¹ По теме «Птицы» каждая из книг была выдана от 7 до 13 раз. Например, С. Туров «Жизнь птиц» выдавалась 7 раз; С. Туров «Перелеты птиц» — 12 раз; Н. Третьяков «Птицы в домашнем хозяйстве» — 9 раз.

О необходимости привлечения к участию в таких читательских конференциях школьных юннатских кружков, в первую очередь участников ВСХВ, свидетельствует опыт проведения детской библиотекой гор. Ломоносова Ленинградской области вечера «Станем хозяевами зеленого мира».

Участие юннатского кружка, который работает в школе с 1948 года и который, дав хорошие показатели по выращиванию земляники, в 1954 году был участником ВСХВ, позволило все выступления ребят связать с опытом их практической работы и подчеркнуть роль книги. «В научно-художественной и научно-популярной литературе всегда находишь ответы на все вопросы, которые возникают во время работы» — таков был лейтмотив большинства сообщений юннатов.

Естественно, что такая целеустремленность читательских конференций усиливает внимание ребят к книге и повышает спрос на нее. Так, после проведения вечера, посвященного И. В. Мичурину в Орической детской библиотеке Кировской области, за короткий срок было выдано читателям 74 книги на эту тему. В целом, если за 5 месяцев 1954 года по 5 отделу выдана 401 книга, то за этот же срок в 1955 году количество выданных книг возросло до 485.

Основным и серьезным недостатком в работе детских библиотек остается слабое внимание к вопросам руководства индивидуальным чтением. Работа детской библиотеки по пропаганде научно-популярной литературы среди школьников часто еще носит формальный характер, потому что она обращена к читателям того или иного возраста в целом, а не к отдельным ребятам. Как бы хорошо ни оформлялись рекомендательные плакаты, книжные выставки, картотеки и т. д., как бы широко библиотека ни использовала массовые формы пропаганды книги, но если она повседневно не ведет глубокой индивидуальной работы с читателем, ее деятельность не может быть эффективной. Однако опыт детских библиотек в этом направлении еще очень незначителен.

Индивидуальная пропаганда книг должна опираться на своеобразие интересов каждого отдельного читателя, и, исходя из этих индивидуальных интересов, библиотекарь должен определить естественный, органический переход читателя к чтению в нужном направлении.

Для пояснения этой мысли приведем пример, взятый нами из опыта работы 5 городской детской библиотеки г. Вологды.

Среди читателей этой библиотеки был ученик 6 класса Валерий С., не интересовавшийся книгами о природе, в частности о растениях; его внимание в основном привлекали книги о войне, подвигах героев, книги о разведчиках. Это было то,

от чего библиотекарь в данном случае должен был оттолкнуться и на основе чего вызвать интерес к явлениям природы.

Беседу с Валерием С. о растениях и значении их в жизни человека библиотекарь начал с известной Валерию книги В. Катаева «Сын полка».

В беседе библиотекарь обратил внимание мальчика на то место книги, где описана лунная ночь, и посоветовал перечитать книгу, чтобы выяснить, какое это значение имеет для разведчиков. Такое направление беседы заставило Валерия, при повторном чтении, убедиться, что нельзя стать хорошим разведчиком без знания природы. Развивая мысль о практическом значении этого знания, библиотекарь вслед за книгой В. Катаева предложил мальчику прочесть Н. Верзилина «Последам Робинзона», как книгу о растительном мире леса, его богатстве и о том, какое значение имеет для человека умение использовать эти богатства.

«Я не знал, что научные книги такие интересные, — сказал Валерий, возвращая книгу. — Сегодня дайте мне книгу примерно такого же содержания». Это свидетельствует о педагогической удаче библиотекаря.

Работники Нижне-Салдинской детской библиотеки Свердловской области отмечают в своих наблюдениях, что читатели, не читавшие раньше сельскохозяйственных книг, переходили к чтению их после того, как прочли близкую по теме художественную книгу. Так, например, повесть А. Мусатова «Стожары» вызвала у ученика 6 класса Коли О. интерес к работе юннатов.

Поскольку интересы многих учащихся сосредоточены на вопросе успеваемости в школе, особенно в период экзаменов, и не всегда учащиеся отдают себе отчет в том, что научно-популярная книга содействует лучшему усвоению программного материала, библиотекарь 5 городской детской библиотеки г. Вологды рекомендует специально подобранную литературу, помогающую глубже усвоить отдельные темы программы. Так, например, библиотека показала, что книгу Н. Верзилина «Растение в жизни человека» можно использовать для дополнительного ознакомления с историей кукурузы.

Таким образом, предварительные итоги работы детских библиотек свидетельствуют о повышении их активности в оказании действенной помощи политехнизации школы. Прежде всего это выразилось в широко развернувшейся пропаганде научно-популярной литературы среди школьников.

Наиболее конкретно детские библиотеки решают задачу помощи школе в политехническом обучении, пропагандируя естественнонаучную и сельскохозяйственную литературу. Положительный опыт детских библиотек свидетельствует о том, что они успешно помогают школе связывать обучение с

жизнью, с практикой колхозного производства, давать учащимся прочные знания и умение применить их в сельском хозяйстве. Правильно организованная работа детских библиотек по рекомендации книг способствует такому чтению, при котором знания, полученные из книг, помогают определить интерес и ведут школьника к практической деятельности.

Но, наряду с положительным опытом, накапливаемым детскими библиотеками, в их работе есть и существенные недостатки: далеко не всегда пропаганда научно-популярной литературы ведется на достаточно высоком идейно-педагогическом уровне, слабо осуществляется до сих пор индивидуальное руководство чтением. Только решив эти коренные вопросы, детские библиотеки смогут стать активными помощниками школы в осуществлении политехнического обучения.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Как известно, система изданий Всесоюзной Книжной палаты является наиболее оперативным и полным источником информации о текущей советской технической литературе и основной базой для создания различного типа отраслевых библиографий этой литературы.

Возможности широкого применения изданий Всесоюзной Книжной палаты в работе с технической книгой зависят в значительной мере от решения весьма сложных вопросов классификации её в органах государственной библиографии, учитывающих огромное количество работ по всем отраслям знания.

Значение технической литературы, её высокий удельный вес среди регистрируемой печатной продукции,¹ разнообразие тематики, с одной стороны, и многочисленность межотраслевых вопросов, тесная связь между различными областями науки и техники — с другой, — все это определяет сложность и важность вопросов классификации технической литературы.

Всесоюзная Книжная палата, почти ежегодно вносящая большие изменения в свои издания, в течение 1946—1956 г.г., добилась значительной стабилизации как схемы, так и методики классификации. Такая стабилизация представляется явлением положительным, т. к. частые изменения значительно затрудняют использование этих изданий.

Однако анализ 10-летней практики классифицирования литературы в изданиях Всесоюзной Книжной палаты по принятой ныне схеме и накопившийся опыт использования этих изданий в работе с технической литературой приводят к выводам о желательности пересмотра ряда решений вопросов классификации. Трудности при разыскании технической литературы по изданиям Всесоюзной Книжной палаты, связанные с вопросами классификации, хорошо известны работникам как технических,

¹ В таких важнейших изданиях Книжной палаты, как «Книжная летопись» и «Летопись журнальных статей» свыше 25% регистрируемого материала составляет литература технической тематики.

так и универсальных библиотек, много работающим с этими изданиями.

Широкое обсуждение в печати этих трудностей и путей их устранения несомненно помогло бы дальнейшему улучшению библиографирования технической литературы. Данное сообщение, не претендуя на всесторонний анализ вопросов классификации технической литературы в изданиях Всесоюзной Книжной палаты, ставит вопрос о целесообразности ряда изменений в схеме и методике классификации.

Все возрастающая дифференциация отдельных отраслей техники требует при классификации технической литературы в каждом отдельном случае четко определить взаимоотношение общих и частных вопросов, рассматриваемых в том или ином произведении. Нередко это является довольно сложной задачей, правильное решение которой требует известных знаний в области техники.

Недостаточное внимание к этим вопросам, при существующем делении схемы Книжной палаты главным образом по отдельным отраслям наук и народного хозяйства, ведет к распылению по различным отраслевым рубрикам литературы, содержание которой представляет интерес для специалистов ряда отраслей промышленности и транспорта.

Так обстоит дело с литературой по многим вопросам, в значительной мере общим для промышленного производства в целом — например, по техническому контролю, промышленному транспорту, технике безопасности и т. п.

В основном техническом отделе схемы Книжной палаты (в отделе XVI «Техника. Промышленность») нет специальных рубрик, под которыми могла быть собрана подобная литература. Меньшая часть её попадает в единственный общий раздел XVI, I «Общие вопросы», большая — распыляется по различным отраслевым разделам и выявляется сколько-нибудь полно лишь в результате просмотра весьма значительного числа разделов.

Рассмотрим, например, как располагается литература о прогрессивном методе статистического контроля качества продукции, получившем широкое распространение в машиностроении различного профиля и в ряде других отраслей промышленности.

Если в заглавии или в предисловии говорится о применении статистического контроля в энергомашиностроении, или в автомобилестроении, или при оценке качества станочных работ, или в какой-либо другой области — книга или статья попадет соответственно в раздел XVI, 4 «Энергетика», или в подраздел XVIII, 4в «Автомобильный транспорт. Автотракторная промышленность», либо в раздел XVI, 7 «Технология металлов»

и т. д. Работы, носящие более обобщенные заглавия, попадают частью в раздел XVI, 1 «Общие вопросы», частью — в раздел XVI, 8 «Машиноведение. Машиностроение».¹

Отсутствие рубрики для литературы по вопросам технического контроля не только серьезно осложняет поиски этой литературы, но и приводит иногда к грубым ошибкам.²

Аналогичные примеры чрезмерной разбросанности по отраслевым рубрикам работ, которые отражают опыт, могущий быть широко использованным в различных отраслях промышленности, легко привести из области систематизации литературы по промышленному транспорту. Например, статья, освещающая технологию промышленного изготовления и опыт эксплуатации железобетонных втулок в роликах подземных и поверхностных ленточных конвейеров — опыт, который «подтверждает целесообразность и необходимость внедрения их в другие отрасли народного хозяйства», — зарегистрирована в подразделе XVI, 5 г «Добыча горючих ископаемых».³ Описание

¹ Приведем несколько примеров, более или менее аналогичных по содержанию книг, зарегистрированных в разных разделах.

Р а з д е л XVI, 1

Райбман Н. С. Статистические методы анализа и контроля качества продукции. Уфа, 1952. (ВНИТОМАШ. Башкир. респ. отд-ние. Секция статист. методов анализа и контроля в помощь слушателям семинара). Вып. 3. Кн. л., 1953, № 3700.

Миллер Э. Э. и Эдельштейн М. И. Статистические методы контроля качества продукции. М., 1948. (М-во автомоб. и тракт. пром-сти СССР. Техн. информ.). Кн. л., 1948, № 20.528.

Орлов Г. В. Опыт внедрения статистических методов контроля и анализа качества продукции. М., 1948. (М-во вооружения СССР. Дом техники). Кн. л., 1949, № 3487.

Р а з д е л XVI, 8

Гостев В. И. Практическое применение статистических методов анализа и контроля качества продукции [в машиностроении]. М., Машгиз, 1952. (ВНИТОМАШ. Моск. отд-ние. Ком-т по качеству продукции в машиностроении. Заочн. семинар по качеству продукции). Кн. л., 1953, № 238.

Ачеркан Н. С. Статистические методы контроля промышленной продукции. М., Машгиз, 1946. Кн. л., 1947, № 458.

Файн Ф. Б. и Березин Б. П. Текущий статистический контроль. Л., 1953. [Всес. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Ленингр. дом научно-техн. пропаганды]. Кн. л., 1953, № 19.303.

² Так, например, в дополнительном выпуске «Летописи журн. статей» за 1949 г. в отделе X «Статистика. Народнохозяйственный учет» зарегистрирована под № 302 статья: Егудин Г. И. Об одном возможном способе оценки средней и его приложении к статконтролю. — «Вестник машиностроения», 1949, № 3.

³ Семенов П. В. Изготовление и применение железобетонных подшипников для роликов угольных транспортеров. — «Вестник машиностроения», 1953, № 12. ЛЖС, 1954, № 1.218.

универсального прибора для контроля за исправностью конвейеров, созданного в научно-исследовательском Угольном институте, но пригодного, как указано в статье, для различных конвейерных установок, также попало в раздел XVI, 5 «Горное дело».¹ Статья о подаче угля в котельную табачной фабрики подвесным монорельсовым путем с помощью электротельфера — отнесена в раздел XVI, 13 «Пищевая и вкусовая промышленность».²

Вряд ли можно признать логичным такое наполнение разделов, посвященных отдельным отраслям промышленности. Поэтому весьма желательным представляется выделение в разделе «Общие вопросы» отдела XVI «Техника. Промышленность» ряда рубрик для отражения литературы по подобным процессам и оборудованию, соответственно пересмотрев методу классификации.

Недостаточная детализация схемы и боязнь обобщений способствуют разработанности литературы по смежным вопросам и во многих других случаях. Так, для литературы по технологии обработки металлов выделен специальный раздел XVI, 7 «Технология металлов» с относительно дробными подразделениями по видам обработки, что значительно облегчает выявление этой литературы. А литературу по технологии обработки другого, широко используемого в различных отраслях народного хозяйства, материала — древесины — приходится искать во многих разделах. Раздел XVI, 11а «Лесозаготовки. Лесная и деревообрабатывающая промышленность», включающий литературу по очень разнообразным вопросам — от валки, трелевки и сплава леса до производства мебели — далее не подразделяется. Литература по механической обработке древесины собирается со значительной полнотой в разделе XVI, 11а, а литература по химической обработке древесины, при возможности классифицировать её «с учетом целевого назначения» обрабатываемого деревянного сооружения, разносится по разным разделам, как ни общи были бы сами процессы обработки.

Рассмотрим, например, как классифицируется литература по антисептированию древесины. Статья, посвященная вопросам антисептирования древесины, используемой в различных отраслях народного хозяйства, попадает в раздел XVI, 11 «Лесозаготовки. Лесная и деревообрабатывающая промышлен-

¹ Спагин В. Т. К вопросу автоматизации конвейерных линий непрерывного транспорта. [Гидравлическое реле скорости]. — «Уголь», 1952, № 7. ЛЖС, 1952, № 30.189.

² Шварцман А. М. Механизация внутризаводского транспорта. [Опыт фабрики «Дукат»]. — «Табак», 1951, № 3, ЛЖС, 1951, № 23.452.

ность».¹ В этот же раздел отнесена и статья об антисептировании деревянных мостов на автодорогах², а работа, в которой рассматривается опыт антисептирования древесины опор простым и дешевым способом и делается вывод о возможности применять этот же способ для свай, узлов мостов и т. п., помещена в раздел XVI, 3 «Строительное дело».³ Работы об антисептировании шпал попадают в раздел XVIII, 2 «Железнодорожный транспорт».⁴

Расположение же работ по антисептированию деревянных опор линий электропередачи и электросвязи определяется тем обстоятельством, какие линии несут на себе предохраняемые от гниения столбы. Так, статья, рекомендующая упрощенный способ антисептирования столбов, обеспечивающий их сохранность в течение 12—15 лет, помещена в раздел XVI, 5 г «Добыча горючих ископаемых»,⁵ так как в ней есть несколько строк о масштабах расходов в системе Главторфа на замену опор и об особенностях установки столбов в торфяной грунт. В основном же литературе об антисептировании опор линий электропередачи относится в раздел XVI, 4 «Энергетика»,⁶ а опор линий связи — в раздел XIX, 2 «Телеграф. Телефон».⁷

В результате такой практики классификации для выявления литературы об антисептировании древесины приходится просматривать почти сплошь отделы XVI—XIX.

Между тем, если за разделом XVI, 6 «Металлургия», собирающим литературу о свойствах металлов и получении их из руд, следует раздел XVI, 7, посвященный технологии отдельных видов обработки металлов, то последовательным было бы и раздел XVI, 11а разбить на подразделы, посвященные древесиноведению, лесозаготовкам, технологии обработки древесины и т. п.

¹ Горшин С. Об антисептировании древесины. — «За экономию материалов», 1953, № 4. ЛЖС, 1953, № 21.754.

² Ерин Б. Антисептирование искусственных сооружений. — «Автомоб. транспорт», 1953, № 6. ЛЖС, 1954, № 1.310.

³ Клейн А. В. и Кулиш П. А. Новый способ сохранения древесины. [Применение огарков серного колчедана в качестве антисептика]. — «Электр. станции», 1949, № 12. ЛЖС, 1950, № 1.740.

⁴ Попов В. В. и Корзина М. В. Комбинированная пропитка сырых сосновых и еловых шпал. — «Труды Всес. науч.-иссл. ин-та ж.-д. транспорта», вып. 65, 1952. ЛЖС, 1952, № 31.606.

⁵ Розенберг Б. И. Защита от гниения деревянных опор электролиний на торфопредприятиях. — «Торф. пром-сть», 1947, № 9. ЛИС, 1947, № 33.545.

⁶ Попов В. В. Антисептическая пропитка древесины опор диффузионным способом. М.-Л., Госэнергоиздат, 1950. Кн. л., 1951, № 3231.

⁷ Попов В. В. Комбинированная пропитка сырых еловых столбов линий связи. — «Труды Всесоюз. науч.-иссл. ин-та ж.-д. транспорта», вып. 65, 1952. ЛЖС, 1952, № 31.622.

Таким образом, в силу недостаточной подробности схемы и сложившейся практики наполнения ее рубрик в изданиях Всесоюзной Книжной палаты зачастую имеет место отнесение в разделы, посвященные различным отраслям народного хозяйства, литературы по отдельным частным вопросам, не являющимся специфичными только для данной отрасли.

В то же время раздел, посвященный такой важной отрасли промышленности, как машиностроение, не собирает и половины всей регистрируемой литературы по вопросам машиностроения.

В разделе XVI, 8 «Машиноведение. Машиностроение. Приборостроение» отражается лишь литература по самым общим вопросам машиностроительного производства, теории механизмов, деталей машин и литература о таких механизмах общего применения, как универсального типа насосы, конвейеры, компрессоры, контрольно-измерительные приборы и т. п.

Вся литература по специальному машиностроению и приборостроению разносится по разделам, посвященным тем отраслям науки и народного хозяйства, в которых эти машины и приборы применяются. В результате литература о конструировании и производстве машин и приборов различного целевого назначения, которые имеют много общего, разносится по самым различным разделам.

Так, например, статья, содержащая анализ эффективности пяти приемов регулирования зубчатых передач в гидрометеорологических приборах, относится в раздел XV, 4г «Гидрология. Метеорология»,¹ а книга по технологии авиационного приборостроения — в раздел XVIII, 6 «Воздушный транспорт».² Таким образом, большая часть машиностроительной литературы не собрана под рубрикой XVI, 8 «Машиноведение. Машиностроение. Приборостроение», а разбросана по ряду других разделов, где зачастую она тонет в едином алфавитном ряду работ совершенно иной тематики.

Представляется более целесообразным выделение в разделе XVI, 8 подраздела «Отраслевое машиностроение» с соответствующими рубриками внутри и сосредоточение в нём всей литературы по машиностроению.

Установки Книжной палаты по классификации требуют наполнения разделов, посвященных отдельным отраслям науки, народного хозяйства и культуры, литературой об используемых в этих отраслях технических средствах и применяемых методах. Так, литература о проектировании рыболовных судов вклю-

¹ Заказов Н. П. Повышение точности работы зубчатых зацеплений в гидрометеорологических приборах. — «Труды Науч.-исслед. ин-та гидрометприборостроения», вып. 2. 1952, с. 65—69. ЛЖС, 1952, № 47.772.

² Гаврилов А. П. Технология авиационного приборостроения. М., 1951. Кн. л., 1951, № 26.343.

чается в раздел XVII, 6 «Охота. Пушное звероводство. Рыбоводство и рыболовство. Морские промыслы»; литература о погрешностях специальных фотообъективов, применяемых в астрономии, — в разделах XV, 26 «Астрономия» и т. д.

В результате работы технической тематики встречаются более чем под одной третью всех рубрик схемы Книжной палаты.¹ При таком количестве рубрик, собирающих техническую литературу, особенно остро стоит вопрос о необходимой стабильности в наполнении их и о достаточно широком дублировании. Между тем колебания в наполнении рубрик в изданиях Книжной палаты довольно часты. Так, например, литература о железобетонных опорах в 1950—1952 г.г. собиралась в разделе XVI, 4е «Электротехника», в 1953 г. — частично попала в этот же раздел,² частично — в раздел XVI, 3 «Строительное дело».³ С 1954 г. эта литература снова собирается в разделе XVI, 4е «Электротехника».

Работы о применении фотографии в научных исследованиях попадают то в раздел XXVIII, 7 «Кино. Фотография», то в отраслевые разделы. Так, например, статья, рассматривающая исключительно вопросы техники центровки оптических систем микроскопа и ФЭД'а, наводки на фокус, получения стереомикроснимков и т. п., попала в раздел XV, 5в «Общая биология»,⁴ а другая статья той же тематики — в раздел XXVIII, 7 «Кино. Фотография».⁵

Дублирование в изданиях Книжной палаты применяется не всегда целесообразно. Так, например, литература очеркового характера о рабочих сквозных профессиях — токарях, фрезеровщиках и т. п., если они работают на предприятиях автомобильной промышленности, — относится в подраздел XVIII, 4в «Автомобильный транспорт», а кроме того отражается в разделе XVI, 7 «Технология металлов». Представляется, что подобная литература могла бы просто собираться в разделе XVI, 7 «Технология металлов», и в данном случае от дублирования можно отказаться.

¹ Например, в «Летописи журнальных статей» за 1955 год встречается техническая литература, примерно, под 116 рубриками из 273.

² Бодров Г. Д. За экономию металла. [Замена металлических пасынков для линий электропередачи железобетонными]. — «Бюллетень строят. техники», 1953, № 12, с. 16—17. ЛЖС, 1953, № 37.429.

³ Бодров Г. Д. О конструировании железобетонных пасынков для деревянных опор линий электропередачи. — «Энергетический бюллетень», 1953, № 7. ЛЖС, 1953, № 22.927.

⁴ Попович П. П. Фотографирование ФЭД'ом через микроскоп. — «Врачеб. дело», 1951, № 8. ЛЖС, 1951, № 34.092.

⁵ Шпильков Е. М. Микрофотографирование фотоаппаратом типа «ФЭД». — «Известия Акад. наук Казах. ССР», № 126. Серия горного дела, металлургии, стройматериалов. Вып. 2, 1954. ЛЖС, 1954, № 24.972.

Наряду с этим встречаются досадные факты, когда работы, интересные с точки зрения различных отраслей, попадают только в какой-либо один раздел. Так, довольно часто остаются отраженными только в разделе IX, 2 «Народное хозяйство» работы, которые по своему содержанию непременно должны быть продублированными в отделе XVI «Техника. Промышленность». Например, совершенно не получила отражения в отделе XVI статья, посвященная выполнению задач пятой пятилетки в области электрификации и энергостроительства, рассматривающая создание резервов электрической мощности, размещенных в энергетических системах, увеличение выработки электроэнергии, автоматизацию электрических станций и энергетических систем и т. п.¹

Нередки также случаи, когда работы, по содержанию представляющие интерес для 2—3 отраслевых разделов, отражаются только в первом из них. Так, например, статья об определении влаги в почвах, глинах, песках и формовочных материалах попала только в раздел XVI, 3б «Строительные материалы».² Ни в раздел XVI, 7 «Технология металлов», где собирается литература о формовочных землях, ни в раздел XVI, 10д «Силикатно-керамическая промышленность» эта работа не была продублирована.

Нам представляется, что значение технической литературы требует усиления внимания к ее классификации в изданиях Всесоюзной Книжной палаты, играющих такую большую роль в информации о новейшей отечественной литературе и в подготовке капитальных отраслевых библиографических справочников.

¹ Руссаковский Е. Развитие электроэнергетической базы народного хозяйства в пятой пятилетке. — «Плановое хозяйство», 1953, № 5. ЛЖС, 1953, № 44.552.

² Кирьянова В. М. Определение процентного содержания влаги в почвах, формовочных и строительных материалах оптическим методом. — «Записки Воронежского с.-х. ин-та», т. 25, вып. 1, 1954. ЛЖС, 1955, № 3.859.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ КАТАЛОГИЗАЦИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Библиотечное дело в Китае начало развиваться сравнительно недавно — после революции 1911 года. И тем не менее в области централизованной каталогизации Китай может служить примером для некоторых передовых в библиотечном отношении стран.

С 1 января 1936 года Государственная Пекинская библиотека¹ приступила к выпуску и распространению среди других библиотек печатной карточки на китайские книги.

Издание печатной карточки было разбито на две очереди. К работам первой очереди был отнесен выпуск карточек на текущую книжную продукцию и на книги, вышедшие из печати после 1912 года. По окончании этой части работ Библиотека предполагала приступить к печатанию карточек на книги, изданные до 1912 года.

Не приходится говорить о грандиозности и огромном значении этого мероприятия. В результате завершения предпринятых работ библиотеки страны получили бы солидную базу для национальной библиографии Китая.

Выпуск печатной карточки Пекинской библиотеки, к сожалению, продолжался недолго. Начавшаяся вскоре оккупация Китая империалистической Японией явилась причиной прекращения в 1938 году этого ценного начинания. Библиотека успела к этому времени отпечатать всего лишь 10800 карточек: в 1936 г. — на 6000 названий книг, в 1937 году — на 3000 и в 1938 году — на 1800 названий.

В качестве образца для своей печатной карточки Пекинская библиотека избрала печатную карточку Библиотеки Конгресса в Вашингтоне.²

Кроме библиографического описания, которое, исходя из особенностей китайского языка, давалось на все книги под заглавием, на карточках Пекинской библиотеки указывались

¹ Государственная Пекинская библиотека основана в 1912 году на базе библиотек, находившихся в разных районах страны. К настоящему времени фонд Библиотеки превышает 2,5 млн. томов, что дает ей право считаться крупнейшей библиотекой Китая.

² Следует отметить, что в тот период библиотечное дело Китая находилось под влиянием США.

справки о вспомогательных описаниях, предметные рубрики и классификационный индекс по десятичной системе. Размер карточки был принят международный.

Печатные карточки распространялись по подписке как полными годовыми комплектами (6000 названий), так и сериями по отраслям знания. По желанию подписчиков Библиотека принимала заказы на описания отдельных произведений.

Низкий уровень библиотечного дела в тот период не способствовал развитию централизованной каталогизации. Печатная карточка Пекинской библиотеки не имела достаточно широкого распространения.

Только после победы народно-демократического строя, создавшего необходимые условия для мощного подъема библиотечного дела в стране, централизованная каталогизация в Китае становится на прочные основания и приобретает государственное значение.

После установления в Китае демократического строя, в конце 1950 года, Государственная Пекинская библиотека возобновила издание печатной карточки.

Второе рождение печатной карточки нельзя рассматривать как механическое продолжение начинания 1936 года. Теперь централизованная каталогизация носит рекомендательный характер и служит строительству нового, народного Китая.

Как и прежде, печатная карточка охватывает в основном издания, поступающие в Пекинскую библиотеку, но наряду с этим последняя выпускает карточки на книги, которыми она не комплектуется, но которые, как правило, приобретают многие библиотеки страны.

В то же время Пекинская библиотека не печатает карточек на ведомственную литературу, иллюстрированные издания, брошюры, учебники для начальной и средней школы.

Ежемесячно издается свыше 500 карточек.

В Китайской Народной Республике нет пока единых правил описания произведений печати. В большинстве библиотек применяются правила, составленные учёными библиотековедами, либо инструкции, разработанные самими библиотеками.

При описании книг на китайском языке Библиотека руководствуется «Правилами каталогизации книг на китайском языке» Ли Го-цзюна (1929 г.); иностранные книги и книги на русском языке описываются по советским «Единым правилам».

Печатные карточки Пекинской библиотеки производят хорошее впечатление. Библиографическое описание дается достаточно подробное. Кроме заглавия, на карточках указывается автор произведения, переводчик, редактор, повторность издания, выходные данные. Широко применяются примечания, в которых приводятся разные заглавия книги, заглавия оригина-

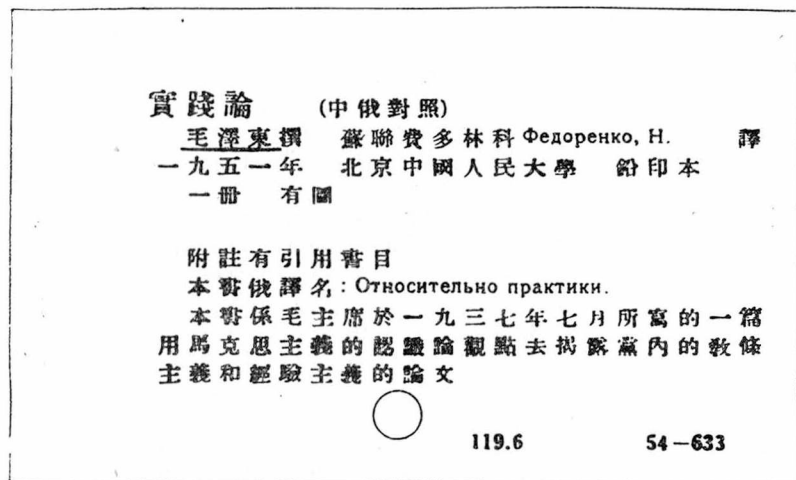

Рис. 1. Печатная карточка Государственной Пекинской библиотеки

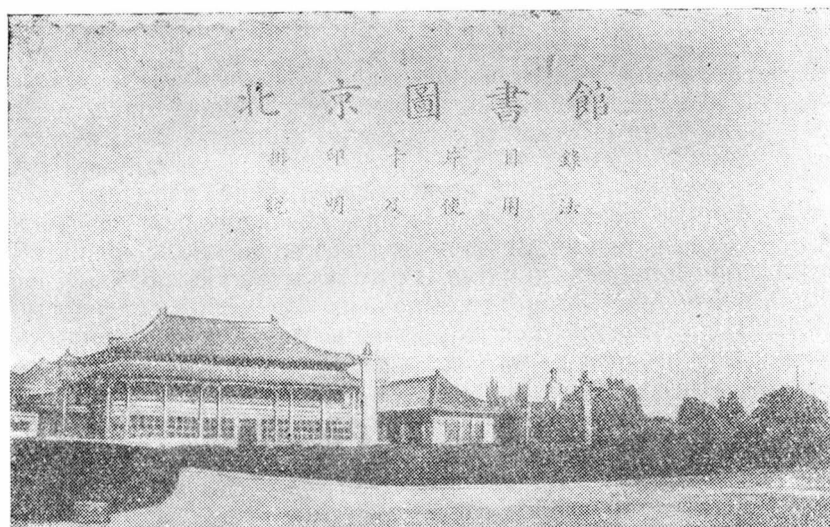

Рис. 2. Обложка брошюры «Правила применения печатных карточек»
(На обложке фотография здания Гос. Пекинской библиотеки)

лов (при описании переводных изданий) и др. сведения. В целях придания описанию рекомендательного характера на печатных карточках помещаются аннотации, раскрывающие содержание произведения (рис. 1).

На печатных карточках, вблизи отверстия, указывается десятичный индекс систематического каталога согласно «Правилам систематизации китайских книг» Ли Го-цзюня; в правом нижнем углу карточек двухзначным числом, стоящим перед чертой, обозначается год издания книги, а число, напечатанное после черты, представляет собою порядковый номер, полученный книгой при ее поступлении в Государственную Пекинскую библиотеку.

Печатные карточки распространяются по подписке. Заказы принимаются на любое количество экземпляров как полного годового комплекта, так и отраслевых серий.

Для облегчения работы библиотек с печатными карточками, Пекинская библиотека выпустила в 1954 г. специальную брошюру (рис. 2), в которой указываются способы применения печатных карточек в целях каталогизации и условия подписки.

СПИСОК ЗАПРЕЩЕННЫХ КНИГ ВАТИКАНА

Католическая церковь принадлежит к числу наиболее консервативных и вместе с тем значительных идеологических сил в современном мире. В большей степени, чем какая-либо из других церквей, католическая церковь распространяет свое влияние далеко за пределы религии и оказывает воздействие на этическую, политическую и даже экономическую области жизни стран католического вероисповедания. Сама структура Ватикана, сочетающего в себе государство с религиозным центром католицизма, самая функция папы, как монарха и главы римской церкви, свидетельствуют об органическом единстве политической и идеологической деятельности католической церкви. Если к этому добавить, что каждый католик дает обет слепого повиновения папе и обязуется ставить интересы церкви выше любых социальных и политических принципов, то нетрудно представить, каким влиянием может пользоваться церковь даже в нерелигиозных сферах. Достаточно вспомнить, что в ряде стран Европы и Америки католики имеют свои политические партии, что через них и через своих нунциев папа постоянно вмешивается в политическую жизнь отдельных государств, чтобы убедиться в том, какую политическую активность развивает церковь, лицемерно ставящая себя выше «мирских дел».

Среди разнообразных форм идеологической деятельности Ватикана далеко не последнее место занимает католическая цензура. Она осуществляется как путем предварительной цензуры книг, так и изданием специального списка запрещенных книг, известного под названием *Index librorum prohibitorum*. Индекс составляется специально для этого учрежденной конгрегацией, печатается в ватиканской типографии и рассылается во все католические библиотеки, издательства и другие учреждения для неуклонного руководства.

Индекс запрещенных книг — это список тех книг, которые католики не имеют права не только читать и распространять, но даже хранить в своих библиотеках. Запрет налагается под страхом обвинение в смертном грехе и под угрозой отлучения от церкви.

История Индекса возводится обычно к первым годам католической церкви. Легенда приписывает введение католической

цензуры самому апостолу Павлу, в «Деяниях» которого есть упоминание о том, что он предал огню все сочинения еретиков и чернокнижников. Официальное возникновение Индекса относят к IV веку, когда в 325 г. Никейский собор осудил ересь Ария и его книгу *Thalia*. Решение собора было первым юридическим документом, положившим начало Индексу. Первый список запрещенных книг был напечатан в 1559 г. при папе Павле IV. Несколько лет спустя, в 1571 г., папа Пий V учредил конгрегацию Индекса, т. е. своего рода министерство Ватикана по делам цензуры (она просуществовала до 1917 г., когда была слита с конгрегацией Священной канцелярии).

Подобное «упорядочение» цензурного дела было вызвано двумя причинами. Во-первых, резкими нападками на католическую церковь во время реформации, а также началом контрреформации, мобилизовавшей весь арсенал доступных ей средств для борьбы с религиозным вольномыслием. Во-вторых, распространением книгопечатания, которое сделало необходимым издание списка запрещенных книг массовым тиражом для рассылки его во все епархии.

Конгрегация Индекса состояла из нескольких кардиналов и небольшого числа консультантов («леттори»). На их обязанности лежало ознакомление с литературой для последующего доклада совещанию кардиналов, на котором выносились решения по каждой книге или автору. В некоторых случаях решения принимались папой *proprio motu* на основании донесений с мест. До выхода в свет очередного Индекса имя автора и название запрещенного произведения публиковались в папском органе «Оссерваторе романо», а затем перепечатывались во всех католических газетах мира.

С XVI века вплоть до последнего его издания (1948 г.) Индекс выдержал свыше 100 изданий и переизданий.¹ В каждое новое издание вносились поправки — включалась вновь вышедшая «еретическая» литература, исключались те или иные книги, признанные «безопасными» для веры и нравов.

Общую тенденцию Индекса можно определить как воинствующее мракобесие. Сравнительно недавно, в 1930 г., статс-секретарь Ватикана кардинал Мерри дель Валь откровенно разъяснил охранительные цели католической цензуры. «Вредоносная пресса, — заявил он, — является более опасной, чем меч.

¹ Кроме Индекса в ряде европейских стран, как например, во Франции, Испании и Бельгии, печатались дополнительные списки, индексы и каталоги запрещенных книг, составлявшиеся на основании и в развитие Индекса, либо независимо от него. Таким образом, за всю историю официальной католической цензуры было издано по меньшей мере 250 различных списков запрещенных книг.

Святой Павел показал пример действия цензуры: он добился сожжения вредных книг. Преемники святого Павла — папы — всегда следовали его примеру».

Ярчайшим свидетельством реакционного характера Индекса является то обстоятельство, что с каждым новым его изданием круг запрещенных книг все более и более расширялся, достигнув в наши дни 4.126 наименований. Одновременно с увеличением списка расширялись и области литературы, на которые распространялся папский вердикт. Начав с запрета еретической и антипапской литературы, конгрегация вскоре вышла за пределы богословия и обратилась к книгам по философии, истории, естественным наукам и, наконец, к художественной литературе. Запрету подвергалась, таким образом, не только антикатолическая и антихристианская, но и вообще всякая литература, в какой-либо степени противоречащая религии.

В 1897 г. папа Лев XIII пересмотрел конституцию Индекса, внеся в нее некоторые поправки. О том, что Индекс явно устарел и нуждался в пересмотре, свидетельствовала как критика Индекса, исходившая из католического лагеря, так и постепенная утрата авторитета папской цензуры. За два года до реформы Индекса один католический орган совершенно недвусмысленно высказался в пользу сокращения списка книг, попадающих под папский запрет. Однако изменения, внесенные папой в Индекс, мало повлияли на его структуру. Эти изменения были подсказаны, конечно, не «стремлением смягчить суровость старых правил», как утверждал папа в предисловии к пересмотренному Индексу, а исключительно желанием поддержать авторитет Индекса среди католиков. Церковь должна была в интересах сохранения своего влияния пойти на то, чтобы снять запрет с книг, ставших достоянием всего человечества. Папа в новой редакции убрал ряд нелепых требований, вроде, например, запрещения всех книг, «где утверждается, что земля вертится, а солнце неподвижно» (имелись в виду книги Галилея, Кеплера и Коперника, включавшиеся в Индекс до 1822 г.). Впрочем, это не помешало папе оставить в Индексе сочинения великого итальянского мыслителя-материалиста Джордано Бруно, а также книги более двадцати выдающихся зарубежных писателей.

Таким образом «реформа» Индекса, осуществленная папой Львом XIII, отнюдь не изменила охранительного характера католической цензуры, тем более, что отмена некоторых решений конгрегации практически не повлияла на список книг, который со времени реформы не сократился, а вырос. Иными словами, никакие оговорки о «смягчении» Индекса, о желании привести его в «соответствие с духом времени» не лишили Индекс той роли активного оружия в борьбе против прогрессивной мысли

человечества, какую он играл на протяжении всей своей истории и играет до сих пор. Не случайно немецкая пословица гласит: «Если хочешь найти хорошую книгу, загляни в Индекс».

«Положение о запрете и цензуре книг» (*De prohibitione et censura librorum*) — так названа новая редакция конституции Индекса, предпосылавшаяся до 1917 года всем переизданиям списка. В ней подробно изложены общие принципы католической цензуры, лежащие в основе Индекса и действующие вплоть до настоящего времени. «Положение» открывается историческим очерком папской цензуры. Ее идеологические цели с наибольшей ясностью сформулированы упомянутым выше Мерри дель Вальем в предисловии к последнему изданию Индекса в 1948 г. «Святая церковь, — пишет он, — подвергалась в течение столетий жесточайшим преследованиям и выдвинула из своих рядов героев, которые расплачивались кровью за верность христианскому вероучению. В наши дни эти преследования приобрели еще более коварный и потому особенно опасный характер. Начаты они вредоносной литературой. В настоящее время вера и нравы подвергаются невиданной до сих пор угрозе. Вот почему святая церковь неустанно указывает христианам эту угрозу, чтобы они могли ее остерегаться и избегать».¹

Так определил Ватикан цели и задачи Индекса. Казалось бы, они весьма ограничены и не распространяются за пределы религиозной литературы. Однако конституция Индекса говорит о прямо противоположном. Не случайно Мерри дель Валь вступил в полемику с теми, кто справедливо обвинял Индекс в мракобесии. «Напрасно утверждают, — заявляет он, — что осуждение вредных книг является будто бы насилием над свободой, объявлением войны истине и что Индекс запрещенных книг посягает на литературу и науку». Оказывается, католическая цензура не только не ведет борьбы против свободомыслия, а напротив ревностно его защищает! «Широко известно, — продолжает Мерри дель Валь, — что именно католическая церковь проповедует идею свободы человека, стоит на страже этого неоценимого божьего дара и борется с теми, кто отрицает или истребляет свободу». Этим целям и служит, по мнению статс-секретаря, наряду с иными формами деятельности церкви, Индекс. «Церковь, как заботливая мать, своими своевременными запретами предупреждает верующих от прикосновения к яду, ибо чаша, в которой он налит, обладает колдовской силой», — продолжает Мерри дель Валь, имея в виду совершенство художественной формы тех или иных «вредоносных» произведений че-

¹ Merry del Val. Prefazione. — В кн.: *Index librorum prohibitorum*. Vatican, Typis polyglottis vaticanus, 1948.

ловеческой мысли. «Поэтому не из страха перед светом истины запрещает папский престол чтение определенных книг, а исключительно из ревностного желания, внушенного богом, не допустить гибели душ». И далее, ссылаясь на человеконенавистническую «теорию» о первородном грехе, автор пытается объяснить ею существование папской цензуры. «Церковь, — вещает этот мракобес-католик, — неустанно разъясняет, что человек со времени своего падения склонен к греху и поэтому нуждается в постоянной опеке и защите».¹

За вводной частью «Положения» следуют «Общие принципы» (*Decreta generalia*) запрета и цензуры книг, состоящие из двух разделов и 49 параграфов. Рассмотрим некоторые, наиболее существенные из них.

§ 1. «Запрещаются все книги, осужденные до 1600 г.» (т. е. до выхода в свет последнего переиздания Индекса 1559 года. — *Н. Т.*).

§ 2. «Запрещается вся еретическая литература, а также книги, в какой-либо степени направленные против религии».

Этот параграф, трактуемый чрезвычайно широко, распространяется на огромное число произведений из самых различных областей знания. Налагая запрет на еретическую литературу и на книги, подрывающие основы религии, Ватикан тем самым исключал из чтения католиков все произведения прогрессивной демократической мысли, начиная с эпохи Реформации и кончая современностью. Воинствующая реакционность католической цензуры обнаруживается здесь в полной мере.

Следует иметь, однако, в виду, что из неисчислимого списка книг, попадающих под действие § 2 «Общих принципов», в Индекс включены лишь те, которые могут вызвать сомнение в их католической ортодоксальности. Вот почему в Индексе нет, например, домарксистской материалистической и антирелигиозной литературы, нет произведений классиков марксизма-ленинизма, работ и книг советских ученых и писателей, прогрессивных зарубежных авторов и т. п. произведений. Вся эта литература автоматически запрещается § 2 «Общих принципов», и распространенное мнение о том, что в папском списке можно встретить хорошо всем известные имена и произведения, — ошибочно.

Но в Индексе вплоть до последнего издания можно встретить имена таких выдающихся философов и мыслителей, как Джордано Бруно, Спинозы, Декарта, Монтеня, Кабаниса, Гольбаха, Кондорсе и Монтескье, Бэкона и Локка, Канта, Сен-Симона, Фурье, Прудона, Ренана. В Индекс включены все статьи на религиозные темы из Энциклопедии XVIII века, весь

¹ Там же.

ма умеренная энциклопедия Ларусса XIX века и даже книги французского философа-интуитивиста Бергсона и итальянского философа-метафизика Бенедетто Кроче.

Вполне понятно, что наряду с философской и естественно-научной литературой запрету подверглись и такие художественные произведения, как весьма умеренное по своему антирелигиозному духу «Сентиментальное путешествие» Стерна, «Новая Элоиза» и «Эмиль» Руссо, большинство произведений Вольтера, роман Дидро «Жак-фаталист», антиклерикальные песни Беранже, «Современные стихотворения» Гейне и его поэма «Германия», «Собор Парижской богородицы» и «Отверженные» Гюго, все произведения А. Франса и Золя, который в своем романе «Рим» сатирически высмеял Ватикан и подверг уничтожающей критике Индекс. «Католицизм дошел до того, — писал Золя, — что подверг сожжению в своем адском пламени груды — и какие груды! — книг по литературе, истории, философии, из различных областей наук минувших веков и нашего времени. Нет почти что книг, на которые не низвергла бы свои громы церковь. Если порой и создается впечатление, что церковь закрывает глаза на некоторые книги, то это лишь потому, что она не в силах преследовать и уничтожать все, что выходит в свет. Давно уже устаревший, немощный, вырождающийся Индекс представляет собою отталкивающее и жалкое явление!»¹

В §§ 9—10 Индекса говорится: «Поскольку церковь должна заботиться не только о вере, но и о нравах, подвергающихся развращающему влиянию сладострастной и непристойной литературы, категорически запрещаются книги, которые трактуют темы и содержат отдельные сцены и места подобного характера. Античная и новейшая классика, в тех случаях когда она запятнана этим грехом, разрешена к чтению благодаря чистоте и изяществу ее стиля, но только тем, кто по долгу профессии или обязанности занимается ею; ни под каким предлогом не разрешается чтение этих книг детям и молодежи, прежде чем из них не будут старательно удалены все неподходящие места».

Античная литература и литература Возрождения не попадают, таким образом, под удар папского запрета. В данном случае папский престол не решился поставить под угрозу свой авторитет. Что же касается запрещения так называемой «непристойной» литературы, то с лицемерием тупых попечителей добрых нравов человечества составители Индекса включили в него «все любовные повествования» (*omnes fabulae amato-riae*) Бальзака, Стендаля, Жорж Санд, Дюма-отца и Дюма-сына, третьестепенного французского писателя Шанфлери,

¹ Zola. E. Rome. P. Charpentier, 1896, p.p. 431—432.

«Мадам Бовари» и «Саламбо» Флобера, любовные песни Беранже и мемуары Казановы, стихи французского поэта XVIII в. Парни и «Персидские письма» Монтескье.

Самая формула «все любовные повествования» настолько обща, что под нее попадает целый ряд произведений, которые даже самый придирчивый блюститель нравов не рискнул бы изъять из чтения. Вместе с тем у запрещенных Индексом авторов есть произведения, представляющие, при всей их внешней ортодоксальности, значительно большую опасность для «добрых нравов», чем так называемые «любовные повествования», и однако они не включены в Индекс. Не попал в Индекс и целый ряд авторов, чьи произведения в художественном отношении далеко превосходят романы Шанфлери или Дюма-сына. Подобная нелепость в отборе может быть объяснена тем, что цензура книг осуществляется беспорядочно, от случая к случаю. Систематического и сколько-нибудь разумного надзора за выходящими книгами конгрегация Индекса установить не в состоянии, так как аппарат конгрегации невелик, а религиозный фанатизм «леттори» принимает анекдотические формы.

§§ 21—22 категорически запрещают периодические издания, в которых подвергаются нападкам религия и «добрые нравы». Запрещается также участие в этих изданиях католиков без достаточного на то основания, иными словами, если автор не поставил своей целью выступить на страницах того или иного «крамольного» издания в защиту религии. Эти параграфы позволяют католической цензуре наложить запрет на огромное число журналов и статей из всех областей знания и исключить из чтения не меньшее количество произведений прогрессивной мысли, чем то предусмотрено § 2 «Принципов».

В Индекс включены первоиздания книг на том языке, на котором они выходили. В нем фигурируют книги на латинском, английском, французском, итальянском, испанском, португальском, немецком, шведском, польском и еврейском языках. На русском языке нет ни одной книги. Это объясняется прежде всего, конечно, тем, что в католическом мире русские издания не распространены, а также и тем, что в реакционных кругах стран капитала до сих пор принят обычай не читать книг на русском языке (*rossica non leguntur*).

Следует отметить, что Индекс подходит дифференцированно к каждому автору. Запрет, налагаемый цензурой, бывает трех категорий: запрещаются либо все произведения автора (*orega optia*), как, например, Бруно, Гоббса, Беранже, Золя, А. Франса; либо отдельные произведения и группы произведений, как, например, Монтескье, Руссо, Вольтера, Гюго, Гейне и многие другие; либо запрет действует до тех пор, пока произ-

ведения не будут подвергнуты исправлению (*donec corrigentur*) — Энциклопедия XVIII века, Декарт и др.

Указанные в Индексе книги расположены в алфавитном порядке авторов или заглавий произведений (в последнем случае — если они вышли анонимно). Вслед за названием каждой книги помещена ссылка на даты папских декретов или декретов конгрегации, которыми книга запрещалась до выхода очередного Индекса. В тех случаях, когда применяется форма *donec corrigentur*, перед именем автора ставится звездочка (*). В случаях же изъятия из книги тех или иных мест на религиозную тему, перед именем автора помещается латинский крест (+).

Наиболее распространенной формой запрета является вторая, то есть запрещение отдельных книг или группы произведений того или иного автора.

Перечисленные параграфы первого раздела «Общих принципов» касаются прогрессивной художественной, философской, естественнонаучной и т. п. литературы. Список книг, запрещаемых остальными параграфами, представляет только библиографический интерес, так как включает лишь богословскую и религиозную литературу. Эти параграфы (20 из 26) занимают большую часть первого раздела, но под их запрет попадает неизмеримо меньшее количество книг, чем под остальные шесть параграфов.

Первый раздел «Общих принципов» формулирует, таким образом, идейные основы католической цензуры. Второй — посвящен изложению ее организационных основ. Здесь рассматривается, так сказать, «техника» католической цензуры, устанавливается список лиц, занимающихся цензурой или доносами на «опасную» литературу. Этим лицам рекомендуется каждое свое предложение о запрете сопровождать краткой мотивировкой. Имя доносчиков, по требованию Индекса, должно сохраняться в полной тайне, как и те мотивы, по которым книга включается в Индекс. Известно, например, что обращение авторов запрещенных книг в Ватикан с требованием объяснить причины запрета, всегда оставлялось без внимания.

Далее во втором разделе определены задачи издательств, типографий и библиотек, находящихся в подчинении церкви или связанных с нею тем или иным образом. «Книги, осужденные папским престолом, — гласят §§ 45 и 46, — считаются запрещенными повсеместно на каких бы языках они ни выходили. Все издательства и библиотеки, особенно имеющие честь носить звание католических, обязаны воздерживаться от продажи, выдачи и хранения непристойной литературы». В этих библиотеках запрещенные книги хранятся в специальных помещениях и выдаются лишь по особому разрешению.

В заключение, §§ 47, 48 и 49 предусматривают меры наказания за нарушение «Общих принципов». За чтение, хранение, выдачу, публикацию книг и изданий, включенных в Индекс или запрещенных «Общими принципами», виновные подвергаются отлучению от церкви самим папой. Нарушение всех других предписаний «Общих принципов» карается наказанием, налагаемым епископами по их усмотрению.¹

По мере неуклонного сокращения влияния христианства и, в частности, католицизма предписания Индекса все более и более утрачивали свою силу. Уже с середины XIX века даже из католической среды раздавались голоса против цензурных запретов и было установлено, что, например, католическая Франция, как правило, не руководствуется в отборе и рекомендации книг требованиями Индекса. Именно это обстоятельство послужило основанием для регулярных пересмотров Индекса; оно заставляет католических цензоров быть очень осторожными при наложении новых запретов и ограничиваться включением в Индекс преимущественно богословской или антикатолической литературы. За период с 1900 по 1948 г. в Индекс было включено лишь 255 новых наименований, тогда как за соответствующие периоды в предшествующие столетия в Индекс попадало от 500 до 800 наименований.

Тем не менее католическая цензура при всем ее очевидном анахронизме и противоречивости до сих пор служит активным идеологическим оружием в руках реакции. Вплоть до наших дней Индекс запрещенных книг продолжает влиять на чтение многих тысяч католиков, в своем слепом повиновении Ватикану беспрекословно выполняющих нелепые предписания папской цензуры.

¹ После пересмотра канонического права в 1917 г. «Общие принципы» были заменены §§ 1384—1405 канонического права, излагающими те же принципы, но в более сжатой формулировке.

РАЗЫСКАНИЯ

РАЗЫСКАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

1. Адресат эпиграммы Баратынского

В последнем сборнике стихов Баратынского «Сумерки» было напечатано следующее стихотворение:

Увы! Творец непервых сил!
На двух статейках утомил
Ты кой-какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже, в жару нездоровом, ты
Коверкать стал правописание!

Неаполь возмутил рыбарь,
И, власть прияв, как мудрый царь,
Двенадцать дней он градом правил;
Но что же? — непривычный ум,
Устав от венценосных дум,
Его в тринадцатый оставил!

М. Л. Гофман писал в комментарии к этому стихотворению:

«В некоторых копиях Н. Л. Боратынской (в примечаниях издания 1869 года указано, что и в рукописи) иначе читается второй стих:

На двух романах утомил.

Варианты «на двух романах» и «на двух статейках утомил» как будто указывают на то, что Боратынский своей эпиграммой не имел в виду определенного лица».¹

Умозаключение неожиданное. Наличие двух чтений, конечно, должно иметь свои основания, но выяснить их можно только установив, против кого направлена эпиграмма, кто этот писатель неблестящих дарований, написавший два произведения, а затем начавший «коверкать правописание». Трудно понять, как можно не усмотреть в этом стихотворении персональной направленности.

¹ Е. А. Боратынский. Полное собрание сочинений, т. 1. Спб., 1914, стр. 301—302.

Редакторы советского издания Баратынского Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева бесспорно объяснили вторую строфу эпиграммы:

«Неаполь возмутил рыбарь» и след. — широко известный современникам Баратынского из популярной оперы Обера «*La muette de Portici*» (шла в Петербурге на сцене немецкого театра с января 1834 г.) эпизод неаполитанской революции 1647 г., ненадолго освободившей город из-под испанского владычества.

«Рыбарь» — возглавлявший движение рыбак Мазаниелло (1623—1647), захвативший управление Неаполем в свои руки. Вскоре добровольно капитулировал перед испанским вице-королем и, по преданию, разорвав одежды, удалился в свою хижину.¹

Но кого имеет в виду эпиграмма, кто сравнивается с рыбаком, которому не под силу оказались королевские думы? Этого не удалось раскрыть и советским редакторам Баратынского. «На кого направлена эта эпиграмма — нам неизвестно», — читаем в комментарии.²

Между тем, в стихотворении есть строка, дающая возможность ответить на этот вопрос, именно:

Коверкать стал правописание.

Все попытки как серьезных реформ, так и мелких изменений русского правописания зарегистрированы в книге Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания». Посмотрим, какие попытки относятся ко времени написания стихотворения Баратынского.

М. Л. Гофман указывает, что всеми издателями оно датируется периодом 1835—1842 гг., сам же предположительно датирует его 1840 г. На чем основано его предположение, — неизвестно; приблизительная же датировка располагает стихотворение между датами выхода сборника, в котором стихотворение напечатано, и предыдущего сборника. За этот период у Грота указана лишь одна попытка орфографической реформы.

«Покойный Лажечников в романе «Басурман» (1838) попытался было сблизить правописание с произношением». Грот перечисляет нововведения, предложенные Лажечниковым и сказавшиеся на таких написаниях, как «этова», «сверхтово», «вутешение», «на-этот-раз», «ращот» и т. п., — и заканчивает свою справку словами: «но его нововведения не встретили ни в обществе, ни в литературе сочувствия; напротив, они возбу-

¹ Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений, т. II, Л., 1936, стр. 270.

² Там же.

дили только насмешки, и во 2-м издании «Басурмана», напечатанном в 1841 г., мы уже не встречаем этих особенностей письма».¹

Справка Грота дает возможность установить адресата и верную дату эпиграммы Баратынского.

Напечатанный по необычной орфографии «Басурман» был третьим романом Лажечникова. Первые два — «Последний Новик» (1831—1833) и «Ледяной дом» (1835) — были приняты публикой с восторгом. «Басурман» произвел меньшее впечатление и критикой был признан более слабым романом.

Так проясняется смысл приведенного выше варианта:

На двух романах утомил
Ты кой-какое дарование.

В этом тексте адресат крайне обидной эпиграммы был настолько явен, что в печати Баратынский, очевидно для приличия, заменил «романы» «статейками».

«Басурман», пропущенный цензурой 20 октября 1838 года, значит, в числе книг, изданных в ноябре того же года.²

Нося характер живого отклика на событие, которое, очевидно, не могло долго быть злободневным, стихотворение Баратынского должно датироваться концом 1838 — началом 1839 года.

2. Три стихотворные послания Тютчева

В собрании стихотворений Тютчева, выпущенном И. С. Аксаковым в 1868 г., было впервые напечатано стихотворение:

А. А. ФЕТУ

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет, —
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе, хоть молча, скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой:
Они им чувят, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой матерью любимый,
Стократ завидней твой удел:
Не раз под оболочкой зримой
Ты самоё её узрел...

¹ Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е, значительно пополненное изд. СПб., 1876, стр. 216.

² Указатель вновь выходящих книг. Ноябрь 1838. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, № 12, стр. 140 особой пагинации.

С тех пор во всех изданиях Тютчева, вплоть до последнего (1953), стихотворение печатается в таком же виде. Между тем, сохранившийся автограф с совершенной несомненностью показывает, что это не одно стихотворение, а два: первое кончается словами: «Как им в душе я умилен», второе начинается стихом: «Иным достался от природы».

Автограф этот представляет собой лист почтовой бумаги, вклеенный в альбом жены Фета, М. П. Фет-Шеншиной (хранится в Пушкинском Доме Академии наук СССР). Это, значит, то самое письмо, которое было отправлено автором адресату вместе с фотографическим портретом в ответ на стихотворную просьбу Фета о присылке фотографии.¹ На первом полулисте написано первое стихотворение. Оно имеет подпись и дату: «С.-Петербург. 12 апреля 1862». оборот первого полулиста—чистый. На втором полулисте—стихотворение «Иным достался от природы». оборот второго полулиста наклеен на лист альбома.

Присылка второго стихотворения вместе с фотографией и сопроводительным стихотворением к ней показывает, во всяком случае, что и это второе стихотворение обращено к Фету. Но несомненно, что были посланы два стихотворения, а не одно.

К. В. Пигарев в своем обзоре рукописей Тютчева пишет: «В альбоме М. П. Боткиной-Фет «Тебе сердечный мой поклон...» и отдельно 2-я строфа «Иным достался от природы...»²

И все же, несмотря на свидетельство автографа, К. В. Пигарев во всех подготовленных им изданиях³ напечатал стихотворения по-прежнему слитно и даже не использовал даты автографа, оставив традиционную дату «1861», восходящую к изданию 1868 г.

Что можно противопоставить в данном случае показанию автографа? Других автографов нет. Прижизненное издание 1868 г., по указанию самого К. В. Пигарева,⁴ не было просмотрено автором и совершенно неавторитетно. Показания списков⁵ не могут иметь значения: ведь слияние двух стихотворений — одна из типичнейших ошибок, возникающих при переписке и

¹ См. стихотворение «Ф. И. Тютчеву» («Мой обожаемый поэт...») — А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Л., 1937, стр. 274.

² Пигарев К. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева. — «Литературное наследство», кн. 19—21, М., 1935, стр. 406.

³ Тютчев Ф. Стихотворения. Л., 1936. (Библиотека поэта. Малая серия № 37).

Тютчев Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1939. (Библиотека поэта).

Тютчев Ф. Стихотворения. М., Гослитиздат, 1945.

⁴ Цит. статья, стр. 383—384.

⁵ В Мурановском альбоме и в альбоме М. Ф. Бирнлевой.

воспроизведении стихотворного текста. В частности, в различных публикациях стихотворений Тютчева были в свое время допущены такие ошибки: стихотворение «Видение» было напечатано слитно со стихотворением «Олегов щит», «Утро в горах» — со стихотворением «Снежные горы», «Какое дикое ущелье» — со стихотворением «С поляны коршун поднялся», «Вопросы» — с четверостишием «За нашим веком мы идем», два переводных стихотворения из «Вильгельма Мейстера» сливались в одно, как и три разных стихотворения о Наполеоне.

Любопытно, что в последовавшие за изданием 1868 г. издания 1883 и 1886 г.г. стихотворение «А. А. Фету» не включено. Издания не преследовали цели совершенной полноты, и стихотворение было, очевидно, отнесено редактором П. И. Бартевым к числу тех, «в которых не особенно ярко выразилось великое поэтическое дарование» Тютчева.

В самом деле, от слияния двух стихотворений, совершенно разных по тону, смыслу и строфическому строению, хотя и обращенных к одному и тому же лицу, — оба сильно проигрывают, особенно второе — философское стихотворение, попадающее в смысловую атмосферу сопроводительного письма к фотографии. Только выделив второе стихотворение, можно вполне понять его.

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой:
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

О каком инстинкте идет речь?

Тютчев имеет в виду так называемых «водоискателей», т. е. людей, способных определять местонахождение грунтовых вод. Обращение к подобным «водоискателям» при рытье колодцев в сельских местностях зарегистрировано у различных народов. Тютчев, воспитавший свое мировоззрение в кругу мистико-романтических идей, понимал способность «водоискателя» как «инстинкт пророчески-слепой», т. е. как не связанное ни с каким опытом «ясновидение». В стихотворении «водоискательство» дано как символ сверхопытного познания, «мистического откровения».

Во второй строфе дан образ «Великой матери». Это не индивидуальный поэтический образ. Культ «Великой матери» (Magna mater) — древний синкретический культ, распространенный среди всех средиземноморских народов. В нем слились культы греческой Реи и Геи-Деметры, малоазиатской Кибелы, египетской Изиды и др. С конца III века до н. э. культ «Великой матери» стал официальным культом Римского государства. «Великая мать» — это богиня жизненных сил земли, производящее божество, олицетворение живой природы. Культ

ту «Великой матери» придавал особенное значение Шеллинг в своих попытках построить прагматическую историю мифологии.

В заключительных строках стихотворения «инстинкту про-
рочески-слепому» противопоставляется познание «зрячее».
(«Не раз под оболочкой зримой ты самое её узрел»). Это —
познание «Великой матери»-природы во всей красоте и силе ее
жизненных воплощений. Фет характеризуется как поэт, твор-
чески познающий природу в ее живой и разнообразно-прекрас-
ной цельности.

Сравнивая свою поэзию с поэзией Фета, Тютчев отдает по-
следней преимущество если не более глубокого познания, то
более «завидного удела».

Исследователи Тютчева уже замечали, что мистицизм бо-
ролся в его поэзии со скептицизмом, явно сказывающимся
в стихах вроде:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней,

или в таких метафорах, как «И нет в творении творца», в сове-
тах разочарованного в «высшем» познании:

Не рассуждай, не хлопочи!
Безумство ищет, глупость судит.

Одно из самых загадочных стихотворений Тютчева —
«Безумие». Нам представляется, что это — вариация на тему
«Безумство ищет». Тогда особый интерес представляет то, что
во второй половине стихотворения также дан образ «водоиска-
теля» — но на этот раз как образ бесплодных поисков «откро-
вления», «потустороннего знания». Здесь «безумье жалкое»

... вспрянет вдруг н, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!...

* * *

Ни заглавия, ни посвящения не имеет следующее стихотво-
рение Тютчева:

И в божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А все ж весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!»...

Бессильна, как она ни злися,
Несвоевременная дурь, —
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время *летних* бурь.

Это стихотворение можно было бы счесть за вариацию на тему известного стихотворения «Зима недаром злится, Прошла ее пора». Но обратим внимание на первый стих:

*И в божьем мире то ж бывает.*¹

Все дальнейшее — сравнение, относящееся к какому-то эпизоду, по поводу которого написано стихотворение. «Божий мир» — жизнь природы сопоставляется, очевидно, с «человеческим миром» — с социально-политической жизнью. Тютчев обращается к кому-то с ободряющим словом, убеждая его «не унывать», верить, что «черед за ним», что враги «бессильны, как ни злятся», и должны будут уступить, как поздняя зима весне.

Что же за эпизод имеется в виду и к кому обращено стихотворение? Раскрыть это помогает его дата: 11 мая 1866 г.

В этот день в официальной газете министерства внутренних дел «Северная почта» было опубликовано распоряжение министра внутренних дел от 7 мая о третьем предостережении «Московским ведомостям» и приостановке издания на два месяца. «Московские ведомости» не вышли уже накануне — 10 мая (9-го был понедельник — день, когда газета вообще не выходила).

Наказание было наложено на газету за то, что Катков, всюду видевший семя революции и измены, дошел до обвинения царских министров и высшей бюрократии в потакательстве, укрывательстве и участии чуть ли не во всех видах крамолы.

Приостановка газеты вызвала, конечно, выражения сочувствия Каткову со стороны его приверженцев. Тютчев принадлежал в эти годы не только к числу людей, сочувствующих и лично близких редакции «Московских ведомостей», но и к числу активных вдохновителей газеты. «По поводу Каткова, — пишет Тютчев жене 2 июля 1866 г., — если ты желаешь знать мои воззрения на то, что теперь происходит, тебе стоит только прочесть в его газете статьи, относящиеся к внешним событиям и внушенные мной».² Будучи видным чиновником цензурного ведомства, Тютчев заранее извещает редакцию «Московских ведомостей» (через близкого ему А. И. Георгиевского) о грозящих ей неприятностях. Тем более несомненно его сочувствие в данных исключительных обстоятельствах. В дневнике С. М. Сухотина находим под 17 мая 1866 года запись о

¹ Курсив мой. Б. Б.

² «Старина и новизна», кн. XXI, 1916, стр. 215.

встрече с Тютчевым (приехавшим в Москву на похороны матери) у Каткова, где Тютчев рассказывал о причинах и обстоятельствах репрессии против «Московских ведомостей».¹ Очевидно, и рассматриваемое стихотворение — знак сочувствия Каткову и его присным.

Тютчев не напрасно ободрял «Московские ведомости» сравнением их невзгоды с майским снегом. Министрам было не под силу бороться с царским любимцем. Из назначенных двух месяцев прошла только неделя — и газета возобновилась под номинальной временной редакцией профессора Н. А. Любимова, близкого сотрудника «Московских ведомостей», который на первой странице первого номера объявил о полной верности прежнему направлению газеты — и предоставил слово Каткову для продолжения полемики с цензорами и министрами.

3. К биографии П. П. Ершова

Скучные сведения о детстве автора «Конька-Горбунка» восходят к биографии Ершова, написанной А. К. Ярославцевым,² и могут быть изложены в нескольких словах: П. П. Ершов родился 22 февраля 1815 г. в деревне Безруковой, Ишимского уезда, Тобольской губернии; еще младенцем был перевезен в г. Березов той же губернии, где отец его получил место исправника, и здесь прожил до поступления в Тобольскую гимназию. Эти сведения доселе никем не проверялись и в таком виде излагаются всеми биографами Ершова. Между тем они неверны.

По данным официального ежегодного справочника «Адрес-календарь или Общий штат Российской империи» отец Ершова, Павел Алексеевич Ершов, в год рождения поэта (1815) действительно служил в Ишимском уезде, Тобольской губ., занимая должность Черемшанского частного комиссара.³

Несоответствие между местом службы П. А. Ершова, которым, очевидно, должно было быть село Черемшанка, и местом рождения будущего поэта «в комиссарском доме» в деревне Безруковой⁴ легко объясняется тем, что Безрукова находится всего лишь в нескольких километрах от Черемшанки, причем

¹ «Русский архив», 1894, кн. 3, стр. 427.

² Ярославцев А. К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его. СПб., 1872.

³ Частный комиссар — должность, приблизительно соответствующая позднему становому приставу. Уезд делился в административном отношении на несколько частей, управляющихся частными комиссарами, подчиненными уездному исправнику.

⁴ Ярославцев А. К. Упом. соч., стр. 164 и 179.

Черемшанка стояла в стороне от большой дороги, в то время как Безрукова находилась на главном Сибирском почтовом тракте,¹ так что естественно было перенести туда управление частного комиссара.

В должности Черемшанского частного комиссара П. А. Ершов значится с 1807 до 1817 г. Затем он перемещается в г. Петропавловск, того же уезда, на ту же должность частного комиссара. Крупный шаг в своей служебной карьере П. А. Ершов сделал в 1820 г. Он получил место исправника — и притом в одном из самых больших городов Сибири; в Омске.

Только в конце 1823 года, то есть когда будущему поэту было уже восемь лет, совершилось то событие, которое все биографы Ершова вслед за Ярославцевым относили до сих пор к «младенческим годам» поэта: П. А. Ершов был назначен березовским исправником.

Причиной перевода было, вероятно, то, что Омск — до тех пор уездный город Тобольской губернии — стал центром вновь учрежденной Омской области с административным устройством войсковых областей. Область делилась на округа, управлявшиеся не исправниками, а военными начальниками. Тем самым, должности уездных исправников в тех городах, которые раньше были центрами уездов, ликвидировались. Омскому исправнику надо было дать другую, аналогичную должность. Такая и нашлась в далеком маленьком Березове.

Действия заново скомплектованных учреждений цовой области начались 8 ноября 1823 г.² Видимо, после этой даты П. А. Ершов и перестал исполнять обязанности омского исправника.

Естественно, что исправник Ершов рвался из глухого и бедного Березова назад в Омск. Это ему удалось. Уже в 1826 г. П. А. Ершов вернулся в Омск, — на этот раз в качестве советника казенной экспедиции Омского областного правления. Березовский период жизни будущего поэта мог длиться не более трех лет. Но он длился еще меньше. Существует документ, который об этом свидетельствует.

В Тобольском музее хранится евангелие, которым был награжден школьник Ершов «за благонравие и прилежание», как вытиснено золотыми буквами на переплете.

На форзаце этой книги сделана следующая надпись:

Подарена на открытом испытании Тобольского Уездного Училища ученику 2-го класса Петру Ершеву за отлично хорошие успехи в науках, благонравие и прилежание. 1826 года июля 5 дня.

Учитель Венецкий.
Учитель Михайловский.

¹ Списки населенных мест Российской империи, т. X, Тобольская губерния. Спб., 1871, стр. 48—49.

² Полное собрание законов Российской империи, т. XXXVIII, стр. 1326.

Приведем известные до сих пор данные об образовании Ершова. Он поступил в 1 класс Тобольской гимназии в апреле 1827 г.,¹ то есть уже почти к концу учебного года, и окончил гимназию в 1830 г.² То, что он учился лишь в течение четырех учебных лет, не должно нас удивлять: Тобольская гимназия была преобразована, согласно уставу 1828 года, в семиклассную только в 1836 году,³ а до этого она была четырехклассной, по уставу 1804 года. Четыре класса тогдашних гимназий соответствовали четырем старшим классам позднейших гимназий, а первым трем классам соответствовали одногодичное приходское и двухгодичное уездное училище. Теперь выясняется, что до гимназии Ершов окончил Тобольское уездное училище.

Вернувшись в Омск, П. А. Ершов продолжал учить сыновей в Тобольске, так как в Омске гимназии не было; в ту пору в Сибири существовало только две гимназии — Иркутская и Тобольская.

В должности советника Омской казенной экспедиции П. А. Ершов значится по адрес-календарям с 1826 по 1830 г., то-есть во все время обучения своих сыновей в гимназии. Как известно, к окончанию ими гимназического курса, П. А. Ершов получил место в Петербурге, куда и переехала вся семья. Последние сведения о службе П. А. Ершова в Омске относятся к декабрю 1830 г.

Таким образом, пребывание в Березове выдвинуто в биографиях Ершова совершенно неправомерно. Конечно, Березов мог оставить в памяти Ершова много впечатлений; быть может, Ершов впоследствии сам выдвигал на первый план эти впечатления,—так сказать, в порядке романтической экзотики Севера; как бы то ни было, продолжительность его пребывания в Березове крайне невелика. С другой стороны, тобольский период жизни Ершова на самом деле начался ранее, чем считали до сих пор. Наряду с Тобольском, основным городом, в котором прошли юные годы Ершова, оказывается Омск, до сих пор не фигурировавший в биографии автора «Конька-Горбунка».

¹ Замахаев С. Н. и Цветаев Г. А. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789—1889. Тобольск, 1889, стр. 196—197.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 77.

1. НЕИЗВЕСТНАЯ ЭПИГРАММА ТЮТЧЕВА

27 октября 1870 г. поэт и цензор Федор Тютчев записал в альбом своего сослуживца по комитету цензуры иностранной — Платона Алексеевича Вакара (1820—1899) — восьмистишие о своей деятельности в качестве цензора. Тютчев гордился тем, что не угнетал мысль, а держал при ней не арестантский, а почетный караул. Это стихотворение («Веленью высшему покорны...») появилось в печати через несколько лет после смерти поэта.

Оказывается, это было не единственное стихотворение Тютчева о цензуре. В том же альбоме была записана еще одна эпиграмма:

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура,
Кой-как питает нашу плоть —
Благослови ее, господь!

Текст этой эпиграммы (на память приходят соответствующие строки Пушкина с теми же рифмами) не мог рассчитывать на благосклонность цензуры и, сообщая биографу Тютчева — И. С. Аксакову текст одного стихотворения в том же альбоме, П. А. Вакар предпочел не предавать гласности непочтительных и иронических строк о цензуре своего сослуживца и приятеля. Более чем восемьдесят пять лет эпиграмма оставалась неизвестной.

Альбом П. А. Вакара «Драгоценность» долгие годы сохранялся в его семье, и в дни блокады Ленинграда в сильно поврежденном виде поступил в рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Лист, на котором было написано публикуемое стихотворение (как и ряд других листов альбома), утрачен. Эпиграмма публикуется по копии, сообщенной мне внучкой П. А. Вакара, скончавшейся в 1953 г. научной сотрудницей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР В. А. Кравчинской.

Хотя единственным источником является в настоящее время поздняя копия, аутентичность сообщенного текста едва ли может вызывать сомнение.

2. ИЗ РАЗЫСКАНИЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

«Декабрист»

В наши дни слово «декабрист» понятно всякому и значение его в русском языке не вызывает ни малейшего сомнения. Толковые словари разъясняют его сходно. «Декабристами называют бывших государственных преступников по заговору 1825 г.» — писал Даль в своем словаре в 1861 г. (т. 1, стр. 437). Декабрист — «каждый из участников заговора, приведшего к попытке военного бунта в Петербурге на Исаакиевской площади 14 декабря 1825 г.» — читаем в «Словаре русского языка» 2-го издания императорской Академии наук.¹ Декабристы — «участники заговора в России, приведшего к попытке военного бунта в декабре 1825 г.» — написано в словаре А. Чудинова.² Декабрист — «участник восстания 14 декабря 1825 г. в России» — разъясняет в 1935 г. «Толковый словарь» Д. Н. Ушакова.³ «Участник дворянского революционно-освободительного движения, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 года», — пишет в 1952 г. С. И. Ожегов.⁴

Как производные от слова «декабрист» в нашем языке существуют прилагательное — декабристский, существительные — декабристоведение — отрасль истории, изучающая движение декабристов, и декабризм — обобщающее понятие всего движения в целом.⁵

То, что кажется нам сегодня таким определенным и, в обычном представлении, одновременным самому событию, исторически оказывается явлением гораздо более сложным.

Когда событие 1825 г. совершилось, возникла естественная необходимость наименовать происшедшее, а также и людей, принимавших в этом событии участие. При этом очевидно, что различные классы хотели вложить в это обозначение разный

¹ Вып. 3. Спб., 1895, стр. 99.

² Чудинов А. Н. Справочный словарь. Спб., 1900, стр. 511.

³ Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1935, стр. 674. Сходно в «Словаре современного русского литературного языка». М., т. III, 1954, стр. 657.

⁴ Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов. М., 1952, стр. 133.

⁵ На короткое время, в устах Некрасова, возник даже неологизм — декабристки. Это один из вариантов заглавия поэмы «Русские женщины», устраненный самим Некрасовым, вероятно, потому, что он предпочел более широкое обозначение подвига именно русских женщин. «Словарь современного русского литературного языка» Академии наук СССР учитывает и этот непривившийся в языке неологизм (т. III, цит. изд., 1954, стр. 657). В наше время Ал. Алтаев (Ямщикова) создала неологизм — декабрия: см. ее повесть под этим заглавием, изданную в Москве издательством «Земля и фабрика» в 1926 г.

смысл. Одни хотели обозначить событие и его участников — презрительно и уничижительно, другие, — наоборот, хотели возвеличить героев первой революционной попытки.

Восстание на Сенатской (точнее на Петровской) площади получило в официальных документах и в литературе различные наименования: заговор, мятеж, бунт, возмущение, восстание и пр.

Недостаток всех этих названий очевиден: каждое из этих слов может быть отнесено к целому ряду аналогичных действий: отсутствовало индивидуальное обозначение именно данного события. Удовлетворяя этой потребности, в языке появились новые словосочетания — событие 14 декабря, история 14 декабря, дело 14 декабря, происшествие 14 декабря, вспышка 14 декабря, наконец просто — 14 декабря.

Соответственно и участники события именовались по-разному — тоже обобщенно или индивидуализированно — заговорщики, мятежники, бунтовщики, безумцы, злоумышленники, заблудшие, горсть непокорных, преступники, несчастные, возмутители, либералисты, люди 14 декабря, деятели 14 декабря, участники 14 декабря, мученики 14 декабря, свободолюбцы, герои 1825 г. и пр. и пр. «*Mes amis du quatorze*» — именовал их Николай I.¹

Называть и вспоминать этих людей в условиях последекабристского террора было небезопасно, и даже в дружеской среде предпочитали обходиться без точного имени, намеком. «Тех то в южной-то армии, по четырнадцатому, вы понимаете», — обозначает декабристов Василий Иванович Базаров (отец) в беседе с Аркадием Кирсановым («Отцы и дети», гл. XX; действие романа отнесено к 1859 г.). Аналогично Пушкин в официальной записке «О народном воспитании» прибегнул к эвфемизму «последние происшествия»,² а Гончаров, даже в 1887 г., писал о «хвосте этого переполоха».³

Было бы ошибочно искать индивидуального автора нового слова. Оно сравнительно редко рождается у одного человека, как его избречение. Авторского права на слово существовать не может, и употребивший его впервые не сочтет себя его изобретателем. Слово появляется в языке именно в тот момент, когда в нем возникает потребность. При этом новое слово приходит на смену существовавшим ранее описательным, общим

¹ См. ряд обозначений, большей частью по 14-му числу в сб. «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». М.—Л., Госиздат, 1926.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. XI. Изд-во Академии наук СССР, 1949, стр. 43.

³ Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. VIII. М., Госполитиздат, 1954, стр. 245.

обозначениям и закрепляется, иногда, как термин. Новое понятие должно быть названо не общим родовым названием, а видовым, уточняющим и конкретизирующим данное явление индивидуальным обозначением.

Так, на смену «безумцам», «злоумышленникам», «мальчишкам», «героям», «мученикам», «первенцам свободы» и т. д. — словам, могущим быть примененными к ряду событий, приходит видовое — «декабрист».

Прежде всего напомним, что вопреки обычному представлению слово «декабрист» отнюдь не современно самому событию, а возникло спустя какое-то время после него: наблюдательный П. А. Каратыгин пишет о деятелях 14 декабря как о людях, «которые *впоследствии* получили печальную известность под именем декабристов».¹

Следует иметь в виду, что сами декабристы, в пределах приблизительно первых пятнадцати лет после восстания, этим именем себя не называли.

Переиздавая в 1925 г. «Записки» И. Д. Якушкина, его внук Е. Е. Якушкин в предисловии писал: «Прежде всего надо объяснить, почему в заглавии этой книги не сказано «Записки декабриста» И. Д. Якушкина. Иван Дмитриевич не называл себя декабристом — он считал, что называться декабристом имеет право только тот, кто принимал непосредственное участие в восстании 14 декабря».²

Эта точка зрения не единична: в среде декабристов действительно существовало такое ограничительное толкование. Декабрист — это не вообще всякий репрессированный по делу, связанному с попыткой государственного переворота 14 декабря 1825 г., а лишь непосредственный участник восстания. М. А. Бестужев 7 октября 1869 г. писал М. И. Семевскому о том, что Розен и Беляев — это «два лица из оставшегося триумвирата *настоящих декабристов*, бывших на площади».³

Той же позиции придерживался и Д. И. Завалишин. Он посвятил этому вопросу вступительную часть своей полемической статьи «Декабристы». По его мнению, «самое название «декабрист» оставалось и до сих пор остается неразъясненным», и дает самое смутное понятие о том, «кого должно называть по справедливости декабристом и какое политическое и нравственное значение связано с этим названием». По концепции Завалишина оно неприменимо «ко всем лицам, ис-

¹ Каратыгин П. А. Записки, т. I, Л., «Academia», 1929, стр. 233. (Курсив мой. С. Р.). Записки Каратыгина писались в 1850—70-х годах.

² Якушкин И. Д. Записки. М., 1926 (на обл. 1925), стр. 5.

³ Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. Л., И-во Академии наук СССР. 1951, стр. 469. (Курсив мой. С. Р.).

кавшим преобразовать государственное устройство России (...). Собственно декабристами могли бы быть названы только участвовавшие в бунте 14 декабря. Но в таком случае это название не будет иметь того почетного значения, какое ему втайне приписывали. Название декабристов вовсе неприложимо к большинству тех, кому придают оное; у тех же, к кому его можно приложить, оно не может иметь того значения, какое ему придавали. Единственно правильное название, которое может иметь общее приложение (...) члены тайных обществ, пожалуй, даже революционеры эпохи Александра I».¹

Предложение Завалишина, вызванное личными соображениями,² свидетельствует о непонимании им сущности всего движения в целом. Было бы нелепо входить в мелочное рассмотрение вопроса о присутствии данного лица на площади в час восстания, о его формальной принадлежности к тому или иному обществу, о его судимости и пр. Поэтому прав был декабрист П. Н. Свистунов, укоряя Розена в том, что он «не без умысла присваивает это прозвище декабрист исключительно лицам, участвовавшим в возмущении 14 декабря, но не логичнее ли общепринятое применение этого термина ко всем лицам, пострадавшим вследствие возмущения».³ Предложение Завалишина никем, разумеется, принято не было. Единственный подлинный творец языка — народ мудро обобщил в одном слове целое движение эпохи.

В нашем распоряжении нет пока никаких документальных данных, но вполне естественно предположить, что новое слово возникло как раз в среде декабристов, на каторге и в ссылке. Эта гипотеза нуждается еще в подтверждении реальным материалом.

Однако, кроме круга декабристов, новое слово могло независимо и самостоятельно возникнуть и возникло и в других группах, примерно, в самом конце 30-х, начале 40-х годов. Не пытаясь исчерпать все случаи, приведу некоторые данные.

1. В новгородском дневнике Герцена 26 марта 1842 года

¹ «Русский вестник», 1884, № 2, стр. 821—822. В рукописи этой работы (хранящейся в Ленинграде у З. Д. Завалишиной-Еропкиной) подзаголовок гласит: «Ошибочность понятия, связанного с названием «декабрист». Та же мысль была еще раньше развита Завалишиным в оставшейся неизданной статье, направленной против П. И. Бартечева «Образец исторических разъяснений и правдоподобие г. Бартечева, издателя «Русского архива» и «XIX века». Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, л. 3. Рукопись датирована 14 декабря 1871 г.

² О них см. в комментариях М. К. Азадовского к изданию: «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1951, стр. 585.

³ Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах. — «Русский архив», 1870, стр. 1642—1643.

записано: «даже легкое наказание его (М. Ф. Орлова) в сравнении с другими декабристами не нравилось».¹

Дневник Герцен писал, конечно, только для себя; записанное в нем слово, как это видно из контекста, употреблено легко и свободно, как нечто совершенно понятное и привычное, очевидно, оно в устной речи Герцена и его друзей бывало и раньше, т. е. существовало уже в кругах московской и петербургской интеллигенции. Для нас особенно важно использование этого слова именно в не предназначенном для печати, совершенно личном документе; не забудем, что появлению нового слова в печати (притом без кавычек, оттеняющих его новизну, или без пояснений) предшествует его предварительное усвоение в устной речи.

2. С 1832 и до 1843 г. и в 1844—45 гг. в Петербурге жил Тарас Шевченко. С 1838 г. он вращался в кругу передовых художников, писателей, среди петрашевцев. Конечно, не раз слышал он рассказы о восстании 1825 г. и о печальной судьбе его участников. Весьма вероятно, что и восстание Чернышевского полка на Украине не осталось ему неизвестным. На Украине или скорее в Петербурге он не раз слышал слово «декабрист»: через несколько лет оно появилось в написанной в Миргороде в 1845 г., (впервые напечатано в 1867 г.) поэме «Великий льох». Одна из ворон (в главе «Три вороны») говорит:

Оце тобі, оце тобі!
Я оце літала
Аж у Сибір, та в одного
Декабриста вкрала
Трохи жовчі...

Это поэтическое свидетельство великого поэта очень существенно. Значит, в первой половине 1840-х гг. (а может быть и раньше) слово декабрист существовало уже в русском языке и было настолько понятно, что его можно было употребить и по-украински: смысл неологизма не вызывал сомнения, хотя декабрь по-украински — грудень.²

3. Новое, полузапретное слово употребил 23—27 июля 1849 г. в показании в следственной комиссии арестованный по-

¹ Герцен А. И. Полное собрание сочинений, т. II. М., Изд-во Академии наук СССР, 1954, стр. 202.

² Нет ничего невозможного, что слово декабрист Шевченко услышал как раз среди петрашевцев. О связях Шевченко с кругом Петрашевского см. статью О. Р. Мазуркевича «Шевченко и петрашевці» в сб. «Російсько-українське літературне єднання». Вып. I. Киев, 1953, стр. 192—220. Слово декабрист снова встретится в дневнике Шевченко в 1857 г., в записях от 16 октября и 4 ноября, оба раза с прописной буквы. Легальное употребление слова в 1857 г. было еще невозможно (или почти невозможно), и в языке Шевченко оно сохранилось, вероятно, именно с середины 1840-х годов: едва ли оно могло войти в его язык в период ссылки.

делу Петрашевского Р. А. Черносвитов. «Случалось говорить мне, — писал он, — о государственных преступниках в Сибири, сосланных по 14 декабря, их вообще в Сибири называют декабристами...»¹

Как видим, Черносвитов пользуется новым словом и не уверен, что оно понятно и известно даже таким специалистам в области политического сыска, как члены специальной следственной комиссии по делу Петрашевского. Свидетельство Черносвитова важно для нас в том отношении, что дает иной источник бытования нового слова — Сибирь.²

Напомню, что у Пушкина слово «декабрист» не встречается, и эта отрицательная справка важна сама по себе: трудно допустить, чтобы в языке Пушкина такое слово не нашло отражения. Существенно важно и то, что, кроме приведенной выше цитаты из стихов Шевченко, его нет вообще в стихотворениях того времени: политическая лирика, конечно, не могла бы не воспользоваться новым словом, семантика которого была основана на возвеличении подвига борцов за свободу. Это обозначение если и получило распространение, то только в качестве анахронизма. Так, послание «В Сибирь» Пушкина (1827 г.), задним числом в некоторых поздних рукописных сборниках и списках озаглавливалось «Декабристам». Точно так же стихотворение Тютчева (приблизительно 1826 г.), озаглавленное в автографе «14 декабря 1825 г.», в собрании сочинений 1886 г. получило заглавие «Декабристам».

Е. С. Некрасова совершенно произвольно в 1902 г. так же озаглавила стихотворение Огарева 1838 г. «Я видел вас, пришельцы дальних стран...» и даже привела в свое оправдание «мотивировку»: «Это стихотворение, писанное в России в 1838 г., должно быть из осторожности, не имело в рукописи ни-

¹ «Дело петрашевцев». Т. I. Изд-во Академии наук СССР, 1937, стр. 448. Заметим, что сам Петрашевский, упоминая о декабристах, называет их «заговорщиками» или «злумышленниками 14 декабря». См. там же, т. I, стр. 35 и 46, т. III, стр. 394, 395, 397, 403.

² В этой связи, некоторую правдоподобность получают и мемуары Н. А. Белоголового, из которых мы узнаем, что в мае 1842 г. отец автора сказал детям, что повезет их в деревню Малая Разводная в учение к *декабристу* Юшневскому («Воспоминания и другие статьи». Изд. 3, М., 1898, стр. 2. Курсив мой. С. Р.). Слова Белоголового подтверждаются связанными с Сибирью фольклорными записями, в которых можно изредка найти слово «декабрист». «У нас помещиков не было: нас царь декабристами пожаловал...», записала в 1914 г. А. Пруссак. Б. Кубалов также приводит некоторые случаи употребления этого слова, причем указывает, что им пользуются старики. (А. Пруссак. Из сибирских сказов о декабристах.—«Сибирская живая старина». 1926, вып. I (V), стр. 84; Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, стр. 190).

какого названия», хотя, добавим тут же от себя, их не имеют очень многие из ранних стихотворений Огарева.¹

В «вольной русской поэзии» есть еще два стихотворения, носящие заглавие «Декабрист», — «Над вашей памятью кровавой...» и «Каховский, Пестель, Муравьев...» Авторы обоих стихотворений не установлены, стихи же относятся, почти несомненно, к более позднему времени, едва ли не к 1850-м годам.²

Почти одновременно с Черносвитовым новое слово едва ли не впервые печатно употребил в «вольной русской печати» и Герцен. Мы найдем его в тексте написанной в 1850 г. работы «О развитии революционных идей в России».³ Это свидетельство очень характерно.

Словарный состав языка Герцена, в основном, установился ко времени отъезда его из России, т. е. к 1846 г. Дальнейшие пополнения не могли быть сколько-нибудь значительны. Связи с Россией были непрочные и источников расширения языкового фонда у Герцена в это время было мало,⁴ не то что впоследствии, в эпоху издания «Колокола». Между тем контекст позволяет утверждать, что Герцен легко употребил привычное для него слово, отнюдь не как неологизм, и без обычных для нового термина кавычек. Перед нами еще одно подтверждение того, что слово существовало в языке уже около этого времени.

«Декабрист» появится у Герцена в 1857 г. на страницах «Колокола» в некрологе И. Д. Якушкина,⁵ в статье «Лишние люди и желчевики» 1859 г.⁶ Характерно, что в «Исповеди» Огарева, работа над которой началась с конца 1856 г., слово «декабрист» встретится только однажды,⁷ а в изданной в 1858 г.

¹ «Русская мысль», 1902, № 3, стр. 2. Механически повторил Е. С. Некрасову и Я. З. Черняк, введя, хотя бы в квадратных скобках то же заглавие в издание 1938 г. («Избранные стихотворения и поэмы», стр. 9), а С. Я. Штрайх повторил это же заглавие и (полвека спустя!) повторил и мотивировку Е. С. Некрасовой: «в рукописи автор не проставил заглавия, повидимому, опасаясь обыска» («Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III. М., Госполитиздат, 1951, стр. 284 и 450).

² Первое стихотворение было напечатано в «Русской потаенной литературе». Лондон, 1861, стр. 254. Перепечатку (с датой: 1830-е годы) см. в сборнике «Декабристы». Сост. В. Н. Орлов. Л., Гослитиздат, 1951, стр. 282. Второе стихотворение см., напр., в сборнике: «О минувшем». Спб., 1909, стр. 182.

³ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем, т. VI. Пг., 1919, стр. 390.

⁴ Не говорю о книгах и журналах, в которых запретное слово не могло появиться.

⁵ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. IX. Пг., 1919, стр. 51 сноски. Ср. еще в ч. 2 «Былого и дум» (цит. изд., т. XII, стр. 267).

⁶ Там же, т. X. Пг., 1919, стр. 415.

⁷ «Литературное наследство», № 61. М., 1953, стр. 688.

в Лондоне работе Огарева «Разбор книги Корфа» слово «декабрист» не встречается, хотя для употребления его, именно в этом случае, у Огарева было, казалось бы, множество непосредственных поводов. С другой стороны, в напечатанном в 1861 г. его же отрывке «Кавказские воды» и в предисловии к «Русской потаенной литературе» того же года это слово попадает неоднократно. Написанное в 1859 г. стихотворение «Старик» А. Н. Плещеев первоначально предполагал озаглавить «Декабрист», — словом еще не вполне легальным, чем и объясняется аббревиатура.¹ В легальной русской печати, в некрологах скончавшихся, примерно, до 1865 г. декабристов это слово не употребляется, а используются всевозможные эвфемизмы. Эти даты более или менее точно соответствуют периоду, когда слово вошло в широкое употребление.²

Слово «декабрист» становится чем-то вроде почетного титула. Герцен начинает с 1862 г. издавать серию «Записки декабристов», а затем в печати появляются «Записки декабриста» А. Е. Розена (1870), «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном» А. П. Беляева (1882), «Записки декабриста» А. С. Гангелова (1888), «Записки С. Г. Волконского (декабриста)» (1901), «Записки декабриста» Н. И. Лорера (1904), «Записки декабриста» Д. И. Завалишина (1906), «Воспоминания декабристов кн. Оболенского, Басаргина и кн. Волконской» (1908), «Записки жены декабриста П. Е. Анненковой»

¹ «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 137. Ср. в письме Тургенева к гр. Е. Е. Ламберт, написанном до сентября 1860 г. Рекомендую ей Н. Р. Цебрикова, Тургенев характеризовал его как «бывшего декабриста» (Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915, стр. 186. Дата этого письма устанавливается сопоставлением с письмом № 59 на стр. 99—100).

² См. еще два письма Л. Н. Толстого к Герцену марта и апреля 1861 г. с употреблением этого слова. (Л. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 60. М., 1949, стр. 374 и 376). Герцену же принадлежит неудавшаяся попытка ввести в язык еще одно обозначение. Если надо было как-то обобщенно называть людей, участвовавших в попытке государственного переворота, то точно так же понадобилось, однажды, как-то назвать современника, не принимавшего никакого участия в этом деле. В «Полярной звезде» 1862 г. публикация отрывков из мемуаров Н. Бестужева сопровождалась псевдонимным обозначением автора предисловия. «Выдержки из записок одного Не-декабриста» — под этим именем был скрыт Н. И. Греч — отрывок был напечатан без его ведома («Полярная звезда» на 1862 г.). Кн. 7, вып. 2, стр. 86—123). Н. В. Гербель в том же году несколько раз повторил этот псевдоним в изданном им в Лейпциге «Собрании стихотворений декабристов» («Библиотека русских авторов», т. 2). Слово «не-декабрист», стоявшее на грани между псевдонимом и термином, не привилось. В языке не ощущалось в нем надобности — слишком велик был круг людей, не участвовавших в заговоре, и определять их всех одним общим именем было не нужно. К тому же негативное обозначение логически бессодержательно.

(1915), «Записки и письма декабриста» И. И. Горбачевского (П. И. Борисова?)¹ (1916) и т. д.

В этом списке, в некоторых случаях, обозначение «декабрист» в заглавии принадлежит издателям. Нужно было как-то указать, кто такие авторы издаваемых воспоминаний. Имена их ничего не говорили широкому кругу читателей. Беляев назвал свои записки просто «воспоминаниями», а Суворин вставил «декабриста». Б. Е. Сыроечковский первоначальную публикацию «Русского архива» («Записки неизвестного» (Горбачевского-Борисова) переименовал на «Записки декабриста». Гангблов — и это очень показательно — озаглавил написанную специально для издания 1888 г. вступительную заметку: «Как я попал в декабристы и что затем последовало...», но во всем тексте, написанном в конце 1820-х годов, слово «декабрист» не встречается.

До амнистии 1856 г. в легальной печати писать о декабристах и употреблять это слово было невозможно. В этом причина, почему слово, возникшее в кругу декабристов, среди прогрессивных групп Петербурга, Москвы или Украины, среди жителей Сибири и возможно где-то еще, — не позднее первой половины 1840 г. не зафиксировано в литературе того времени. Свидетельства же более поздних источников ненадежны, т. к. никогда нет уверенности, что автор ретроспективно не переносит в прошлое современную ему терминологию. По этой причине нужно с осторожностью отнести к воспоминаниям Н. М. Сатина, в которых генерал Засс произносит это слово в разговоре с Сатиным в Пятигорске в 1837 г. по поводу прибытия в его часть нескольких ссыльных декабристов.²

Точных сведений о том, когда цензура стала разрешать употребление в печати слова «декабрист», не имеется, однако

¹ См. статью М. В. Нечкиной «Кто автор «Записок И. И. Горбачевского». — «Исторические записки», № 54. М., 1955, стр. 284—298.

² С а т и н Н. М. Отрывки из воспоминаний. «Почин». Сборник общества любителей российской словесности на 1895 г. М., 1895, стр. 241. По тем же соображениям приходится элиминировать запись в дневнике А. В. Никитенко 30 января 1828 г.: «Толковали о прошлом, вспоминали о декабристах». (Записки и дневник, т. I, Изд. 2, Спб., 1904, стр. 182). Рукопись дневника не сохранилась, но, как установлено И. Я. Айзенштоком, подверглась в 80-х годах существенной редакционной правке дочерью мемуариста С. А. Никитенко. Есть все основания предполагать, что интересующее нас место — плод такого рода редактирования. К тому же выводу, независимо от меня, пришел и И. Я. Айзеншток, готовя новый выпуск дневника А. В. Никитенко. Нигде в остальной части дневника это слово не встречается. Ср. у Ф. И. Буслаева; вспоминая Пензу 1828—33 гг., он пишет: «сверх того, мы вовсе и не знали, что такое декабристы, а если и слышали это название, то не придавали ему никакого смысла» («Мои воспоминания». М., 1897, стр. 79). Осторожный ученый, как видим, не уверен в том, что слово «декабрист» употреблялось в те годы в языке.

характерно, что в издании «Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленный по образцу немецкого словаря Гейзе» (Спб., 1861, стр. 158), слово «декабрист» разъяснено так: «приверженцы Людовика-Наполеона, произведшие знаменитое *coup d'état* 2 декабря 1851 года». «Декабрист» в это время был уже в словаре Даля, но издатель популярного словаря еще не мог или не решился ввести его основное в русском языке значение. В полном противоречии со всеми историческими данными, престарелый реакционер, «декабрист без декабря» П. А. Вяземский в письме к П. И. Бартеневу 24 февраля 1871 г. совершенно ошибочно считал это слово заимствованным из французского языка и сообщал свое мнение «о том или о тех, которых также в подражание французам называли мы декабристами»¹.

Корень слова «декабрист» не содержит в себе никаких элементов оценки: перед нами календарное обозначение. Тем не менее новое слово с очень продуктивным суффиксом быстро вошло в словарь как слово прогрессивных кругов с совершенно определенной семантикой. В новое слово было вложено сочувствие к людям, героически боровшимся за свободу народа. В течение более четверти века слово «декабрист» было на положении запретного. Его не найти в официальных, правительственных источниках, которые даже и много лет спустя будут употреблять его и мало и неохотно: обычное обозначение в казенных документах — государственный преступник или бывший государственный преступник.² Исторически невозможен, поэтому, разговор, происходящий в фильме «Тарас Шевченко». «Что это за люди?» — спрашивает в 1855 г. Александр II. «Это декабристы», — отвечает шеф жандармов.³

Условия печати в России 1840-х годов и до середины 1850-х были таковы, что новое слово, едва ли не впервые, прозвучало в печати из уст русского революционера на иностранном языке. Названная выше работа Герцена «О развитии революционных идей в России» была первоначально издана на немецком и французском языках. В ней находим слово «*décembristes*»,⁴ соответствующее русскому «декабристы» — неологизм во французском языке.

¹ «Летописи Государственного Литературного Музея», кн. 3, «Декабристы», под редакцией Н. П. Чулкова. М., 1938, стр. 493.

² Много лет спустя, в 1906 г., в Москве черносотенцами была издана провокационная брошюрка с совершенно клеветническим освещением декабрьских боев революционного пролетариата Москвы. Книжонка была нарочито озаглавлена «Декабристы» или Москва обгаренная кровью. (Кавычки в первом слове — в заглавии книжки).

³ Савченко И. Тарас Шевченко. М., Госкиноиздат, 1951, стр. 60.

⁴ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. VI. Пг., 1919, стр. 281.

Напомню, что в связи с переворотом 2 декабря 1851 г. сторонники Наполеона III получили название «décembriseurs» или «décembraillards».¹ В пятой главе написанной в начале 1852 г. работы «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» Маркс подробно говорит о реакционном «Обществе десятого декабря», способствовавшем возвышению Наполеона III. В этой связи он четырежды употребляет слово декабрист.² В устах Маркса употребление этого слова, очевидно, ироническое, и связано с его основным значением — русского революционера, — которое Маркс, разумеется, хорошо знал.

Стоит отметить, что, издавая в Лондоне в 1863 г. второй и третий выпуск серии «Записки декабристов», Герцен перевел это заглавие на французский язык несколько иначе, очевидно из опасения, что слово «décembriste» не всеми будет понято, или же будет понято превратно, в связи с Наполеоном III. Заглавие звучит так: «Mémoires des exilés du 14 décembre 1825». Впрочем, через шесть лет А. Е. Розен (точнее, его издатель) уже не боялся двусмысленности и непонимания, и смело озаглавил свою книгу: «Aus den Memoiren eines russischen Decabristen» (Лейпциг, 1869). Перед нами, в сущности, написанное латинскими буквами русское слово с немецким окончанием. (декабрь по-немецки — Dezember).

После смерти Николая I в 1855 г. и последовавшего некоторого общественного оживления слово «декабрист» перестало быть запрещенным, и не позже середины 1860-х годов вошло в основной словарный фонд русского языка.

¹ См. Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Т. VI, p. 221; Dictionnaire Quillet de la langue française. Т. I, Paris, 1948, p. 477. В словаре А. Dauzat находим рядом с формой décembriseur также и форму décembriste с тем же значением. (Dictionnaire étimologique de la langue française. Paris, 1938, p. 230-231. В известном словаре Е. Littré есть только форма décembrisade (Dictionnaire de la langue française. Supplément, Paris, 1886, p. 104).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. VIII. 1931, стр. 369 и 373. В подлиннике — Dezembristen.

РЕЦЕНЗИИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ ОБЛАСТНЫХ БИБЛИОТЕК ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Рекомендательные библиографические пособия по сельскому хозяйству играют немалую роль в пропаганде библиотеками сельскохозяйственных знаний. Несмотря на значительное число указателей по сельскому хозяйству, издаваемых Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за последние годы, заметно усилилась и работа областных библиотек по созданию библиографических пособий, пропагандирующих сельскохозяйственную литературу. Так, по далеко не полным данным, за 1954—1955 гг. краевыми и областными библиотеками СССР выпущено на русском языке 263 библиографических пособия по сельскому хозяйству. Из них:

Общие методические и библиографические материалы	11
О колхозном строительстве	6
О передовом опыте в сельском хозяйстве	22
О земледелии (общие вопросы)	22
О методе Т. С. Мальцева	12
По растениеводству	16
О кукурузе	19
По механизации с/х	48
По животноводству	83
По овощеводству	22
По картофелеводству	6
По садоводству	6

Такая активность краевых и областных библиотек объясняется не только тем, что выход центральных библиографических материалов по сельскому хозяйству зачастую запаздывает и они далеко не всегда доходят до районных и сельских библиотек. Необходимость самостоятельного создания краевыми и областными библиотеками пособий по сельскому хозяйству непосредственно связана с тем, что пропаганда сельскохозяйственных знаний должна соответствовать конкретным условиям сельскохозяйственной жизни края, области, района, должна отражать своеобразие почвенно-климатических и экономических условий сельского хозяйства данной местности, между тем как библиографические пособия, разрабатываемые центральными библиотеками, отражают литературу, которая может быть использована во всех или многих зонах, и потому рекомендация ее носит слишком общий характер.

Непосредственно с этим связана также возможность отражения в пособиях, составляемых областными библиотеками, материала местной печати, чего нельзя требовать от указателей, составляемых центральными библиотеками.

Таким образом, деятельность областных библиотек по созданию рекомендательных пособий сельскохозяйственной тематики отвечает важнейшей задаче пропаганды сельскохозяйственных знаний, но при том условии, если выпускаемые пособия отражают литературу в тесной связи с требованиями сельского хозяйства области и достаточно широко раскрывают материалы местной печати.

Выполнение этих условий, а также актуальность тематики, отбор действительно лучшей литературы, соответственно читательскому назначению, и верное раскрытие ее — дают возможность наиболее эффективно использовать эти пособия для пропаганды сельскохозяйственных знаний.

Попытаемся проанализировать с этой точки зрения наиболее характерные библиографические пособия по сельскому хозяйству, выпущенные за последние годы краевыми и областными библиотеками.

Широко откликнувшись на указание январского пленума ЦК КПСС 1955 г. о необходимости увеличения посевов кукурузы в стране, областные библиотеки посвятили ряд указателей вопросам агротехники этой культуры.

Обращает на себя внимание подробно разработанный Горьковской областной библиотекой рекомендательный указатель¹, рекомендующий хорошо подобранные книги и статьи по всем основным вопросам агротехники кукурузы в условиях нечерноземной полосы и, в частности, Горьковской области. Пропущенным оказался только вопрос хранения и подготовки семян кукурузы к посеву, хотя в методических советах библиотекарю на него обращается большое внимание. Все же продуманный отбор литературы, четкое построение указателя, хорошо составленные предисловие и методические советы выгодно отличают его от многих других указателей областных библиотек.

По другому пути пошла Астраханская областная библиотека при составлении рекомендательного указателя литературы «За высокий урожай кукурузы».²

¹ Кукуруза — на поля колхозов и совхозов. Реком. указатель лит-ры. Сост. библиограф В. М. Райковская. Ред. ст. агроном обл. упр. с.-х. т. Лисихин. Горький, 1955. 12 стр. (Горьк. обл. библ. им. В. И. Ленина. Отд. библиографии).

² За высокий урожай кукурузы. Реком. список лит-ры. Сост. библиограф обл. библ. Т. Зубанова. Консультант нач. отд. земледелия облсельхозуправления С. Сонников. Астрахань, изд. газ. «Волга», 1955. 16 стр. (Обл. библ. им. Н. К. Крупской).

Пособие привлекает внимание своим внешним оформлением, предисловием, в котором подчеркнуто, что «включенные в список книги, журнальные и газетные статьи окажут помощь в практической работе по дальнейшему подъему урожайности кукурузы в том случае, если они будут использованы с учетом конкретных местных условий». Однако в тексте указателя ничто больше не напоминает об этом важном условии. Наряду со статьями об агротехнике кукурузы в Астраханской области сюда вошли брошюры о возделывании этой культуры в иной почвенно-климатической зоне. (Грызлов Н. Кукуруза в Подмосковье. М., «Мол. гвардия», 1954; Якушкин И. Кукуруза и подсолнечник на силос при квадратно-гнездовом способе посева в нечерноземной полосе. М., Сельхозгиз, 1954; Праксин С. За высокие урожаи кукурузы на силос в нечерноземной полосе. М., 1954 и др.).

Указатель аннотирован, однако в аннотациях нельзя найти необходимых указаний на то, что именно в данной книге можно было бы применить в условиях Астраханской области. Так, в аннотации к книге Бондарева М. и Старкова А. «Кукуруза и ее возделывание в Ростовской области». Ростов н/Д., 1947 (!) говорится: «Авторы описывают лучшие сорта кукурузы, применяемые в Ростовской области, ее требования к почве и климату, агротехнические приемы по возделыванию, а также несколько страниц посвящается уборке и хранению кукурузы на семена и мерам по борьбе с болезнями и вредителями». Такая аннотация не рассеивает недоумение по поводу включения книги в указатель, рассчитанный на использование его в условиях Астраханской, а не Ростовской области.

Краткие списки литературы о выращивании кукурузы выпустили Ленинградская¹ и Молотовская² областные библиотеки в апреле—мае 1954 года, почти одновременно. Достоинство списков — в их оперативности. Однако к отбору включаемого материала составители подошли по-разному. Если в списке Ленинградской областной библиотеки рекомендован основной минимум литературы по агротехнике кукурузы, причем освещены и такие вопросы, как подготовка участка и семян кукурузы к посеву, то Молотовская библиотека включила книги В. Р. Вильямса и Т. Д. Лысенко по травопольной системе земледелия, статью о научно-популярном фильме «Рассказ о зеленых квадратах», но не подобрала литературу по отдельным вопросам агротехники кукурузы, хотя статьи на эту тему

¹ Иванова А. Выращивание кукурузы на силос. (Кр. рек. список лит-ры). Л., 1954. 4 с. (Ленингр. обл. б-ка. Библиогр. отд.).

² Широкова С. Д. Кукуруза — ценная кормовая культура. Кр. список лит-ры. Молотов. 1954. 6 с. (Молотовская гос. публичная б-ка им. М. Горького. Научно-библиогр. отд.).

можно было найти в центральных газетах и в картотеке «Сельсо».

Совершенно очевидно, что такой список не может оказать большой помощи практическому работнику с. х.

Новой системе обработки почвы и посева, предложенной колхозником-ученым Т. С. Мальцевым, посвящают свои указатели литературы Курганская, Свердловская и другие областные библиотеки.

Краткий указатель литературы Курганской областной библиотеки «Новую систему обработки почвы и посева в колхозное и совхозное производство»¹ представляет собой, собственно, информационный перечень всех вышедших к тому времени работ Т. С. Мальцева и литературы о нем, в том числе и художественной.

Такое содержание указателя, адресованного практическим работникам сельского хозяйства Курганской области, не может помочь внедрению методов Т. С. Мальцева и Шадринской опытной станции в колхозное производство, как это было задумано составителями. Этой цели не удовлетворяет ни отбор литературы, ни ее расположение.

Более четко построен краткий указатель литературы «Систему Т. С. Мальцева на поля Свердловской области»,² составленный работниками Свердловской областной библиотеки. Здесь отобран минимум литературы, полезной в условиях Свердловской области. Включение статей как местных, так и центральных газет помогло раскрыть особенности применения метода Т. С. Мальцева в Свердловской области. «Методические советы библиотекарю», которыми снабжен указатель, подчеркивают необходимость учета, при использовании указателя, условий данного района. К сожалению, в указателе обойден важный вопрос применения сельскохозяйственной техники при обработке почвы по методу Т. С. Мальцева, но в целом умело составленный указатель может оказать большую помощь полеводам Свердловской области.

Учет почвенно-климатических условий области особенно важен при рекомендации литературы по возделыванию сельскохозяйственных культур. Однако далеко не все областные библиотеки принимают это во внимание.

¹ Новую систему обработки почвы и посева в колхозное и совхозное производство. Сост. Б. М. Грецкий. Курган, 1954. 24 с. (Курганская обл. б-ка. Библиот. отдел).

² Систему Т. С. Мальцева — на поля Свердловской области. Кр. рек. указ. лит-ры для работников полеводства. Сост. библиограф Г. М. Савиных. Свердловск, 1955. 20 с. (Гос. публ. б-ка В. Г. Белинского. Спр.-библиогр. отдел).

Перед нами краткий рекомендательный указатель литературы об агротехнике зерновых и зернобобовых культур.¹

Актуальность темы, включение, наряду с центральными, и местных изданий, аннотации — все это производит, в целом, хорошее впечатление. Но составители не рекомендуют литературы, знакомящей с почвами и климатом Казахстана и особенностями агротехники зерновых и зернобобовых культур в этих условиях. В раздел «Удобрение почвы» вошли две книги о калийных удобрениях, мало эффективных на бурых и солончаковых почвах и, наоборот, ничего нет об азотных удобрениях, дающих большой эффект на бурых почвах области. Рекомендую сборник «Передовые приемы агротехники», составитель не дает в аннотации никаких указаний, что именно из описанных приемов можно применить в Алма-Атинской области.

Все расширяющееся использование техники в социалистическом сельском хозяйстве и ведущая роль в нем машинно-тракторных станций ставят перед библиотеками серьезные задачи пропаганды литературы по вопросам механизации сельского хозяйства. К составлению указателей литературы по этим вопросам областные библиотеки подошли по-разному. Астраханская областная библиотека, выпустив краткий рекомендательный список литературы «В помощь работникам МТС и механизаторам сельского хозяйства»,² не смогла охватить в небольшом списке литературу по всем основным вопросам механизации сельского хозяйства. Поэтому по механизации животноводческих ферм и овощеводства указаны случайные книги; для комбайнеров рекомендованы несколько книг об опыте работы МТС. Среди книг, рекомендованных для трактористов, ничего нет по вопросам эксплуатации и ремонта тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин. Вместо этого в список включены книги, непосредственно механизаторам сельского хозяйства не адресованные (например, В. Лозового «Новое в механизации колхозного производства» — материалы к лекции в помощь культпросветработнику).

Рекомендательный список литературы, изданный Гос. публичной библиотекой им. Алишера Навои (Узбекская ССР), «Что читать работникам машинно-тракторных станций»³ несколько полнее. Здесь выделены основные темы, рекомендуется

¹ Зерновые и зернобобовые культуры. Кр. рек. указ. лит.-ры. Сост. В. П. Сушинцев. Алма-Ата, 1954. 48 с. (Алма-Атинская обл. б-ка).

² В помощь работникам МТС и механизаторам сельского хозяйства. Кр. реком. список лит.-ры. Сост. Т. Зубанова. Астрахань, 1954. 16 с. (Обл. б-ка им. Н. К. Крупской).

³ Что читать работникам машинно-тракторных станций. Рек. список лит.-ры. Сост. Ф. А. Бляхарская. Ташкент, Госиздат УзССР, 1955. 60 с. (М-во культуры УзССР. Гос. публ. библ. им. Алишера Навои).

литература по вопросам организации работы машинно-тракторных станций. Однако незачем было включать в этот раздел устаревшую брошюру А. А. Рускол «Договор МТС с колхозами» (М., 1951. 52 с.). Вряд ли также следовало рекомендовать брошюры о сельскохозяйственных машинах, изданные Сельхозгизом в серии «Библиотека колхозника» и дающие самые первоначальные сведения о сельскохозяйственной технике, которыми уже должен обладать любой механизатор.

Некоторые областные библиотеки порою возражают против включения в библиографические пособия газетных и журнальных статей по вопросам сельского хозяйства на том основании, это это — материал, недолго сохраняющий свое значение, устаревающий с выходом в свет отдельных изданий. Это неверная точка зрения.

Без широкого использования материалов периодической печати, на страницах которой раньше, чем в отдельных изданиях, освещаются новые проблемы и вопросы внедрения новой техники, невозможна полноценная пропаганда сельскохозяйственных знаний. Отказ от использования журнальных и газетных статей приводит к тому, что в пособиях областных библиотек не освещены многие вопросы, еще не нашедшие отражения в отдельных изданиях. Так, пока не вышла книга Д. Быстрова, почти ни в одном библиографическом пособии ничего не рекомендовалось о совмещении профессий в МТС. В результате районные и сельские библиотеки вынуждены были сами искать этот материал в периодических изданиях. Как указывалось на межобластном совещании работников областных библиотек в г. Калинин в мае 1955 г., районная библиотека Калининской области своими силами вынуждена была составить рекомендательный список газетных и журнальных статей о кукурузе, потому что они не вошли в имеющиеся в районе библиографические пособия.

Мало используются также материалы бюллетеня «Техсоветы МТС» и картотеки «Сельсо». Только единичные библиотеки отражают их в своих изданиях.

Многие библиотеки сопровождают рекомендацию литературы аннотациями, однако часто последние носят общий характер и ничем не связаны с темой пособия. Так, например, в памятке читателю, составленной Брянской библиотекой, «Что читать о механизации животноводческих ферм»¹ дается такая аннотация:

«Книга содержит сведения об устройстве и эксплуатации в сельском хозяйстве тракторов, автомобилей, комбайнов и

¹ Что читать о механизации животноводческих ферм (Памятка читателю). Сост. Н. Давыдова. Брянск, 1954. 4 с.

других сельскохозяйственных машин и орудий, предназначенных для механизации производственных процессов в полеводстве и животноводстве. Имеется описание ветродвигателей, локомотивов, электростанций, электротракторов. Освещены общие вопросы механизации и электрификации сельского хозяйства, эксплуатации машинно-тракторных агрегатов».

Эту аннотацию с таким же успехом можно было бы поместить в библиографическое пособие на любую тему для механизаторов сельского хозяйства.

Более выгодное впечатление производят аннотации в рекомендательном указателе литературы Горьковской областной библиотеки имени В. И. Ленина «Строительство помещений для скота — важное условие подъема животноводства».¹ Вот, например, аннотация, данная составителями этого указателя к книге Г. И. Кательва «Сельскохозяйственные постройки»:

«В главе «Животноводческие постройки» рассматриваются постройки для содержания крупного рогатого скота, свиней, овец, лошадей и птиц. Описано устройство доильных залов, силосных башен, траншей и навозохранилищ».

Здесь аналитическая аннотация четко характеризует ту часть книги, которая может быть использована в данном случае. Интересно в указателе Горьковской областной библиотеки и то, что он издан совместно с областным управлением по строительству в колхозах, главным инженером которого написана вступительная статья и отредактирован указатель. Такое сотрудничество следует практиковать как можно шире.

По вопросам животноводства областными библиотеками за последние два года было выпущено более 80 библиографических пособий. При этом разные библиотеки по-разному определяли тематику их. Одни — составляли пособия для отдельных животноводческих профессий (что читать доярке, что читать телятнице и т. п.); другие — по отраслям животноводства (свиноводство, овцеводство и т. п.), и, наконец, третьи — посвящают указатели и списки актуальным в данный момент для всего животноводства вопросам. Таков, например, рекомендательный список литературы Грозненской областной библиотеки им. А. П. Чехова — «Выращивание молодняка сельскохозяйственных животных». Все эти пути вполне закономерны. Однако, нельзя согласиться с попыткой Астраханской областной библиотеки² собрать в кратком рекомендательном списке лите-

¹ Строительство помещений для скота — важное условие подъема животноводства. Реком. указат. лит.-ры. Сост. библиограф В. М. Райковская. Ред. и вступ. статья гл. инж. обл. упр. с.-х. по строительству в колхозах Л. Свирина. Горький, 1955. 10 с. (Горьковская обл. б-ка им. В. И. Ленина. Отд. библиографии).

² В помощь животноводам. Кр. рек. список лит.-ры. Сост. В. Морозов. Астрахань, 1954. 16 с. (Обл. б-ка им. Н. К. Крупской).

ратуру по всем вопросам животноводства. Это ведет к неизбежным пропускам и к поверхностной рекомендации.

Вызывают также возражение рекомендательные списки, выпущенные Сталинградской областной библиотекой им. А. М. Горького, в которых весь материал дан в двух разделах: «Руководящие материалы» и «Общие вопросы» (по овцеводству, свиноводству и т. д.). При принятом библиотекой формальном расположении литературы по алфавиту с выделением журнальных статей в конце раздела, использование списков затруднительно. Отбор литературы также не всегда удовлетворителен. Так, не следовало бы включать некоторые устаревшие материалы, например рекомендовать статью Н. Жукова «Развитие общественного птицеводства в колхозах», опубликованную в 1952 году.¹

Материал в библиографических пособиях по сельскому хозяйству далеко не всегда четко расположен.

Перед нами рекомендательный список литературы Сталинградской областной библиотеки «Овощи и картофель».² В нем не так легко разобраться. Литература об удобрении картофеля, его посадке, орошению дана вне какой-либо логической системы. Значительно удобнее было бы и для библиотекаря и для читателя, если бы материал был систематизирован по основным темам. В данном случае внутри общего раздела «Возделывание культуры картофеля» можно было бы выделить литературу по семеноводству, квадратно-гнездовому способу посадки картофеля и т. д. Так построена, например, памятка читателю, изданная Брянской областной библиотекой, «За повышение урожайности картофеля».³ Здесь литература внутри разделов расположена по ее значению, а сами разделы отражают основные вопросы возделывания картофеля в Брянской области. Книги и статьи хорошо проаннотированы — аннотации не только раскрывают содержание рекомендуемой литературы, но и указывают, чем она может быть полезна в условиях области.

Несмотря на то, что сельскохозяйственные работы носят сезонный характер, пропаганда сельскохозяйственных знаний должна вестись систематически в течение всего года, а не только во время важнейших сельскохозяйственных кампаний.

В этом направлении заслуживает внимания опыт Псковской областной библиотеки, издавшей 4 выпуска «Краткого

¹ Птицеводство. Рек. список лит-ры. Сталинград. 1954. 8 с. (Сталинградская обл. б-ка им. А. М. Горького. Библ. отд.).

² Овощи и картофель. Реком. указ. лит-ры. Сталинград, 1954. 16 с. (Сталинградская обл. б-ка им. А. М. Горького. Библ. отдел).

³ За повышение урожайности картофеля. (Памятка читателю). Брянск, 1954. 24 с. (Брянская обл. б-ка. Спр. библ. отдел).

указателя литературы по основным видам сельскохозяйственных работ в Псковской области».¹

Это первые шаги на пути к систематической пропаганде сельскохозяйственной книги. Не случайно эти указатели привлекли такое внимание библиотекарей и работников сельского хозяйства Псковской области. Очень важно, что при работе над ними областная библиотека пользовалась календарем сельскохозяйственных работ, составленным специалистами сельского хозяйства применительно к условиям Псковской области. Это дало возможность рекомендовать ту или иную литературу по всем вопросам, возникающим при проведении в области сельскохозяйственных работ, с учетом природных условий и сельскохозяйственного профиля области. Составители «Краткого указателя» пошли по правильному пути, широко используя отдельные главы книг, а также журнальные и газетные статьи.

«Краткий указатель» выиграл бы, давая не только перечень литературы по всем видам сельскохозяйственных работ, но и сведения — чем та или иная книга полезна в данных условиях, какой подготовки требует ее чтение, поскольку в нем одновременно рекомендуется литература самого различного читательского назначения (например, Зубрилин А. А. Методы повышения питательности кормов. М., Сельхозгиз, 1954, и Сорокин С. В. Подготовка кормов к скармливанию. М., Сельхозгиз, 1948).

Как новый вид библиографического пособия, охватывающий литературу по всем видам сельскохозяйственных работ в области, «Краткий указатель» заслуживает большого внимания со стороны всех областных библиотек.

В заключение следует отметить, что несмотря на рост числа библиографических пособий, создаваемых областными библиотеками, тематика их ограничена. До сих пор нет или почти нет пособий, помогающих ориентироваться в литературе о почвах данной области и применении на них удобрений; мало указателей по частному растениеводству, почти нет указателей литературы об агротехнике той или иной сельскохозяйственной культуры. Если областными библиотеками разработаны для механизаторов пособия по сельскохозяйственной технике, то для этой же группы читателей нет пособий, знакомящих с агротехникой возделываемых в данных почвенно-климатических условиях с.-х. культур. В расширении тематики библиографических

¹ Краткий указатель литературы по основным видам сельскохозяйственных работ в Псковской области. Вып. I—IV. 1954—1955. (Псковское областное управление культуры. Псковская областная библиотека).

пособий областных библиотек по сельскому хозяйству большую роль должны сыграть дальнейшее овладение библиотекарями основами сельского хозяйства и тесное содружество областных библиотек с областными управлениями по сельскохозяйственной пропаганде.

ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ В БИБЛИОГРАФИИ

Исследование истории библиографии показывает, что, при определенных условиях, библиографические труды могут явиться ценным дополнительным источником в изучении развития идеологии и истории политических взглядов общества. К числу таких трудов принадлежит недавно вышедшая в Праге в издательстве Чехословацкой Академии наук книга «Славика на чешском языке. Ч. 1. Чешские переводы со славянских языков до 1860 года».¹

Это — первая часть задуманного Чехословацким Славянским институтом обширного библиографического труда, ставящего целью охватить публикации на чешском языке, в которых отражается историческое развитие дружественных связей чешского с другими славянскими народами.

Работы, ставившие перед собою подобные цели, неоднократно предпринимались как в самой Чехословакии, так и в остальных славянских странах. Достаточно назвать знаменитые «Библиографические листы» русского библиографа первой половины XIX в. П. И. Кеппена, в которых принимали участие такие видные чешские ученые, как Й. Добровский и П. Шафарик. Знакомство русского читателя с литературой южных и западных славян было не последней задачей «Библиографических листов». В последующие годы в России неоднократно публиковались библиографические материалы, свидетельствовавшие о русско-славянских культурных связях. Можно сослаться, например, на изданный под редакцией акад. И. Ягича в 1902 г. сборник библиографических и литературно-критических статей «А. С. Пушкин в южно-славянских литературах».

В советский период было издано немалое количество библиографических материалов, отражающих традиционную дружбу славянских народов и знакомящих советских читателей с борьбой этих народов за свое социальное и национальное освобождение. В послевоенный период неоднократно издавались библиографические указатели, памятки и списки литературы о строительстве социализма в Польше, Чехословакии, Болгарии.

¹ Slavica v české řeči. I. České preklady ze slovanských jazyků do r. 1860. S kolektivem spolupracovníků slovanského ústavu CSAV uspořádal J. Bečka. Praha. NCSAV, 1955, 167 str. (CSAV. Studie a prameny, sv. 3. Sekce jazyka a literatury).

Польские библиографы внесли ценный вклад в создание библиографических трудов о польско-славянских связях. Над изучением литературы о польско-чешских связях, например, много работал видный польский библиограф Вислоцкий. Представляют интерес хранящиеся в рукописном отделе Львовской библиотеки Академии наук УССР черновые материалы, карто-тека и рукопись его обширного библиографического труда по истории польско-чешских взаимоотношений (до 1918 года).

В самой Чехословакии неоднократно делались попытки создания библиографий, в которых нашла бы свое отражение многовековая связь чешского народа с другими славянами. Большая заслуга принадлежит видным чешским ученым и библиографам XIX в. — Йозефу Юнгманну, Петру Шафарику, Йозефу Михлю и др., в библиографических трудах которых находила отражение литература о жизни славянских народов, переводы на чешский язык с русского, польского, болгарского, сербо-хорватского и др. славянских языков. В качестве примера можно сослаться на две важные работы П. Шафарика: «Обзор новейшей литературы иллирийских славян» (1833 г.) и «Библиографический обзор сборников славянских народных песен» (1838 г.). Вторая работа примечательна в том отношении, что, знакомя чешского читателя с русскими историческими и бытовыми песнями, Шафарик широко использовал «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова и «Роспись российских книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина».

Сушественное значение источника к изучению культурных взаимосвязей славянских народов имел библиографический журнал Урбанка, издававшийся в Праге с перерывами в 70—80-х годах прошлого века. Подобные попытки предпринимались и в новейшее время. Так, в 1940 г. в серии «Источники к истории славянских взаимных связей» вышла в свет работа «Чешская и словацкая литература, театр, языкознание и этнография в Югославии», в которой собрана литература с 1800 до 1935 г.

При всей ценности и значимости многих из этих библиографических трудов, библиографическая деятельность в области славяноведения, вплоть до освобождения Чехословакии и утверждения в ней народно-демократического строя, носила в целом разобщенный характер и в значительной степени была делом отдельных энтузиастов.

Лишь в послевоенные годы исследование чешско-славянских связей приобрело в Чехословакии, вставшей твердо на путь социализма, государственное значение.

Интерес, с новой силой пробудившийся в народе к культуре братских славянских наций и, прежде всего, к культуре русского народа, вызвал к жизни необходимость использования в этих целях средств библиографии.

В 1946 г. Славянский институт задумал работу по библиографии славистики, практически приступить к которой удалось лишь спустя три года.

Ряд важных соображений, положенных в основу работы, обобщен в «Предисловии» к ней.

Библиография славяноведения, по замыслу составителей, должна была включить все, что касается славянских народов и издано в Чехословакии с древнейших времен до настоящего времени. При этом предполагалось учесть литературу, отражающую разнообразие отрасли человеческой деятельности — историю, филологию, право, технику, медицину и т. д.

Поставив перед собою столь широкую задачу, составителям пришлось особое внимание уделить вопросу о принципах отбора регистрируемой литературы.

Первым критерием отбора был принят язык произведения. Общим правилом явилось включение работ (отдельных книг и статей), изданных только на чешском языке, независимо от национальности автора. Таким образом труды, например, выдающегося чешского ученого-слависта Й. Добровского, написанные на немецком языке, в библиографию не включались. Это, разумеется, в значительной степени снижает достоинство рецензируемой библиографии. Однако составители рассматривают подобное ограничение как временное: «к этой работе мы возвратимся уже на следующем этапе», — пишут они (стр. 8).

Однако, далеко не все публикации на чешском языке включались в библиографию. Здесь вслед за языковым признаком принималось во внимание место издания. Материалы, изданные хотя бы и на чешском языке, но вне пределов чешских земель, не учитывались. Это вполне понятно. Во-первых, составители стремились показать процесс взаимодействия чешского с соседними славянскими народами в пределах определенной территории, которая исторически населена чехами. Во-вторых, сбор материалов, изданных вне пределов чешских земель (например чехами-эмигрантами в США, Канаде и др.), представляет серьезные практические трудности. Исключение делалось лишь для Словакии, а также для Вены и Пешта, где издавались книги и журналы на чешском языке, поскольку Словакия, Вена и Пешт входили вплоть до 1918 г., наряду с Чехией и Моравией, в состав Австро-Венгрии.

Труды, относящиеся к собственно Чехословакии, не регистрировались в силу того, что, как заявляют составители, учет этой литературы призваны осуществлять другие институты Академии наук Чехословакии.

Наиболее полное отражение в составляемой библиографии получили книги.

Прочие виды печати отражались выборочно. Ноты, например, регистрировались лишь при наличии в них текста. В связи с увеличением во второй половине XIX века числа местных периодических изданий составители не могли фиксировать с исчерпывающей полнотой помещенные в них статьи. Была сделана попытка учесть лишь все наиболее важные материалы, включая мелкие сообщения, отражающие чешско-славянские связи.

После определения круга включаемого материала, был установлен принцип расположения его: собранная библиография группируется по трем периодам, соответственно важнейшим этапам чешской истории XIX—XX вв.

Первая часть, посвященная первому периоду, должна охватить публикации до 1860 года. С установлением такой хронологической границы можно согласиться, несмотря на ее, в известной степени, условный характер, поскольку конец 50-х — начало 60-х годов знаменовали крах системы реакционного абсолютизма в Австрии и оживление общественной жизни в стране. В эти годы в чешских землях намечается новый подъем освободительного движения, на историческую арену начинает выходить как самостоятельная сила новый класс — чешский пролетариат. Не случайно З. Неедлы характеризовал национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. как одно из самых ярких событий в истории чешского народа и чешской культуры.

Следующим важным этапом чешской истории была Великая Октябрьская социалистическая революция и как следствие ее — распад лоскутной Австро-Венгрии и образование в 1919 г. независимой Чехословакии. Поэтому вторая часть библиографии должна, по плану Института, охватить литературу, изданную в период 1861—1918 гг.

Третья часть библиографии включит публикации времени существования буржуазной Чехословакии и периода оккупации страны гитлеровским фашизмом.

Наконец, материалы последней части охватят период возникновения и развития новой народно-демократической Чехословакии.

На основе принципов отбора и хронологической группировки литературы, с которыми мы познакомились выше, составители подготовили к печати часть библиографии, относящейся к первому периоду, — переводы со славянских языков на чешский, отображающие знакомство чешских читателей с переводами братских литератур на чешский язык.

В изданной библиографии учтены переводы, опубликованные как отдельными изданиями, так и в периодической печати. Не включались сочинения XVI—XVII вв., относительно кото-

рых нельзя было точно установить — являются ли они переводами или оригинальными работами. Также не фиксировались переводы на чешский язык с других славянских языков тех произведений, которые не являются для последних оригинальными, например перевод с польского языка Гомера, сделанный Я. Неedly.

С учетом этих оговорок изданный труд, по словам составителей, за немногим исключением можно считать полно охватывающим литературу.

Рассматриваемый нами первый том «Славики на чешском языке» состоит, помимо предисловия, из 4 основных разделов: «Списка использованных журналов и альманахов», «Чешских переводов со славянских языков до 1860 г.», «Списка переводчиков» и «Хронологической таблицы».

Центральное место, как это видно из подзаголовка работы, занимает раздел «Чешские переводы со славянских языков до 1860 г.»

Материалы, зарегистрированные в этом разделе, имеют важное значение в изучении культурных связей славянских народов между собою. Процесс складывания новых общественных отношений в Чехии, угнетенной австрийской монархией, имевший место в конце XVIII — начале XIX в., вызвал к жизни блестящую плеяду борцов за права чешской культуры, за развитие родного языка и литературы. Передовые деятели чешского национального возрождения (как называлась та эпоха) обращали свои взоры на восток, к русскому народу с верой в то, что от него чехи получают свободу.

Раздел «Переводы» состоит из ряда рубрик, охватывающих библиографию переводов со славянских языков: болгарского, древне-славянского, лужицкого, польского, русского, словенского, сербо-хорватского и украинского.

Первенствующее место в библиографии занимают переводы произведений художественной литературы, хотя встречается немалое количество трудов по историческим, филологическим и др. наукам. Огромный интерес, пробудившийся в широких кругах чешского общества, особенно с 30-х гг. XIX в., отражен в библиографии переводами многих произведений А. С. Пушкина, Г. Р. Державина, А. А. Дельвига, И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшкова и многих других. В эти годы было осуществлено большое число переводов произведений Н. В. Гоголя, пользовавшегося в Чехии особой популярностью.

Расположение материала — в алфавите авторов или заглавий. Каждая запись снабжена порядковым номером. Библиографическое описание содержит указание места и года издания, а также в большинстве случаев — фамилии переводчика.

Применение составителями алфавитного порядка располо-

жения литературы в значительной степени усложняет решение задачи, которая поставлена самими составителями — показать чешско-славянские связи в их историческом развитии. Думается, что этому вполне закономерному стремлению составителей в большей степени отвечало бы хронологическое расположение литературы.

Введённая для облегчения использования алфавитного списка «Хронологическая таблица» не может существенно исправить положение, поскольку рядом с годом издания указывает лишь порядковый номер перевода, описание которого приходится искать в одном из разделов указателя.

Заслуживает внимания «Список переводчиков», который дает наглядную картину деятельности чешских писателей в области перевода на чешский язык произведений братских литератур. Пользуясь этим списком, можно, например, установить, что важный вклад в ознакомление чешского читателя с русской литературой внесли: Ф. Челаковский, выдающийся поэт и писатель, один из первых переводчиков А. С. Пушкина; видный чешский критик К. Гавличек, переводчик произведений Н. В. Гоголя; писатель радикальный демократ К. Сабина, переводчик сочинений А. С. Пушкина, И. И. Козлова и др.

Помещенный вслед за предисловием «Список использованных журналов и альманахов», как предупреждают составители, не является исчерпывающей библиографией чешской периодики до 1860 г. Однако список может рассматриваться как библиография всех наиболее существенных периодических изданий начала XIX века.

Пользуясь книгой «Славика на чешском языке», можно получить ряд важных сведений о переводах тех или иных произведений на чешский язык. Материалы сборника позволяют без особого труда составить статистику переводов на чешский язык с других славянских языков, что имеет немаловажное значение в изучении взаимодействия и взаимовлияния братских культур.

Рассмотренный нами первый выпуск большой и ценной работы будет полезен для лиц, занимающихся вопросами славяноведения. Следует приветствовать инициативу и деятельность Славянского института в области создания актуальных библиографических трудов. Новая работа Славянского института — хороший пример умелого использования средств библиографии для показа развития и укрепления традиционной братской дружбы славянских народов.

НОВОЕ РУКОВОДСТВО ПО БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМ СПРАВОЧНИКАМ

(Totok W. und R. Weitzel. Handbuch der bibliographischen Nachschlagewerken. Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1954. 258 стр.)

В последнее время внимание зарубежных библиографов привлечено к особому виду библиографии второй степени — к так называемым «библиографическим введениям», (или как их иначе называют, «путеводителям по книгам», «библиографическим руководствам», «введениям в литературу»). В отличие от обычных библиографий библиографий, «библиографические введения» не дают полного свода библиографических указателей, а приводят лишь наиболее важные из них, имеющие практическое значение. С другой стороны, они не ограничиваются только библиографиями, а сообщают также сведения и о некоторых других изданиях: справочниках, энциклопедиях, словарях и о наиболее фундаментальных сводах и руководствах.

Основная задача таких библиографических изданий заключается в том, чтобы раскрыть всю *систему* библиографической, справочной и вспомогательной литературы в данной области, указать те пути, по которым надо идти при разыскании как библиографических, так и фактических сведений.

Такая целенаправленность требует от этих изданий точности, правильного отбора материала, обдуманного характера его расположения и элементов дидактичности, дающих возможность постепенного ознакомления с литературой в задуманном автором порядке. Всякое «библиографическое введение» является в известной степени курсом библиографии — общей или специальной. Очень часто, поэтому, перечень названий в «библиографическом введении» перемежается авторским текстом.

«Библиографическое введение» может быть универсальным (включающим общие и специальные справочники и библиографии) и отраслевым, посвященным литературе по одной или нескольким дисциплинам.

«Библиографическое введение» как тип издания, возникнув

в англо-американской библиографии, распространилось и в других странах.

Если вспомнить, что первой универсальной библиографией библиографий принято считать «Библиографическую библиотеку» Петцхольдта, вышедшую в 1866 году (11), хотя были и более ранние, например «Всеобщий библиографический репертуар» Г. Пеньо 1812 года (10), а за истекшие с той поры почти сто лет подобные работы вышли в количестве, не превышающем нескольких десятков, то нельзя не поразиться обилию разнообразных универсальных библиографий библиографий, изданных после второй мировой войны.

В самом деле, в 1947—1949 гг. Бестермен выпускает второе издание своей «Мировой библиографии библиографий» (1), в 1950 году выходит 2-е издание «Практического путеводителя по библиографии» Кало и Тома (3), в том же году Бохатта и Ходес издают «Международную библиографию библиографий» (2), а также начинает издаваться много томный труд Мальклес «Источники библиографической работы» (8, 9).

В 1951 г. появляются сразу: работа Коллисона (4), 6-е издание книги Краббе (6), 2-е издание книги Робертса (12) и 7-е издание «Путеводителя по справочным книгам» Уинчелл (19).¹ В 1952 году выходит второй том работы Мальклес (9). В 1954 г. — дополнение к 7-му изданию «Путеводителя по справочным книгам» (20), новое издание «Основных справочных источников» Шорса (13) и «Курс библиографии» Мальклес (7), представляющий собой выжимку из ее «Источников». Наконец в 1955 г. вышло третье и последнее издание «Библиографии библиографий» Бестермена (1).

Это свидетельствует не только о потребности в изданиях этого рода, но и о поисках нового типа пособия — более удобного, широко применимого и доступного для пользования и, вместе с тем, точного и надежного. Характерно, что перечисленные выше издания (за исключением работ Бестермена и Бохатты)² одни в большей, другие в меньшей степени наделены чертами «библиографического введения», потому что именно в этом направлении производятся поиски.

Понятен поэтому интерес, вызванный вышедшим в 1954 г. во Франкфурте-на-Майне «Руководством по библиографическим справочникам» В. Тоттока и Р. Вейтцеля, которое можно назвать типичным «библиографическим введением».

¹ В 1 и 2 изданиях авторство принадлежало Кребер; в 3—6 изданиях — Медж.

² Оценку их см. в ст. Г. Г. Кричевского «Новые иностранные справочники по библиографии библиографий». — «Сов. библиография», 1952, вып. 1, стр. 89—98.

На эту книгу сразу же откликнулись два видных зарубежных библиографа — Бестермен¹ (Англия) и Форстиус² (ГДР). Первый упрекает авторов в нечеткости замысла и считает заглавие «Руководство» слишком претенциозным для книги, насчитывающей менее 2000 названий. Фактически же он, не говоря этого прямо, отвергает целесообразность «библиографического введения» как типа издания — отчасти и потому, что одним из необходимых элементов «библиографического введения» является систематическое расположение материала, врагом которого выступает Бестермен. Определяя работу Тотока и Вейтцеля как выборочную (selective) библиографию и возражая против ее перегруженности немецкими изданиями, он не отказывает ей, впрочем, в полезности для немецких студентов и отмечает, хотя и с оговоркой, хорошее качество аннотаций.

Второй рецензент — Йорис Форстиус — дает высокую оценку отбору материала и качеству библиографического описания «Руководства», утверждая, что до сих пор в литературе отсутствовал подобный справочник «среднего объема» (он считает «Руководство» по объему средним между трудами Уинчелл и Мальклес, с одной стороны, и коротенькой сводкой Краббе — с другой).

Авторы этой книги в предисловии указывают, что в задачу «Руководства» входит как облегчение процесса преподавания библиографии в библиотечных и книготорговых учебных заведениях, так и непосредственная помощь в практической библиографической работе. «Для того, чтобы не запутать учащихся чрезмерной полнотой материала и, вместе с тем, чтобы предоставить наводящему справку все необходимое в легко обозримой форме, требуется строгий отбор названий и четкое членение материала» (стр. III). Таковы достаточно ясные установки авторов.

Книга состоит из двух частей, которым предпослано краткое (на 8 страницах) введение, дающее определение понятия «библиография», а также освещающее основные этапы и тенденции ее развития.

1-я часть (стр. 1—112) посвящена общей библиографии (библиографии библиографий, международные универсальные библиографии, международные выборочные библиографии, библиографии инкунабул, национальные библиографии, указатели нежелательной и запрещенной литературы, библиографии переводов, библиографии псевдонимов и анонимов, указатели изданий университетов и высших школ, официальных изданий, указатели изданий академий и научных обществ, общие биб-

¹ The journal of documentation. London. Vol. 9, 1954, № 4, с. 213—214.

² Zentralblatt für Bibliothekswesen. Leipzig. B. 68, 1954, № 7/8, с. 293—296.

лиографии периодических изданий). В соответствии с задачами «библиографического введения» первая часть включает, помимо библиографий, общие энциклопедии, библиотечные и книготорговые каталоги, аукционные ежегодники, указатели сокращенных названий периодических изданий, а также биографические словари — как международные, так и национальные. Первая часть завершается кратким обзором деятельности ЮНЕСКО и перечнем основных трудов и периодических изданий, посвященных вопросам документации. В первой части каждый раздел и многие подразделы начинаются авторским текстом, содержащим самые необходимые исторические и фактические данные и предназначенным, главным образом, для студентов библиотечных и книготорговых школ, а также для лиц, только начинающих свою деятельность в области библиографии. Этот авторский текст объединяет первую часть «Руководства» в единое целое.

Вторая часть (стр. 113—234) называется «Отраслевые библиографии» и сообщает сведения об основной библиографической и справочной литературе по книговедению, библиотековедению, философии, психологии, педагогике, литературоведению и языкознанию, по искусству, археологии, музыке, театру, кино, танцам, по историческим наукам, по этнографии, праву, политике, экономике, социологии и др. общественным наукам, по географии, естествознанию в целом, а также по физике, астрономии, геодезии, химии, геологии, палеонтологии, минералогии, метеорологии, климатологии, биологии, ботанике, зоологии, антропологии, медицине, сельскому и лесному хозяйству, по технике.

Вторая часть по своей структуре отличается от первой отсутствием авторского текста. Ориентировка в материале этой части осуществляется исключительно системой расположения его и с помощью аннотаций.

Каждый из разделов второй части строится по единой схеме, которая выглядит, примерно, следующим образом:

- Библиографические введения.
- Периодические библиографии.
- Библиографии журналов.
- Реферативные издания.
- Периодические обзорные издания.
- Законченные библиографии.
- Специальные энциклопедии и словари.
- Биографические словари.
- Руководства.

Само собой разумеется, что наполнение этой схемы произведено в соответствии с имеющимся материалом. Так, например, отсутствие «библиографических введений» по книговедению, библиотековедению, археологии и другим дисциплинам

заставляет начинать эти разделы непосредственно с периодической библиографии; не во всех разделах есть реферативные издания, библиография журналов и т. д., а следовательно, и соответствующие рубрики.

С другой стороны, особенности материала вынуждают в ряде случаев вводить в эту схему дополнительные рубрики: «Указатели названий растений» — в ботанике, «источниковедение» — в истории, «иконография» — в искусстве и пр.

Тем не менее структура всех разделов в целом остается единой, что придает «Руководству» стройность, вскрывает внутренние взаимоотношения между перечисляемыми изданиями и значительно облегчает розыски.

Внутри рубрик литература располагается от общего к частному. На этом принципе, являющемся наиболее эффективным для «библиографического введения», авторы старались построить книгу в целом, и можно считать, что это им удалось. Четкость членения материала и внутренняя логика его подачи подчеркнуты таким полиграфическим приемом рубрикации, как «боковики». К книге приложен словарный указатель авторов, названий и предметных рубрик (стр. 235—258).

Описания произведены по «Инструкции для алфавитного каталога прусских библиотек», и выполнены весьма тщательно.

Почти каждое описание сопровождается аннотацией (в первой части более развернутой, во второй части — краткой), которая обычно поясняет структуру издания, хронологический и региональный охват материала, периодичность, дату первого издания и сообщает другие необходимые сведения. Как правило, дается общая оценка информационной ценности издания, и даже встречаются попытки идеологической оценки некоторых книг («Meyers-Lexikon», «Enciclopedia Italiana»).

Итак, структура книги, расположение материала и метод его постепенного выявления, точность описания и система аннотирования, полиграфическое оформление книги и даже выбор шрифтов — все это можно только приветствовать и считать, что с этой стороны «Руководство по библиографическим справочникам» является шагом вперед по пути разработки и усовершенствования «библиографического введения» как типа издания.

Однако решающим фактором в оценке любого библиографического пособия, а тем более «библиографического введения», является отбор материала. Очень важно, *как* подать, но еще важнее, *что* подать.

Форстиус пишет, что авторам в большой степени удалось отобрать лучшие издания из всех областей, и выражает высокое удовлетворение результатами отбора. На наш взгляд, немецкий библиограф заблуждается.

Дело заключается не в том, что, как указывает Бестермен, в работе преобладают немецкие издания. Это вполне естественно. Точно так же в книге Уинчелл мы обнаружим преобладание американского материала, а у Мальклес — французского. Против этого возражать не приходится, так как каждая из этих книг рассчитана, в первую очередь, на читателя своей страны. Забегая вперед можно выразить надежду, что и в советском «библиографическом введении в мировую литературу» советский материал будет представлен наиболее полно.

Речь идет о другом. Книга Тотока и Вейтцеля должна по своему замыслу быть руководством по мировой справочной и библиографической литературе. Однако она таковым не являясь, так как фактически ограничивается литературой стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, а также отрывочными сведениями о некоторых изданиях Советского Союза.

А между тем нельзя иметь представления о современном состоянии национальной библиографии без учета тех успехов в этом отношении, которые достигнуты в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, где налажена особая система государственной регистрации, без учета соответствующих изданий Китайской Народной Республики, Югославии, Японии, Канады и Австралии, Мексики и стран Южной Америки. Откуда получит библиотекарь новые сведения о национальных библиографиях (или заменяющих их изданиях) Албании, Греции, Аргентины, Южно-Африканского Союза. Авторы совершили большую ошибку, игнорировав опыт мировой библиографии в накоплении и сведении воедино данных о библиографических службах всего мира. (Имеются в виду работы Шнейдера, Пинто, Ларсена, Коновер, а также серии статей о национальных библиографиях, печатавшихся в «Quarterly journal of current acquisition (Library of Congress). Washington» и в «Revue de documentation, Review of documentation», Bruxelles).

Посвящая специальный раздел деятельности ЮНЕСКО, авторы не указывают на такие его издания, как «Список научных работ, опубликованных на Среднем Востоке» (17), «Библиография научных изданий Южной Азии» (15), «Список научных статей, изданных в Латинской Америке» (16) или «Научные и технические журналы Восточной и Юго-Восточной Азии» (18) — опять-таки потому, что это выходит за пределы принятых ими территориальных границ. Между тем эти издания содержат новейшие данные, очень важные для научных библиотек.

По той же причине в разделе «Техника» отсутствуют библиографические издания технических документационных центров Чехословакии, Румынии, Венгрии и Польши, представ-

ляющие значительный интерес, а раздел «Книговедение» лишен такого справочного издания, как хронологическая сводка Сверковского «Десять веков книги» (14).

Очень скудны и недостаточны сведения о библиографической и справочной литературе Советского Союза. Авторы отводят национальной библиографии СССР всего одну страницу, в то время как, например, Испании отведены 2 страницы, т. е. в два раза больше. Напомним, что разделу общей библиографии СССР, выполненному Д. Джапаридзе для 1-го тома «Источников» Мальклес, было посвящено 35 страниц, а испанской библиографии — 7, т. е. в 5 раз меньше.

Авторы не использовали работу Джапаридзе и даже не отослали читателя к Мальклес, хотя в других случаях это делали (например, в подразделе «Восточно-европейские языки и литература» есть ссылка на стр. 684—783 второго тома «Источников» Мальклес).

Во второй (специальной) части русская и советская литература почти не представлена. Даже выходящий с 1953 г. «Реферативный журнал» Академии наук СССР (серия «Химия») не нашел своего отражения в книге. Вряд ли это можно считать правомерным, если учесть тот интерес, который вызывает советская научная литература за рубежом. Организация специальных центров переводов с русского в Голландии, издание указателя содержания советских научных журналов в Англии, выпуск ежемесячного списка русских поступлений в библиотеку Конгресса (с росписью журнальных статей!), непрерывный рост удельного веса русских названий в международных реферативных журналах («Mathematical Reviews», «Chemical Abstracts» и др.) — все это говорит о том, что зарубежным специалистам, в том числе и немецким, авторы «Руководства» оказали плохую услугу, не помогли им найти пути к ознакомлению с советской литературой.

Нельзя также не отметить, что и в охваченном «Руководством» материале есть ряд непонятных пробелов: отсутствуют «Catalogue of copyright entries» (США), каталог читального зала Британского музея, «Nuclear Science Abstracts», нет ни одной серии «Annual Reviews», издаваемых Стэнфордским университетом в Калифорнии, нет ни одной из более чем 15 серий «Advances», выпускаемых Ньюйоркским Академическим издательством и охватывающих самые разнообразные отрасли наук от вирусологии до геофизики. Между тем немецкие издания аналогичного типа — «Ergebnisse», «Fortschritte», «Forschungsberichte» — представлены чрезвычайно широко.

Даже этих примеров (а их можно привести больше) достаточно, чтобы составить представление о неправомерно суженных рамках «Руководства».

Это ограничение не может быть оправдано «средним объемом» книги. В ней есть материал, который мог быть сокращен. Хорошо, что «Руководство по библиографическим справочникам» включает раздел «Театр, кино, танцы», но если выбирать (а в данном случае именно о выборе идет речь), то целесообразнее было бы отказаться от него, при наличии специального отдела «Искусство», чтобы расширить горизонты издания в целом.

У авторов явно гуманитарные склонности. Раздел «Право» занимает 10 страниц, а «Математика» — 1 страницу, «Физика» — 1 страницу, «Химия» — 3 страницы. Более того, все естественные, точные и прикладные науки вместе взятые заняли 35 страниц «Руководства» (стр. 200—234), а один раздел «Язык и литература» — 24 страницы (стр. 136—152), чрезмерно расширен раздел «История». Это произошло потому, что в гуманитарных разделах приводятся и старые работы, сохранившие в настоящее время лишь исторический интерес, в то время как в разделах естественных, точных и прикладных наук даны сведения о практически необходимых изданиях. Если бы литература по гуманитарным наукам была освещена в том же объеме, что и естественнонаучная, то высвободилось бы немало столь дефицитного места. Или, наконец, книга в целом могла бы быть на 100 страниц больше.

Мы не касаемся классификации наук, применяемой авторами, которая ни в какой степени не удовлетворяет советского библиографа, но не можем не указать на то, что вообще совершенно обойдена литература по марксизму, в том числе даже выходящая в ГДР с 1950 года «Библиография марксистской журнальной литературы» (5).

Таким образом, «Руководство по библиографическим справочникам» Тотока и Вейтцеля, несмотря на прекрасно разработанную структуру, методику подачи материала и точность описания, не может решить тех задач, которые предъявляет к «библиографическому введению в мировую литературу» современное состояние науки и культуры. Создание такого «Введения» стоит на очереди.

В связи с этим возникает и другой вопрос. От наших специалистов во всех областях знания требуется умение использовать иностранный опыт, достижения науки и техники за рубежом. Выполнение этих требований невозможно без библиографического обслуживания наших кадров, без помощи со стороны библиографов.

Нам кажется, что среди первоочередных задач советской библиографии должна встать и задача создания для советских читателей целой системы «библиографических введений» — руководств, рассчитанных на специалистов различных обла-

стей. В рецензируемой книге описано свыше 60 «библиографических введений» по естественным и гуманитарным наукам, вышедших в США, Англии, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, и не указано ни одной советской книги. Книг такого типа (кроме попытки М. П. Мультановского создать библиографическое руководство для медиков) у нас почти нет.¹ Нет у нас и ни одного универсального «библиографического введения в мировую литературу». Жизнь настоятельно требует ликвидации этого пробела.

Несомненно, что при создании таких справочников должен быть учтен весь мировой опыт, в частности достоинства и недостатки рецензируемой книги.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bestermann T. A world bibliography of bibliographies. 2 ed. vol. 1—3. London. 1947—1949; 3 ed. Vol. 1—4. Genève, 1955.
2. Bohatta H., F. Hodes. Internationale Bibliographie der Bibliographien. Frankfurt am Main. 1950. 652 c.
3. Calot F. et G. Thomas. Guide pratique de bibliographie. 2 ed. Paris. 1950. 278 c.
4. Collison R. L. Bibliographies, subject and national. London. N. Y. 1951. 172 c.
5. Internationale Bibliographie der marxistischen Zeitschriften-literatur. (Marx—Engels—Lenin Institut beim ZK der SED). Berlin. Dietz. 1950—
6. Krabbe W. Bibliographie. 6. Aufl. Namburg. 1951. 102 c.
7. Malclès L.-N. Cours de bibliographie à l'intention des étudiants de l'université et des candidats aux examens de bibliothécaire. Genève. 1954. 352 c.
8. Malclès L.-N. Les sources du travail bibliographique. T. 1. Bibliographies générales. Genève—Lille. 1950. 364 c.
9. Malclès L.-N. Les sources du travail bibliographique. T. 2. Bibliographies spécialisées (sciences humaines). Genève—Lille. 1952. 954 c.
10. Peignot G. Répertoire bibliographique universel. Paris. 1812. 514 c.
11. Petzholdt J. Bibliotheca bibliographica. Lpz., 1866. 939 c.
12. Roberts A. D. Introduction to reference books. 2 ed. London. 1951. 214 c.
13. Shores L. Basic reference books. 3ed. Chicago. 1954. 378 c.
14. Swierkowski K. Dziesiec wieków ksiezki. Chronologia. Kodz. 1949. 92 c.
15. UNESCO. Bibliography of scientific publications of South Asia. Delhi. 1949—
16. UNESCO. List of scientific papers published in Latin America. Montevideo. 1948—
17. UNESCO. Liste de travaux scientifiques publiés au Moyen-Orient. Cairo. 1947—

¹ Уже после того, как рецензия была сдана в печать (октябрь 1955 г.), появились две книги, бесспорно относящиеся к данной группе библиографических руководств: Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования. Источниковедение, библиография, разыскание. Л., Учпедгиз, 1955. 154 с. и Лебедев Д. В. Пособие для геоботаников. М.—Л., АН СССР, 1956. 382 с.

18. UNESCO. Scientific and technical journals of East and South East Asia. 2 ed. Manila. 1953.

19. Winchell C. M. Guide to reference books. 7 ed. Chicago. 1951. 645 c.

20. Winchell C. M. and O. A. Johnson. Guide to reference books. 7. ed. Supplement 1950—1952. Chicago. 1954. 140 c.

ТРЕТЬЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССОРСКО - ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

В конце 1955 года проходила III конференция профессорско-преподавательского коллектива Института, подведшая итог научной работы за истекший год, в которой приняли участие как специальные, так и общенаучные кафедры.

Конференция была открыта докладом кандидата филос. наук А. И. Новикова о большевистской периодической печати 1905—1907 гг., прочитанным на пленарном заседании. Дальнейшая работа конференции протекала в четырех секциях: секции общественных наук, библиотековедения и библиографии, секции детской литературы и библиотечной работы с детьми и секции литературы.

Ряд докладов, прочитанных на конференциях, являлись частями диссертационных исследований (А. И. Новикова «Вопросы культуры в большевистской периодической печати 1905—1907 гг.», Е. А. Бaeвой «Борьба Коммунистической партии за подготовку и воспитание колхозных кадров в период второй пятилетки», О. В. Волковой «Экономическая мысль в России в 40-х годах 19 века», С. М. Левидовой об Александровском заводе в годы первой мировой войны, А. Ф. Гусаковой о журнале «Мурзилка», Н. А. Кужелевой о советских изданиях Н. А. Некрасова для детей).

Другие доклады представляли собой обобщение преподавателями практического опыта библиотек (Е. И. Кужелькова об организации передвижной работы в условиях города, сообщение М. А. Хейфеца об изучении интересов читателя сельских библиотек). Некоторые итоги экспериментальной работы были доложены С. И. Копыловым (об использовании библиографических пособий как средства пропаганды книги) и М. М. Гаккель (о проведении обзоров литературы, посвященной передовому производственному опыту в цехах Ленинградского металлического завода).

С большим интересом присутствующие выслушали выступления доц. Б. Я. Бухштаба, поделившегося опытом разыскания литературных текстов: Н. А. Некрасова, а также личные воспоминания доц. Е. П. Приваловой о детском писателе М. Ильине. Привлекло внимание и вызвало дискуссию выступление на секции библиотековедения и библиографии преподавателей кафедры литературы Н. А. Таманцева и Б. Л. Раскина по вопросу классификации художественной литературы в каталогах массовых библиотек.

На заключительном пленарном заседании, при подведении итогов работы конференции, было отмечено, как явление положительное, участие в конференции молодых преподавателей (Н. А. Кужелевой), а также аспирантов (М. А. Хейфец и М. М. Гаккель).

III НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ИНСТИТУТА

В мае 1955 года состоялась очередная (третья) научно-практическая конференция выпускников Института, собравшихся, чтобы поделиться с преподавательским коллективом опытом своей практической работы и,

тем самым, содействовать укреплению творческого содружества преподавателей Института с практиками.

Среди 144 человек, принявших участие в работе конференции, было 54 выпускника Института, как работающих в библиотеках Ленинграда и Ленинградской области, так и приехавших из Пскова, Курска, Калинин, Воронежа, Петрозаводска, Нальчика и других городов.

Конференция проходила в те дни, когда наша страна отмечала двухсотлетие одного из крупнейших научных центров — Московского государственного университета им. М. Ломоносова. Этому знаменательному событию в культурной жизни советского народа был посвящен доклад доцента кафедры литературы, кандидата филологических наук Э. С. Литвин, которым открылась конференция.

Актуальному вопросу коммунистического воспитания был посвящен прослушанный на пленарном заседании второй доклад — И. М. Митгарца «Научно-атеистическая пропаганда в городской районной библиотеке». С заметным интересом участники конференции восприняли сообщение К. В. Миллер, осветившей опыт организации библиографического отдела в одной из районных библиотек Ленинграда и, в частности, первую попытку слияния читательского систематического каталога с картотеклой журнально-газетных статей. С пятилетним опытом организации выставок новых книг ознакомила участников конференции Ивановская областная библиотека (Т. А. Матвеева).

На заседании секции библиотекведения были заслушаны четыре доклада, объединенные общей темой: обслуживание книгой механизаторов сельского хозяйства.

Среди докладов, вынесенных на секцию библиографии, особый интерес вызвал доклад о практике составления библиографических пособий краеведческого характера (Кировская областная библиотека) и сообщение о типах библиографических пособий по сельскому хозяйству, разрабатываемых Псковской областной библиотекой.

Основным вопросом на секции библиотечной работы с детьми явилась помощь политехническому обучению, осуществляемая детскими библиотеками. С накопившимся в этом направлении опытом ознакомили сообщения библиотеки Пыталовского района Псковской области и детской библиотеки им. Н. К. Крупской г. Новороссийска.

Переработанные тексты основных докладов, заслушанных на конференции, вошли в сборник «Третья научно-практическая конференция выпускников Института», напечатанный на ротаторе.

ОБСУЖДЕНИЕ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ

В апреле 1955 года в открытом заседании Ученого совета Института в течение трех дней происходило обсуждение лекций и учебных пособий, разработанных преподавателями специальных кафедр. Обсуждению подверглись 18 изданий по отдельным темам курсов «Библиотекведение», «Библиотечные каталоги», «Общая библиография», «Библиография технической литературы», «Руководство детским чтением» и др.

Обсуждению предшествовало широкое ознакомление с изданными пособиями библиотекарей-практиков, приславших около 130 отзывов. Непосредственное участие в обсуждении приняли работники Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина, Библиотеки Академии наук СССР, Ленинградской центральной библиотеки им. В. Маяковского, Ивановской, Калининской и Кировской областных библиотек, библиотеки Дворца культуры им. С. М. Кирова и библиотекари ряда районных библиотек Ленинграда и Ленинградской области. В обсуждении участвовали также преподаватели общенаучных кафедр Института.

Наиболее оживленную дискуссию вызвали лекции Т. В. Крюгер «Организация абонемента», Б.В. Банка «Изучение интересов советского читателя», М. А. Брисмана «Введение в библиографию», Н. Н. Житомировой «Н. К. Крупская и руководство детским чтением».

При общей положительной оценке работы по созданию учебных пособий, проделанной специальными кафедрами, в ходе обсуждения было высказано немало критических замечаний, касающихся отдельных недостатков.

Выступления участников совещания, а также присланные отзывы показали, насколько плодотворным является широкое обсуждение для дальнейшей работы преподавательского коллектива над созданием полноценных пособий, необходимых не только студентам, но и библиотекарям-практикам.

ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ КАФЕДР

Помещаемая ниже библиография содержит работы преподавателей специальных кафедр, опубликованные в печати на протяжении последних лет (1945—1955), и посвященные вопросам библиотекведения и библиографии. Список этих работ отражает общее направление деятельности Института, одной из основных задач которого было создание учебных пособий по специальным дисциплинам.

Наряду с разработкой ряда программ, составленных совместно с коллективом Московского библиотечного института им. В. М. Молотова (по курсам «Библиотековедение», «Библиография», «Детская литература» и др.), как показывает прилагаемая библиография, преподавателями специальных кафедр был опубликован ряд учебных пособий и свыше 20 лекций для студентов заочного отделения по отдельным темам читаемых курсов. Среди изданных лекций несколько посвящено разделам курса «Библиотековедение» (2, 6, 10, 18, 22, 70) и пропаганде литературы отдельных отраслей (3, 38, 42, 49); четыре — по курсам «Общей» и «Отраслевой библиографии» (30, 46, 47, 48). Ряд лекций был опубликован по курсам «История детской литературы», «Руководство детским чтением» и «Советская детская литература» (60, 66, 72, 84). Кроме лекций был издан ряд учебных пособий для студентов (11, 12, 35, 78), а также пособия в помощь работникам массовых библиотек (19, 50).

Библиография изданных работ содержит также ряд публикаций, характеризующий деятельность кафедры детской литературы по разработке проблем теории и истории детской литературы и пропаганды ее в детских и школьных библиотеках. К числу их относятся статьи монографического характера, опубликованные на страницах сборников (65, 69, 74, 75, 77, 79), а также отдельные книги (76, 80), посвященные детским писателям. В журналах были опубликованы статьи, посвященные анализу чтения школьников (56, 57, 61, 68, 71) и обсуждению книг с читателями-детьми (58, 67).

В прилагаемой библиографии зарегистрировано несколько рекомендательных указателей, разработанных отдельными членами преподавательского коллектива (25, 32, 64, 81), отзывы о книгах (62, 63), а также рецензии на различные библиографические издания (29, 34, 39, 40, 41). Несколько статей были посвящены истории библиотечного дела, истории детской литературы и детского чтения (53, 4, 73, 83) и отдельным актуальным вопросам библиотечной и библиографической практики (15, 17, 24, 33, 36, 37, 43, 44).

Кафедра библиотекведения

1. Б а н к Б. В. Читатель Степанов.—«Библиотекарь», 1946, № 2/3, стр. 44—46.

2. Б а н к Б. В. Изучение интересов советского читателя. Лекция для студентов заочного отделения по курсу «Библиотековедение». М., Госкультпросветиздат, 1954. 55 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

3. Г о л у б е в а Н. Д. Пропаганда сельскохозяйственных знаний в библиотеке. Под ред. В. Ф. Сахарова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 44 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской. Лекция для студ. заочн. отд. по курсу «Библиотековедение»).

4. Громова А. А. К истории издания Одесского «Каталога систематического чтения» (1882 и 1883 гг.).—«Советская библиография», 1947, вып. 3, стр. 82—86.

5. Громова А. А. Библиотечное дело в России (в 1908—1914 годах). Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «История библиотечного дела». Под ред. Н. Я. Иванова. М., Госкультпросветиздат, 1955. 44 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

6. Крюгер Т. В. Организация абонементов. Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «Библиотековедение». Под ред. В. Ф. Сахарова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 56 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

7. Кужелькова Е. И. Обслуживание читателей вне библиотеки. Под ред. В. Ф. Сахарова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 52 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

8. Сахаров В. Ф. 30-летие Ленинградского Государственного Библиотечного Института им. Н. К. Крупской.—«Библиотекарь», 1949, № 2, стр. 6—10.

9. Сахаров В. Ф. Междубиблический абонемент. Л., 1946. 83 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской. Кафедра библиотековедения).

10. Сахаров В. Ф. Междубиблический и заочный абонемент. М., Госкультпросветиздат, 1953. 31 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской. Лекции для студ. заочн. отд. по курсу «Библиотековедение»).

11. Тихомирова Л. П. и Фирсов Г. Г. Алфавитный каталог. Альбом образцов описания произведений печати с пояснительным текстом. Л., 1949. 110 стр. (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

12. Тихомирова Л. П. и Фирсов Г. Г. Описание произведений печати для библиотечных каталогов. Альбом образцов с пояснительным текстом. Л., 1952. 264 стр. (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Лен. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

13. Фирсов Г. Г. Организационные вопросы централизованной каталогизации в СССР. — «Библиотекарь», 1948, № 3, стр. 29—33.

14. Фирсов Г. Г. Печатная карточка Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Советская библиография», 1949, вып. 1, стр. 32—35.

15. Фирсов Г. Г. Единые правила описания произведений печати для каталогов массовых библиотек. — «Библиотекарь», 1949, № 3, стр. 25—28.

16. Фирсов Г. Г. Из истории печатной карточки в России.—«Советская библиография», 1952, вып. 1, стр. 58—63.

17. Фирсов Г. Г. В борьбе за технический прогресс. — «Библиотекарь», 1952, № 5, стр. 19—22.

18. Фирсов Г. Г. Централизованная каталогизация в СССР. М., Госкультпросветиздат, 1952. 40 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской. Лекция для студентов-заочников по курсу «Библиотечные каталоги»).

19. Фирсов Г. Г. Единые правила описания произведений печати для каталогов небольших библиотек и библиотечных указателей. М., Госкультпросветиздат, 1953. 176 стр. (М-во культуры РСФСР, Гл. управл. культпросветучреждениями. Упр. библ.).

То же 2-е изд. 1954.

20. Фирсов Г. Г. Оформление алфавитного каталога. — «Библиотекарь», 1954, № 5, стр. 30—36.

21. Фирсов Г. Г. Централизованная каталогизация в Болгарии, Польше и Чехословакии. — «Советская библиография», 1954, вып. 37, стр. 61—78.

22. Фирсов Г. Г. Описание многотомных изданий. Под ред. В. Ф. Сахарова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 38 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т

им. Н. К. Крупской. Лекции для студентов заочн. отд. по курсу «Библиотечные каталоги»).

23. Фирсов Г. Г. Краткий болгаро-русский и русско-болгарский словарь библиотечных терминов. М., Всесоюзн. книжн. палата, 1955. 42 стр.

Кафедра библиографии

24. Архипова М. К. и Кореневская А. М. О некоторых недостатках в каталогах ленинградских библиотек. — «Советская библиография», 1953, вып. 2, стр. 23—28.

25. Брискман М. А. В борьбе с немецкими захватчиками. Краткий указатель художественной литературы. Лениздат, 1946. 72 стр.

26. Брискман М. А. Публичная библиотека и советская библиография. Тезисы доклада. — В кн.: Научная конференция, посвященная тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. 15—17 дек. 1947 г. Тезисы докладов. Л. (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

27. Брискман М. А. и Волошин Д. А. Некоторые вопросы рекомендательной библиографии. — «Библиотекарь», 1948, № 11, стр. 26—30.

28. Брискман М. А. О единых правилах описания произведений печати. — «Советская библиография», 1951, вып. 1, стр. 12—24.

29. Брискман М. А. и Е. Павлович. Русские библиографические и библиографические словари (о книге И. М. Кауфмана). — «Советская библиография», 1951, вып. 1, стр. 99—104.

30. Брискман М. А. Введение в библиографию. М., Госкультпросветиздат, 1954, 48 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской. Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «Общая библиография»).

31. Бронштейн М. П. Популяризация естественнонаучных знаний в советской книге. Тезисы доклада. — В кн.: Научная конференция, посвященная тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. 15—17 дек. 1947 г. Тезисы докладов. Л. (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

32. Бронштейн М. П. В помощь изучающим книгу К. А. Тимирязева «Жизнь растения». Л., Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1950. 35 стр.

33. Бронштейн М. П. Книжная выставка как форма массовой пропаганды книги. — «Библиотекарь», 1951, № 12, стр. 12—17.

34. Бухштаб Б. Я. Указатель литературы о Н. А. Некрасове (Рецензия на указатель Л. М. Добровольского и В. М. Лаврова — Библиография литературы о Н. А. Некрасове). — «Советская библиография», 1953, вып. 2, стр. 109—112.

35. Бухштаб Б. Я., Ефимова В. А., Ильина А. К., Муратова К. Д. Персональная библиография художественной литературы. М., Госкультпросветиздат, 1954. 88 стр.

36. Гнучева В. В. Больше внимания методике составления библиографических пособий по сельскому хозяйству. — «Советская библиография», 1955, вып. 40, стр. 19—24.

37. Гнучева В. В. Действенное средство научно-атеистической пропаганды. (Библиографический обзор книг по вопросам естествознания 1953—1954 гг.). — «Пропагандист», 1954, № 12, стр. 73—76.

38. Гнучева В. В. Пропаганда естественнонаучной литературы в библиотеке. Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «Библиотековедение». М., Госкультпросветиздат, 1955. 31 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

39. Зильберминц Л. В. Первая брошюра об аннотировании технической литературы. (Рецензия на книгу А. В. Кременецкой «Аннотиро-

вание технической литературы»). — «Советская библиография», 1955, вып. 40, стр. 87—92.

40. Ильина А. К. и Фирсов Г. Г. Пособие в помощь комплектованию библиотечных фондов. (Рецензия на Типовой каталог.....). — «Библиотекарь», 1948, № 9, стр. 44—46.

41. Ильина А. К., Копылов С. И., Чагина Н. Г. Некоторые недостатки ценной книги. (Об учебном пособии В. Денис-ева «Общая библиография») — «Советская библиография», 1955, вып. 41, стр. 41—44.

42. Копылов С. И. Библиография произведений классиков марксизма-ленинизма. Методическое письмо для студентов-заочников. М., Госкультпросветиздат, 1952. 46 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

43. Копылов С. И. Как использовать библиографию при изучении марксистско-ленинской теории. — «Пропагандист», 1954, № 9, стр. 57—62.

44. Михайлова А. М. Историко-краеведческие материалы в библиографических пособиях областных библиотек. — «Советская библиография», 1955, вып. 38, стр. 67—71.

45. Мохов И. А. О библиографических пособиях в помощь самообразованию. — «Советская библиография», 1950, вып. 1, стр. 86—94.

46. Мохов И. А. Учебная литература. Лекция для студентов-заочников по курсу «Библиография технической литературы». М., Госкультпросветиздат, 1953. 27 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

47. Мохов И. А. Производственная литература. Лекция для студентов-заочников по курсу «Библиография технической литературы». М., Госкультпросветиздат, 1953, 27 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

48. Мохов И. А. Литература в помощь новаторам производства, рабочим и инженерно-техническому персоналу. Лекция для студентов-заочников по курсу «Библиография технической литературы». М., Госкультпросветиздат, 1953. 23 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

49. Мохов И. А. Пропаганда технических знаний в библиотеке. Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «Библиотековедение». М., Госкультпросветиздат, 1954. 51 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

50. Мохов И. А. Пропаганда технической литературы в массовой библиотеке. М., Госкультпросветиздат, 1954. 83 стр.

51. Мохов И. А. К вопросу о библиографической подготовке студентов в библиотечных институтах. — «Советская библиография», 1954, вып. 36, стр. 139—142.

52. Рейсер С. А. Об источниках русской книжной статистики. — «Советская библиография», 1946, вып. 1, стр. 75—90.

Кафедра детской литературы

53. Бирман Ю. Е. О взглядах Н. В. Шелгунова на детскую литературу. — В кн.: Литературно-критические чтения. М.—Л., 1951, стр. 51—85.

53а. Житомирова Н. Н. Что и как читают школьники. — «Ленинградская правда», 1945, 12—1.

53б. Житомирова Н. Н. Чтение — лучшее учение. — «Ленинские искры», 1946, 16—1.

53в. Житомирова Н. Н. Литературно-художественный образ в уроке по истории. — В сб.: Вопросы преподавания истории. Под ред. В. Н. Бернадского и И. В. Гиттис. Л., 1947, стр. 67—85.

53г. Житомирова Н. Н. Как использовать греческие мифы в школе. — «Преподавание истории в школе», 1952, № 5, стр. 53—59.

54. Житомирова Н. Н. Слово о детской литературе. — «Литературная газета», 1949, 27—VIII.

55. Житомирская Н. Н. Советская историческая повесть для школьников. — В кн.: О детской литературе. Сб. статей. М.—Л., 1950, стр. 345—360.

56. Житомирская Н. Н. Незнакомое в знакомом. (О качестве чтения школьников). — «Ленинские искры», 1950, 17-VI.

57. Житомирская Н. Н. и Серова Н. С. Советская детская литература на внеклассных занятиях в 7-летней школе. — «Литература в школе», 1950, № 6, стр. 57—62.

58. Житомирская Н. Н. и Серова Н. С. Обсуждение произведений советских писателей со школьниками IV—VII классов. — В кн.: Пропаганда книг среди школьников. М.—Л., 1951, стр. 20—42.

59. Житомирская Н. Н. Об исторической книге для детей и педагогических требованиях к ней. — «Известия Акад. пед. наук РСФСР», 1952, № 44, стр. 79—83.

60. Житомирская Н. Н. Н. К. Крупская о руководстве детским чтением. Лекция для заочников по курсу «Руководство детским чтением». М., Госкультпросветиздат, 1952. 24 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

61. Житомирская Н. Н. Чтение детской художественной литературы в 1 классе. (На материалах доклада на научно-педагогической конференции в Лен. пед. ин-те Акад. пед. наук РСФСР 27-V, 1953). — «Начальная школа», 1953, № 9, стр. 28—31.

62. Житомирская Н. Н. Рецензия на книгу Л. Липина и А. Белова «Глиняные книги» — «Преподавание истории в школе», 1953, № 4, стр. 120—122.

63. Житомирская Н. Н. Путешествия в прошлое. (О книге Л. Липина и А. Белова «Глиняные книги»). — «Учительская газета», 1953, 13—V.

64. Житомирская Н. Н. Что читать по истории школьникам 5—7 классов. Аннотированный указатель. М.—Л., Детгиз, 1953. 79 стр.

65. Житомирская Н. Н. Творчество Э. П. Выгодской. — В кн.: Вопросы детской литературы. М.—Л., 1953, стр. 217—252.

66. Житомирская Н. Н. Задачи руководства детским чтением в библиотеке. Вводная лекция для заочников по курсу «Руководство детским чтением». М., Госкультпросветиздат, 1954. 23 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

67. Житомирская Н. Н. и Серова Н. С. Обсуждение произведений советских писателей со школьниками 4—7 классов. — В сб.: Книги о науке и технике — детям. М.—Л., 1954, стр. 130—150.

68. Житомирская Н. Н. О внеклассном чтении художественной литературы в пятом классе. — «Советская педагогика», 1954, № 8, стр. 55—64.

69. Житомирская Н. Н. А. Г. Бармин — детям. — В кн.: Ленинградские писатели — детям. Л., 1954, стр. 182—212.

70. Житомирская Н. Н. Особенности руководства детским чтением в библиотеке. Лекции для студентов заочного отделения по курсу «Библиотечное дело». М., Госкультпросветиздат, 1955. 43 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

71. Житомирская Н. Н. Воспитательное значение внеклассного чтения художественной литературы в 1 классе. — «Известия Акад. пед. наук РСФСР», 1955, № 70, стр. 332—346.

72. Пирусская Г. В. Работа с читательским активом в советской детской библиотеке. Лекции для студентов-заочников по курсу «Руководство детским чтением». Под ред. Н. Н. Житомирской. М., Госкультпросветиздат, 1953. 16 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

73. Привалова Е. П. Круг чтения ребенка дошкольника в 90-х годах 19 столетия. — Ученые записки Лен. гос. педагогического ин-та им. А. И. Герцена, Т. 85. Л., 1946. стр. 123—154.

74. Привалова Е. П. А. Н. Толстой о детской литературе. — В кн.: Вопросы детской литературы. М.—Л., 1953, стр. 165—189.

75. Привалова Е. П. Книга А. Н. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино». — В кн.: Вопросы детской литературы. М.—Л., 1953, стр. 189—217.

76. Привалова Е. П. Творчество А. Н. Толстого для детей. Под ред. В. А. Мануйлова. М., Госкультпросветиздат, 1953. 47 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

77. Привалова Е. П. Л. Пантелеев. — В кн.: Ленинградские писатели — детям. Л., 1954, стр. 147—170.

78. Привалова Е. П. Основные черты советской детской литературы. Под ред. В. А. Мануйлова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 57 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

79. Привалова Е. П. Памяти Б. С. Житкова. — В кн.: Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М., 1955, стр. 280—294.

80. Привалова Е. П. А. Н. Толстой — детям. М., Детгиз, 1955, 96 стр. (Дом Детской книги).

81. Свиридова З. И. Книги о труде. Рекомендательный указатель художественной, научно-художественной и научно-популярной литературы для учащихся 1—7 классов. В помощь руководителям детского чтения. М.—Л., Детгиз, 1943. 48 стр. (Дом Детской книги).

82. Свиридова З. И. К. М. Станюкович. Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «История детской литературы». Под ред. Е. П. Приваловой. М., Госкультпросветиздат, 1955. 20 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

83. Свиридова З. И. Журнал «Детское чтение». Петербургский период. (1869—1893). — В сб.: О литературе для детей. Л., 1955, стр. 218—254.

84. Свирская И. А. Творчество Л. А. Кассиля. Лекция для студентов заочн. отд. по курсу «Советская детская литература». Под ред. Е. П. Приваловой. М., Госкультпросветиздат, 1955. 26 стр. (Лен. Гос. Библ. Ин-т им. Н. К. Крупской).

ДИССЕРТАЦИИ

защищенные в Ленинградском государственном библиотечном институте
в 1954—1955 гг.¹

На соискание ученой степени кандидата педагогических наук по библиотековедению

Змеева Н. Я. «Технические каталоги и работа с ними в библиотеках». Офиц. оппоненты: докт. техн. наук, проф. Г. А. Максимов. Канд. пед. наук, доц. И. А. Мохов. (14—VI—1954 г.)

Диссертация построена на изучении около 1.000 советских технических каталогов и опыта работы с ними в ряде специальных библиотек Москвы и Ленинграда.

Первая часть исследования посвящена анализу советских технических каталогов. Рассмотрение их в исторической последовательности дало возможность автору показать отражение в каталогах роста советской промышленности.

Вторая часть диссертации содержит классификацию технических каталогов и анализ опыта работы библиотек с этим видом литературы.

В заключении автор выдвигает некоторые предложения по наиболее рациональной организации работы библиотеки с техническими каталогами.

Горш Е. А. «Советские библиотеки в годы становления народного хозяйства (1921—1925)». Офиц. оппоненты: проф. Е. Я. Голанд. Канд. фил. наук, доц. А. Г. Руднев. Канд. пед. наук Г. Г. Фирсов. (25—VI—1954).

Центральным вопросом исследования является содержание и формы массовой работы библиотек системы Главполитпросвета в период 1921—1925 гг.

В диссертации показаны пути становления советских библиотек как библиотек нового типа, превращение их из пунктов механической выдачи книг в подлинные очаги коммунистического воспитания.

Боханевич Е. П. «Библиотеки в помощь самообразованию читателей. Из опыта работы с советской интеллигенцией в крупных массовых библиотеках». Науч. рук. Канд. пед. наук, доц. Г. Г. Фирсов. Офиц. оппоненты: Акад. Д. В. Наливкин. Канд. пед. наук В. Ф. Сахаров. (30—VI—1954 г.).

В диссертации освещается опыт двух крупных массовых библиотек Ленинграда: Ленинградской центральной библиотеки им. В. Маяковского и библиотеки Выборгского Дома культуры.

Целью диссертации является обоснование необходимости и возможности руководства чтением квалифицированных специалистов.

Исследование отражает современное состояние вопроса, обобщает передовой опыт, показывает конкретные пути улучшения работы по руководству чтением специалистов и роль отраслевого абонемента в дифференцированном обслуживании читателя.

¹ Сведения о диссертациях, защищенных в предыдущие годы, см. «Библиотекарь», 1947, № 2, стр. 40—45; «Советская библиография», 1954, вып. 36, стр. 130—137.

**На соискание ученой степени кандидата педагогических наук
по библиографии**

Кодес Г. И. «Библиография географии в периодических изданиях Русского Географического Общества 40—60 гг. 19 века». Науч. рук. докт. геогр. наук, проф. С. В. Калесник. Офиц. оппоненты: докт. в.-морск. наук, проф. Е. Е. Швед. Канд. пед. наук Н. Г. Чагина. (19—1—1954 г.).

На основе изучения документальных материалов архива Всесоюзного Географического Общества автор показал роль РГО в создании и развитии библиографии географических наук и основные направления развития этой библиографии в периодических изданиях общества.

Первая глава дает картину основных путей развития библиографии географии до возникновения РГО; последующие главы посвящены анализу географических работ, опубликованных в периодических изданиях РГО. Завершающая часть диссертационного исследования характеризует деятельность членов РГО, создавших библиографию географической науки.

Богомолова П. С. «Советская медицинская биобиблиография». Научн. рук. докт. мед. наук, проф. Ф. И. Валькер. Офиц. оппоненты: засл. деят. науки, докт. мед. наук проф. Н. В. Лазарев. Канд. пед. наук И. К. Кирпичева. (30—III—1954 г.).

Исследование посвящено истории и современному состоянию советской медицинской биобиблиографии и охватывает период с 1917 по 1951 гг. Первая часть дает анализ и оценку биобиблиографических работ, опубликованных на страницах периодических изданий; во второй части прослеживается развитие и современное состояние монографических биобиблиографий по медицине; третья часть посвящена медицинской биобиблиографии справочного характера.

К диссертации приложен обширный список, содержащий около 2.000 названий советской медицинской биобиблиографии, снабженный алфавитным указателем имен.

Сеперович Н. К. «Научно-популярная книга о героическом военном прошлом великого русского народа. Издания 1941—1950 гг. Историко-библиографические очерки». Научн. рук. канд. ист. наук Н. С. Лебедев. Офиц. оппоненты: докт. ист. наук, проф. А. В. Предтеченский. Канд. пед. наук Н. Н. Житомирская. (25—V—1954 г.).

В диссертации показана огромная роль научно-популярной литературы о героическом военном прошлом русского народа в воспитании советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

История издания этой литературы дана в исследовании в связи с развитием исторической науки и народнохозяйственными задачами, стоявшими перед советским народом в исследуемый период.

Щербак ова Е. П. «Издание и распространение произведений В. И. Ленина в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март-апрель 1917 г.)». Научн. рук. канд. ист. наук, доц. Н. Я. Иванов. Офиц. оппоненты: докт. ист. наук, проф. С. Б. Окунь. Канд. пед. наук М. К. Архипова. (26—X—1954 г.).

Основным источником исследования явилась большевистская периодическая печать (на русском языке), хранящаяся в крупнейших книгохранилищах Москвы и Ленинграда, а также фонды архивов и, в первую очередь, архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. После краткого обзора большевистских изданий и характеристики методов и средств их пропаганды, в исследовании изложена история издания и распространения произведений В. И. Ленина, созданных им в начале революции (до победы Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов). В заключении приводятся сведения об издании и распространении произведений В. И. Ленина в настоящее время.

Лукомская А. М. «Математика и физика в советской библиографической литературе (1917—1947)». Науч. рук. акад. В. И. Смирнов. Офиц. оппоненты: докт. физ.-мат. наук, проф. Г. А. Чеботарев. Канд. пед. наук Л. В. Зильберминц. (11—1—1955 г.).

Анализ наиболее значительных источников физико-математической библиографии, начиная от ее зарождения в России в 18 веке до наших дней. Критический анализ библиографических источников сопровождается методическими выводами, имеющими целью повышение научного уровня издаваемых библиографических указателей.

К работе приложены таблицы книжной и журнальной продукции, списки рассмотренных источников и использованной литературы.

Теплов Д. Ю. «Научно-технические реферативные журналы и некоторые вопросы организации научной информации в СССР». Офиц. оппоненты: докт. физ.-мат. наук, проф. Г. А. Чеботарев. Канд. пед. наук, доц. И. А. Мохов. (21—VI—1955 г.).

Первая глава содержит общие положения о реферативной библиографии. Вторая глава посвящена классификации реферативной периодики и методам раскрытия содержания реферируемого материала. Особая глава отведена рассмотрению вспомогательных указателей. Две последние главы прослеживают основные этапы развития дореволюционной и советской реферативной периодики. В исследовании подробно рассмотрены вопросы организации реферативной библиографии.

Иениш Е. В. «Библиографирование технической литературы в изданиях Всесоюзной книжной палаты. (1946—1955)». Научн. рук. канд. пед. наук Л. В. Зильберминц. Офиц. оппоненты: действ. чл. Акад. наук УССР, докт. техн. наук, проф. В. В. Данилевский. Канд. пед. наук, доц. И. А. Мохов. (28—VI—1955 г.).

Основной части исследования предпослан обзор развития учета технической литературы в СССР, начиная от первых регистрационных изданий до настоящего времени.

Первая часть диссертации посвящена принципам и методике библиографирования технической литературы в органах Книжной палаты; вторая часть содержит анализ библиографирования отдельных видов технической литературы. Особенно тщательно проанализированы вопросы классификации. В сложившуюся классификационную схему автор вносит ряд предложений, уточняющих ее. Исследование содержит и некоторые выводы о возможности более широкого использования органов Книжной палаты в библиографической работе библиотек.

На соискание ученой степени кандидата педагогических наук по детской литературе

Новичкова Н. Ф. «Произведения Б. С. Житкова для детей». Научн. рук. канд. пед. наук, доц. А. Борщевская. Офиц. оппоненты: докт. фил. наук, проф. Т. И. Сильман. Канд. пед. наук, доц. Н. Б. Медведева (30—VI—1954 г.).

Основной задачей диссертации является определение места и значения творчества Б. С. Житкова в детской литературе.

Работа построена на глубоком анализе как художественных произведений Житкова, так и его теоретических высказываний о детской литературе. В исследовании приводятся новые, ранее неопубликованные письма Б. Житкова. Привлечены также отзывы школьников 3—5 классов.

В диссертации раскрыты идейное содержание произведений писателя и педагогические основы его творчества. Особая глава посвящена анализу своеобразной «энциклопедии» писателя—его книге «Что я видел».

Пирусская Г. В. «Воспитание актива читателей в советской детской библиотеке». Научн. рук. канд. пед. наук, доц. Н. Н. Житомирская. Офиц. оппоненты: чл.-корр. Академии пед. наук, докт. пед. наук, проф. Ш. И. Ганелин. Канд. пед. наук Е. А. Верховская. (28—IX—1954 г.).

В диссертации исследован вопрос о роли детской библиотеки в организации актива и использовании его для формирования детского коллектива.

Основным источником исследования явился анализ работы с активом ряда библиотек Москвы, Ленинграда и Ленинградской области, а также личный опыт автора.

В исследовании тема рассмотрена в исторической последовательности, и показано изменение характера работы с активом на разных этапах развития нашей страны.

Кон. Л. Ф. «Развитие поэзии для детей в годы восстановительного периода. (1921—1925) в свете задач коммунистического воспитания». Офиц. оппоненты: чл.-корр. Академии пед. наук, докт. пед. наук, проф. Ш. И. Ганелин. Канд. пед. наук, доц. Е. П. Привалова. (26—X—1954 г.).

Автор поставил перед собой задачу рассмотреть детскую литературу как неотъемлемую часть самой передовой в мире советской литературы, как соратницу педагогики в осуществлении задач коммунистического воспитания.

Первая часть диссертации посвящена детской литературе периода гражданской войны; вторая часть—общей проблематике и состоянию детской литературы восстановительного периода, и, наконец, в третьей части центральное место отведено анализу творчества лучших детских поэтов 20-х годов, боровшихся против недооценки художественного мастерства и создавших в те годы произведения, которые вошли в золотой фонд детской литературы (В. Маяковский, С. Маршак, К. Чуковский).

Редактор М. П. Бронштейн.

Изд. Лен. госуд. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской

М-40458 Подп. к печ. 14-11 1956 г. Форм. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 18,5. Тир. 1200
Заказ 1749. Тип. ГПБ. Фонтанка 36.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
34	16 сверху	doleances	doléances
47	7 сверху	с рабочим	с рабочими
52	6 сверху	подданому	подданному
71	4 сверху	представляемых	представляемым
72	1 снизу	не было	ни было
73	2 снизу	на расстояние	на расстоянии
82	21 – 20 снизу	населениях	населения
108	21 сверху	из-за его	из-за их
115	7 сверху	их премов	его приемов
134	12 сверху	1951. Глава: О. Бальзак	1951.
141	17 снизу	внимания	внимание
144	2-я сноска	a pos	à pos
	2-я стр. сверху		
144	2-я сноска	at arts	et arts
	15 стр. сверху		
144	2-я сноска	bibliothèque	bibliothèque
	6 стр. снизу		
157	21 стр. снизу	1895	1865
212	17 сверху	разработанности	разбросанности
254	16 сверху	des exilés du 14 décembre	des exilés du 14 decembre
281	14 снизу	Kodz	Lodz

Примечание к сообщению Г. Г. Фирсова (стр. 217-220).

После напечатания „Трудов“ Г. Г. Фирсов ознакомился с рукописью тов. Чжао Ши-яня (МГБИ), из которой почерпнуты следующие дополнительные сведения, приводимые ниже с согласия автора.

Кроме карточек на книги Пекинской библиотеки, в КНР выходят печатные карточки Шанхайской библиотеки периодических изданий на статьи из журналов и газет. С 1956 г. они распространяются по подписке.

С 1955 г. Ляонинская областная библиотека выпускает еженедельный „Бюллетень новых книг“, который включает до 200 аннотированных описаний. Часть тиража печатается на одной стороне листа специально для расклейки описаний на каталожные карточки.

